

Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит девять раз в год

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1 (67)

Серия «ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ»

2024

Главный редактор – акад. РАН А. М. Асхабов
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С. В. Дёгтева
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В. Н. Лаженцев
Ответственный секретарь – к.и.н. Д. В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В. В. Алексеев, акад. РАН А. А. Барях, акад. РАН В. И. Бердышев, д.м.н. Е. Р. Бойко, чл.-корр. РАН И. Н. Болотов, акад. РАН В. Н. Большаков, Ph.D. (Econ.) К. Борисова-Маринова (Болгария), д.ф.-м.н. Т. М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И. Н. Бурцев, акад. РАН А. Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н. А. Громов, д.и.н. И. Л. Жеребцов, д.б.н. В. Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В. А. Ильин, акад. РАН С. В. Кривовичев, И. В. Курляк, акад. РАН А. В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю. Б. Марин, акад. РАН В. П. Матвеевко, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г. А. Месяц, чл.-корр. РАН А. А. Москалев, д.э.н. Л. А. Попова, чл.-корр. РАН В. Н. Пучков, д.г.-м.н. А. М. Пыстин, чл.-корр. РАН И. М. Рощевская, акад. РАН М. П. Рощевский, д.х.н. С. А. Рубцова, д.и.н. Э. А. Савельева, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), чл.-корр. РАН А. Ф. Титов, д.б.н. С. Н. Харин, к.б.н. И. Ф. Чадин, акад. РАН В. Н. Чарушин, д.т.н. Ю. Я. Чукреев, д.б.н. Е. В. Шамрикова, акад. РАН В. С. Шацкий, д.э.н. А. Г. Шеломенцев, к.э.н. А. А. Юдин

Редакционная коллегия серии «История и филология»:

д.и.н. И. Л. Жеребцов (ответственный редактор), к.и.н. И. О. Васкул (зам. ответственного редактора), д.филол.н. Е. А. Цыпанов (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д. В. Милохин (ответственный секретарь), д.и.н. Е. Т. Артемов, д.и.н. А. М. Белавин, д.и.н. А. А. Бровина, д.филол.н. Т. Г. Владыкина, чл.-корр. РАН А. В. Головнев, д-р наук И. Желниковска (Польша), д.и.н. А. Е. Загребин, д.филол.н. Т. И. Зайцева, к.и.н. Н. М. Игнатова, д.и.н. В. А. Исупов, д.филол.н. Л. Л. Карпова, д-р наук Г. Клумпп (Эстония), к.и.н. П. П. Котов, к.филол.н. Ю. А. Крашенинникова, д.и.н. Е. Ф. Кринко, д.филол.н. Р. А. Кудрявцева, к.филол.н. Т. Л. Кузнецова, д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р филос. А. Леэте (Эстония), д-р филос. Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. М. А. Мацук, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), к.филол.н. А. Г. Мусанов, д-р филос. З. Надь (Венгрия), д.филол.н. О. И. Налдеева, д.и.н. П. Ю. Павлов, д.и.н. И. В. Побережников, д.филол.н. В. А. Поздеев, д.и.н. С. А. Прокопенко, д.и.н. А. В. Репневский, акад. РАН В. Н. Руденко, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), д.геогр.н. В. И. Силин, д.и.н. А. В. Сперанский, к.и.н. М. В. Таскаев, д.и.н. Ю. П. Шабает, д.филол.н. М. Шмигель (Словакия), к.и.н. С. Ю. Шокарев

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77- 26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН», 2024

Science Journal
Founded in 2010
Published 9 times a year

Established by
Federal State Budgetary
Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch, RAS»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 1 (67)

«HISTORY AND PHILOLOGY» series

2024

Editor-in-chief – RAS acad. A. M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S. V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V. N. Lazhentsev

Executive Secretary – Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin

Editorial Council:

RAS acad. V. V. Alekseev, RAS acad. A. A. Baryakh, RAS acad. V. I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E. R. Bojko,
RAS corresp. member I. N. Bolotov, RAS acad. V. N. Bolshakov, PhD. (Econ.) K. Borisova-Marinova (Bulgaria),
Dr. Sci. (Phys.-Math.) T. M. Brechko (Poland), Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I. N. Burtsev, RAS acad. A. D. Gvishiani,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) N. A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V. G. Zainullin,
RAS corresp. member V. A. Ilyin, RAS acad. S. V. Krivovichev, I. V. Kurlyak, RAS acad. A. V. Kuchin,
RAS corresp. member Yu. B. Marin, RAS acad. V. P. Matveenko, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus),
RAS acad. G. A. Mesyats, RAS corresp. member A. A. Moskalev, Dr. Sci. (Econ.) L. A. Popova,
RAS corresp. member V. N. Puchkov, Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A. M. Pystin,
RAS corresp. member I. M. Roshchevskaya, RAS acad. M. P. Roshchevsky, Dr. Sci. (Chem.) S. A. Rubtsova,
Dr. Sci. (Hist.) E. A. Savelyeva, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan), RAS corresp. member A. F. Titov,
Dr. Sci. (Biol.) S. N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I. F. Chadin, RAS acad. V. N. Charushin,
Dr. Sci. (Tech.) Yu. Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E. V. Shamrikova, RAS acad. V. S. Shatsky,
Dr. Sci. (Econ.) A. G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A. A. Yudin

Editorial Board of the series «History and Philology»:

Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov (executive editor), Cand. Sci. (Hist.) I. O. Vaskul (deputy executive editor),
Dr. Sci. (Philol.) E. A. Tsypanov (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin (executive secretary),
Dr. Sci. (Hist.) E. T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A. M. Belavin, Dr. Sci. (Hist.) A. A. Brovina, Dr. Sci. (Philol.) T. G. Vladykina,
RAS corresp. member A. V. Golovnev, Dr. Sci. I. Zhepnikovska (Poland), Dr. Sci. (Hist.) A. E. Zagrebina,
Dr. Sci. (Philol.) T. I. Zaitseva, Cand. Sci. (Hist.) N. M. Ignatova, Dr. Sci. (Hist.) V. A. Isupov, Dr. Sci. (Philol.) L. L. Karpova,
Dr. Sci. G. Klumpp (Estonia), Cand. Sci. (Hist.) P. P. Kotov, Cand. Sci. (Philol.) Yu. A. Krashennikova,
Dr. Sci. (Hist.) E. F. Krinko, Dr. Sci. (Philol.) R. A. Kudryavtseva, Cand. Sci. (Philol.) T. L. Kuznetsova,
Dr. Sci. S. Lallukka (Finland), PhD A. Leete (Estonia),
PhD D. Lozovanu (Moldova), Dr. Sci. (Hist.) M. A. Matsuk, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus),
Cand. Sci. (Philol.) A. G. Musanov, PhD Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Philol.) O. I. Naldeeva,
Dr. Sci. (Hist.) P. Yu. Pavlov, Dr. Sci. (Hist.) I. V. Poberezhnikov, Dr. Sci. (Philol.) V. A. Pozdeev, Dr. Sci. (Hist.) S. A. Prokopenko,
Dr. Sci. (Hist.) A. V. Repnevsky, RAS acad. V. N. Rudenko, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan),
Dr. Sci. (Geogr.) V. I. Silin, Dr. Sci. (Hist.) A. V. Speransky, Cand. Sci. (Hist.) M. V. Taskaev, Dr. Sci. (Hist.) Yu. P. Shabaev,
PhD M. Shmigel' (Slovakia), Cand. Sci. (Hist.) S. Yu. Shokarev

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

*The journal is included in the list of peer-reviewed scientific
publications of the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation*

© Federal State Budgetary Institution
of Science Federal Research Centre
"Komi Science Centre, Ural Branch, RAS", 2024

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service
for Compliance with the Law in Mass Communications
and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration -
ПИ № ФС 77-26969 dated 11 January, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. Волокитин, Н. А. Волокитина Стоянка Вылыс Том 3 на реке Ижма.....	5
А. А. Медведев Местные детали к истории палеонтологических раскопок под городом Котласом.....	12
Э. А. Савельева, В. И. Силаев, В. Н. Филиппов, А. Ф. Хазов Цветные и благородные металлы в погребении № 115 Кокпомъягского могильника вымской культуры: археологический и археолого-минералогические аспекты.....	22
М. М. Шахнович Каналы озера Каменное: к вопросу о крестьянских гидротехнических сооружениях Карелии	35
А. К. Гагиева Изменение системы налогообложения крестьян Коми края в XVIII веке.....	45
А. В. Рожина Благочинные монастырей в системе церковного управления Российской империи в конце XVIII–начале XX века.....	51
И. И. Лейман «Парадная» сторона общественной жизни купечества Вологодской губернии во второй половине XIX века.....	58
А. В. Всеволодов В. В. Верещагин и «изобретение» Севера в литературе и публицистике конца XIX–начала XX века (часть вторая)	67
А. Д. Резанов «Учреждение, где ведают страхом и ужасом»: Архангельское губернское жандармское управление в 1908–1915 годах	72
В. Н. Каракчиев Привлечение женщин в аппарат волостных исполнительных комитетов Коми автономной области в 1920-е годы.....	80
И. Л. Жеребцов Научная и литературная деятельность П. Г. Доронина в довоенный период.....	87
А. В. Самарин Научная политика СССР в 1950-е–начале 1980-х годов в исследованиях советских и американских ученых	100
А. М. Мацук «Арктические» средние специальные учебные заведения в 1950–1960-е годы: специализация учащихся, характеристика преподавательского состава (на примере Коми АССР)	108
В. А. Бердинских Старообрядческие мотивы в творчестве поэта Николая Клюева и вехи его биографии.....	116
Рецензии	
О. В. Золотарев Егорова С. Л. «Схватить ниточку». Опыт историко-биографического исследования об Альберте Ванееве.....	122
Юбилеи	
Юрий Яковлевич Чукреев.....	124

CONTENTS

A. V. Volokitin, N. A. Volokitina The site Vyls Tom 3 on the Izhma river.....	5
A. A. Medvedev Local details on the history of paleontological excavations near Kotlas	12
E. A. Savelyeva, V. I. Silaev, V. N. Filippov, A. F. Khazov Non-ferrous and precious metals in grave No. 115 of the Kokpomyag burial ground of the Vym culture: archaeological and archaeomineralogical aspects	22
M. M. Shakhnovich Channels of Lake Kamennoe: on the issue of peasant hydraulic structures in Karelia	35
A. K. Gagieva Changing the taxation system of peasants of the Komi region in the XVIII century.....	45
A. V. Rozhina Deans of monasteries in the system of Church administration of the Russian Empire in the late XVIII–early XX century	51
I. I. Leyman The «ceremonial» side of the public life of the merchants of the Vologda province in the second half of the XIX century.....	58
A. V. Vsevolodov V. V. Vereshchagin and the «invention» of the North in literature and journalism of the late XIX–early XX century (part two).....	67
A. D. Rezanov «An institution where fear and horror are in charge»: Arkhangelsk Provincial Gendarmerie Department in 1908–1915	72
V. N. Karakchiev Involving women in the apparatus of the Volost Executive Committees of the Komi Autonomous Region in the 1920s	80
I. L. Zherebtsov Scientific and literary activity of P.G. Doronin in the pre-war period.....	87
A. V. Samarin Scientific policy of the USSR in the 1950s–early 1980s in the research of Soviet and American scientists.....	100
A. M. Matsuk “Arctic” secondary specialized educational institutions in the 1950s–1960s: specialization of students, characteristics of the teaching staff (case study of the Komi ASSR).....	108
V. A. Berdinskikh Old Believer motives in the work of the poet Nikolai Klyuev and milestones in his biography	116
Reviews	
O. V. Zolotarev Egorova S. L. “Grab the thread”. Experience of historical and biographical research about Albert Vaneev	122
Anniversaries	
Yury Ya. Chukreev.....	124

Стоянка Вылыс Том 3 на реке Ижма

А. В. Волокитин, Н. А. Волокитина

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
volkt54@mail.ru
anjis@rambler.ru

Аннотация

Мезолитическая стоянка Вылыс Том 3 входит в Ижма-Томский геоархеологический микрорайон, где сейчас насчитывается шесть мезолитических памятников, исследованных раскопками. Стоянка расположена на правом берегу среднего течения р. Ижма, на останце надпойменной бортовой террасы в окрестностях пос. Том Ижемского района Республики Коми. Стоянка открыта в 2018 г., исследовалась в 2021 и 2023 гг. На раскопанной площади выявлено скопление находок диаметром 4–5 м, сопровождавшееся фрагментами кальцинированных костей и угольками. Вокруг данного объекта располагались мелкие скопления/концентрации находок. Радиоуглеродная дата по углю – 8150±90 С14 л. н. (LU-10576).

В составе коллекции шлифованный топор, абразивные инструменты и крупный отбойник. В кремневом инвентаре представлено большое количество мелких нуклеусов в завершающей стадии расщепления. Вместе с тем, среди пластин и орудий из них преобладают крупные и очень крупные экземпляры. Обращает на себя внимание наличие нуклеусов-резцов, есть резцы на углу слома пластин, многочисленны скребки. Присутствуют крупные остря. Каменная индустрия стоянки Вылыс Том 3 аналогична индустриям рядом расположенных мезолитических памятников Вылыс Том 2 и Очью катище.

Ключевые слова:

стоянка, мезолит, р. Ижма, европейский Северо-Восток, кремневый инвентарь

Введение

Систематические археологические исследования в среднем и нижнем течении р. Ижма были начаты в 1964–1965 гг. В. Е. Лузгиным, продолжены Т. В. Истоминой в 1986–1988, 2001 гг., в 2003 г. разведочные работы проведены А. Л. Багиным и А. В. Волокитиным. Открытые в ходе обследований мезолитические стоянки: Туруннюр 1 [1, с. 23–27, 78–79], Лек-Леса 1 [2], а также многослойный памятник Вылыс Том 2 с двумя мезолитическими горизонтами [3] раскапывались в разное время. Н. А. Волокитиной в 2017–

The site Vylys Tom 3 on the Izhma river

A. V. Volokitin, N. A. Volokitina

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktyvkar
volkt54@mail.ru
anjis@rambler.ru

Abstract

The Vylys Tom 3 Mesolithic site is part of the Izhma-Tom geoarchaeological microregion, where there are now 6 Mesolithic sites explored by excavations. The site is located on the right bank of the middle course of the Izhma river in the vicinity of the village Tom, Izhma region of the Komi Republic, on the remnant of a pine forested fluvial terrace above floodplain. It was discovered in 2018 and then surveyed in 2021, 2023. On the excavated area the concentration of finds with a diameter of 4–5 m was revealed, accompanied by fragments of calcified bones and charcoal. Small concentrations of finds were located around it. Radiocarbon date for charcoal is 8150±90 years ago (LU-10576).

The collection includes a polished axe, abrasive tools and a large hammerstone. The flint inventory contains a large number of small cores in the final knapping stage. At the same time, large and very large specimens predominate among the blades and tools made of them. Attention is drawn to the presence of the so-called core-burins, there are burins on broken blades, a large number of scrapers. Large points are available.

The lithic industry of the Vylys Tom 3 site is similar to the industries of the nearby Mesolithic sites Vylys Tom 2 and Ochyu katishche.

Keywords:

site, Mesolithic, Izhma river, European NorthEast, flint inventory

2019, 2021–2023 гг. были выявлены и обследованы мезолитические стоянки Очью катище, Вылыс Том 3 и Улыс Том 4 [4–7]. Все вышеперечисленные и вновь открытые памятники находятся в окрестностях пос. Том и входят в так называемый Ижма-Томский геоархеологический микрорайон, куда наряду с мезолитическими входят также стоянки и поселения эпохи бронзы, раннего железного века и раннего средневековья. На данный момент Ижма-Томский геоархеологический микрорайон является единственным на

европейском Северо-Востоке (далее – ЕСВ), где раскопками изучены несколько мезолитических памятников [8].

Характеристика памятника

Стоянка Вылыс Том 3 расположена на правом берегу р. Ижма в 1 км к югу от окраины пос. Том Ижемского района Республики Коми. Расстояние до реки – 0,75 км на запад (рис. 1 А, Б). Памятник выявлен в 2018 г. при осмотре поверхности лесной дороги, идущей по гривке 13-метровой надпойменной террасы в направлении с северо-запада на юго-восток. С юго-запада и северо-востока гривка ограничена болотом, над которым она возвышается на 2–2,5 м (рис. 1 В). Дорога проложена 40 лет назад в хозяйственных целях Томского леспромхоза, мало использована. Однако при выравнивании дорожного полотна была срезана

проходящая по стоянке, повредила верхний слой подзола, там отсутствует моховой покров (ягель), образовался так называемый техногенный серый дорожный слой, в котором также обнаружены единичные находки. Находки из дорожного, белесого и иллювиального горизонтов составляют единый комплекс.

В регионе в лесных почвах с повышенным кислотным показателем на археологических памятниках почти не сохраняются предметы из органики. Редким исключением являются фрагменты кальцинированных костей. По этой же причине здесь отсутствует, не выделяется культурный слой как таковой. Фиксируются только отдельные элементы его структуры: остатки очагов, скопления, следы жилищ. Таким образом, на борových археологических памятниках отмечаются горизонты залегания находок и культуросо-держащие отложения.

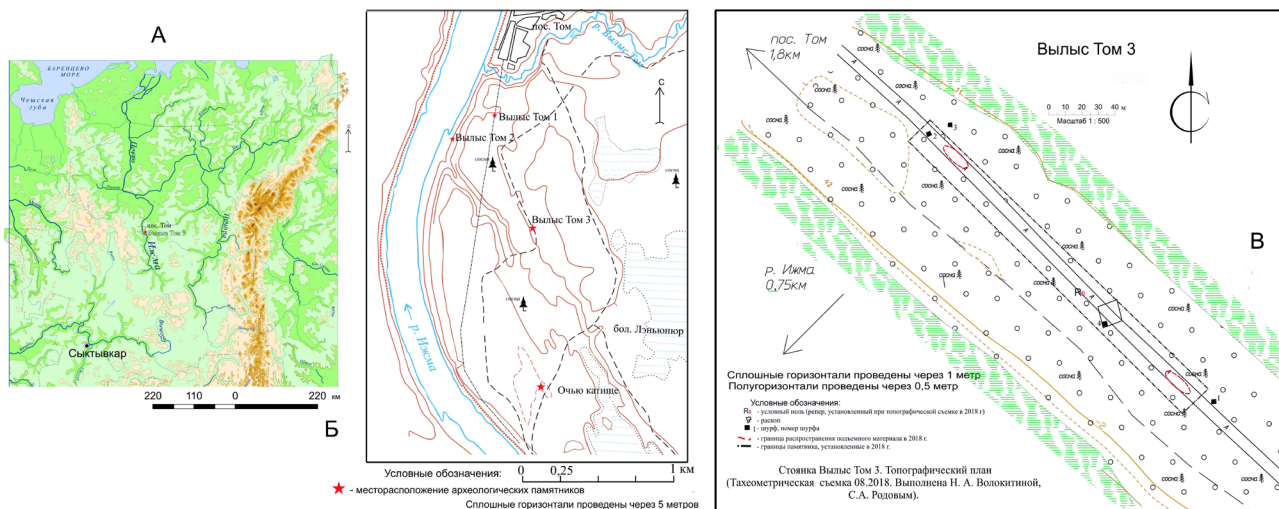

Рис. 1. Стоянка Вылыс Том 3: А – местоположение стоянки на карте Республики Коми; Б – ситуационный план; В – топографический план.
 Fig. 1. The site Vyls Tom 3: А – location of the site on the map of the Komi Republic; Б – simplified map; В – topographic plan of the site Vyls Tom 3.

и помещена в отвалы дороги часть культуросо-держащего слоя. Подъемный материал был выявлен на протяжении 100 м. Он представлен кремневыми пластинами, отщепами и сколами. Находки также обнаружены в одном из четырех шурфов [5]. В 2021 г. на месте этого шурфа был заложен раскоп площадью 27 кв. м. Изучено несколько локальных скоплений артефактов, в том числе с включениями угля и костей. Собраны материалы для датирования – радиоуглеродная дата – 8150±90 С14 л. н. (LU-10576). В 2023 г. исследование стоянки продолжили в восточном, северном и южном направлениях. Раскопанная площадь составила 21 кв. м. Общая раскопанная площадь стоянки за все годы исследований составляет 52 кв. м, учитывая шурфы 2018 г.

Стоянка расположена на второй надпойменной боровой террасе и имеет соответствующее так называемым боровым археологическим памятникам неглубокое залегание находок, которое, как правило, не превышает 0,40 м. Малая глубина залегания культурных остатков является причиной того, что даже незначительное повреждение поверхности террасы обнажает их и способствует разрушению. Находки приурочены к белесому подзолу (лесная почва) и верхам иллювиального горизонта. Лесная дорога,

В юго-восточной части стоянки Вылыс Том 3 в самых верхах лесной почвы (подзола) обнаружены немногочисленные артефакты раннего железного века (рубеж I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.), приуроченные к пятну/линзе гумусированного слоя с включением очень мелких фрагментов костей и керамики. Найдено также пять мелких кремневых отщепов. Деформированная биотурбацией линза имела диаметр 1 м, мощность – до 0,05 м. Находки за ее пределами не зафиксированы. Каких-либо признаков смешения с мезолитическим инвентарем не выявлено.

Основная часть мезолитических находок залегала на глубине около 0,35 м. Вскрыто скопление находок диаметром 4–5 м, включающее помимо артефактов скопления угольков и мелкие фрагменты костей. Всего их – 264. Все кости кальцинированные, что объясняет их удовлетворительную сохранность. В пределах данного объекта находки распределялись по вертикали на 0,50 м. Скорее всего это объясняется биотурбацией. В северном направлении на расстоянии 2 м от данного пятна выявлены две небольшие концентрации материала диаметром менее 1 м.

Материалы и методы

Общее число находок мезолитической стоянки Вылыс Том 3 из камня – 1247 экз.

Коллекция состоит из 1186 кремневых предметов, в том числе 314 кремневых чешуек; 37 предметов из кварцитопесчаника, 21 предмета из опоки и трех – из эпидозита. Кварцитопесчаник представлен обломками и осколками галек, есть также крупный отбойник. Из опоки изготовлен шлифованный топор. Обушок его обломан, по обоим фасам в районе лезвия фиксируются снятия. Один из краев орудия сохраняет естественную поверхность плитки (рис. 2, 3). Найдены отщепы опоки, некоторые из них имеют следы шлифовки, т. е. сняты с данного топора. Эпидозит представлен осколками. Отметим крупное, к сожалению, фрагментированное, абразивное орудие из песчаника (рис. 2, 4). Оно имеет характерные борозды, очевидно, от затачивания острий из кости.

Пластин, включая орудия из них, – 246 экз., отщепов – 442 экз. (из них 164 экз. мелких), осколков, в том числе термических, – 46 экз. Измерена ширина 223 пластин, из подсчетов были исключены фрагменты, не дающие представлений о ширине пластины. Отмечено малое количество микропластин (5), примерно равное число узких и средних пластин и очень большое количество пластин шириной более 15 мм (рис. 3). Много очень крупных пластин (обломков, сегментов и сечений), где ширина – более 20 мм.

Вторичная обработка выявлена на 151 изделии, что составляет 19 % от общего числа находок из кремня, за исключением чешуек и мелких осколков.

Преобладает светло-серый и серый кремль, выделяются предметы из серо-желтого и розовато-красного кремня. Следует отметить, что из красного кремня изготовлены мелкий нуклеус в заключительной стадии расщепления, два мелких двулезвийных скребка, есть резец на углу сломанной заготовки и проксимальный сегмент пластины. Все они изготовлены из одного куска кремня (рис. 4). Это так называемые связи по сырью. Аналогичным образом из одного темно-серого с белым куска сырья изготовлены три одинарных скребка на крупных пластинах и очень крупное комбинированное орудие: скребло-острие (рис. 5).

Нуклеусы (8 экз.) мелкие и очень мелкие в заключительной стадии расщепления (рис. 6). Есть целая пластина с полностью отретушированным правым краем (рис. 7, 1). **Обломки крупных пластин, сечения таких же пластин имеют нерегулярную ретушь, иногда выемку или короткие резцовые сколы** (рис. 7, 2–6; 8, 6–13). Имеются также обломки орудий, конфи-

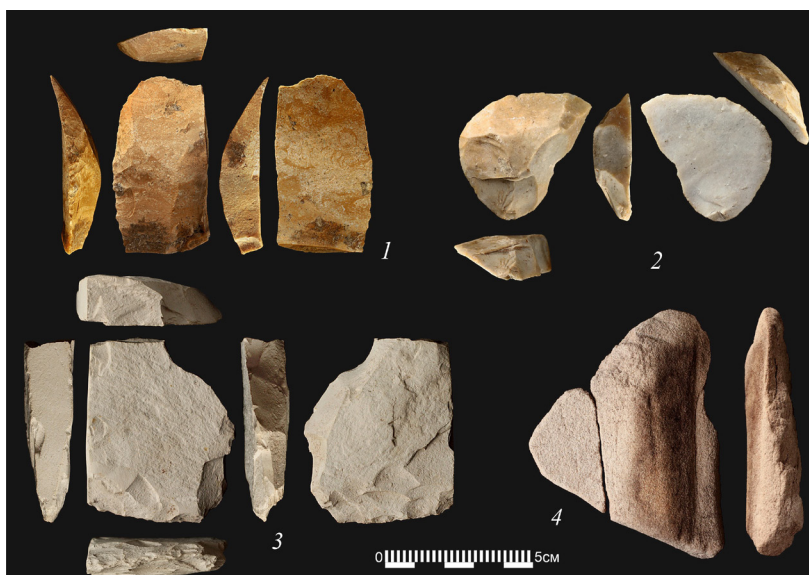

Рис. 2. Стоянка Вылыс Том 3: 1 – скребло; 2 – нож с обушком; 3 – топор; 4 – абразив.
Fig. 2. The site Vylyys Tom 3: 1 – side-scraper; 2 – backed knife; 3 – ax; 4 – abrasive.

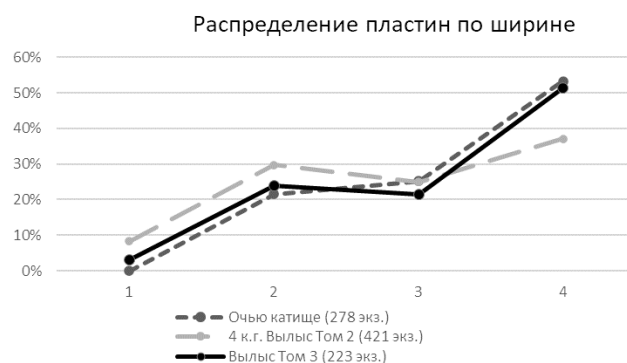

Рис. 3. Графики распределения пластин по ширине стоянок Вылыс Том 3, Очью катище и четвертого культурного горизонта памятника Вылыс Том 2: 1 – микропластины (до 0,5 см); 2 – узкие пластины (0,6–1 см); 3 – средние пластины (1,1–1,5 см); 4 – широкие пластины (более 1,5 см).

Fig. 3. Graphs of the distribution of blades by width of the sites Vylyys Tom 3, Ochyu Katishche and the fourth cultural horizon of the site Vylyys Tom 2: 1 – microblades (up to 0.5 cm); 2 – narrow blades (0.6–1 cm); 3 – medium (1.1–1.5 cm); 4 – wide (more than 1.5 cm).

Рис. 4. Стоянка Вылыс Том 3: 1 – нуклеус в завершающей стадии расщепления; 2 – обломок пластины; 3 – резец на углу; 4, 5 – скребки двулезвийные.
Fig. 4. The site Vylyys Tom 3: 1 – core in the final knapping stage; 2 – fragment of a blade; 3 – corner burin; 4, 5 – double-edged end-scrapers.

Рис. 5. Стоянка Вылыс Том 3: 1, 2, 4 – скребки; 3 – скребло-острие.
 Fig. 5. The site Vyllys Tom 3: 1, 2, 4 – end-scrapers; 3 – side-scrapers-point.

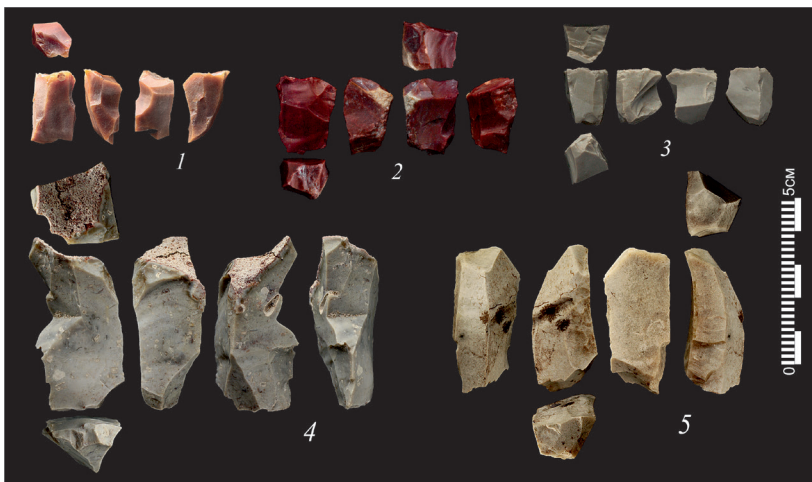

Рис. 6. Стоянка Вылыс Том 3. Нуклеусы в завершающей стадии расщепления.
 Fig. 6. The site Vyllys Tom 3. Cores in the final knapping stage.

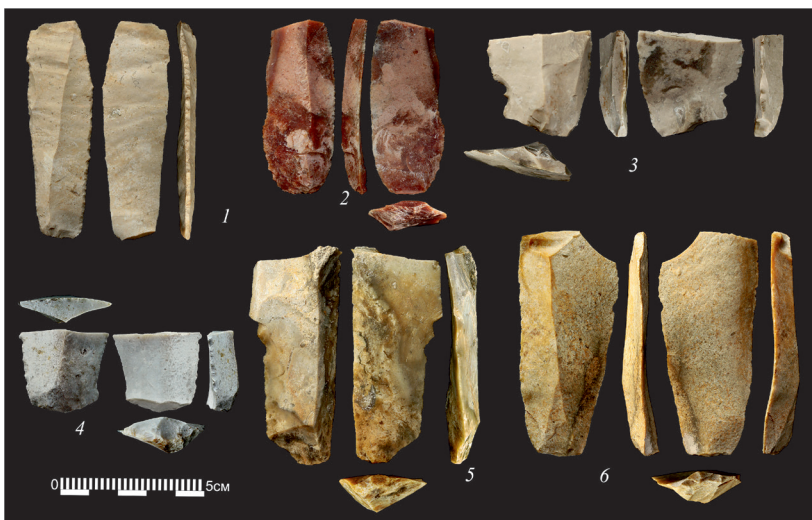

Рис. 7. Стоянка Вылыс Том 3: 1 – ретушированная пластина; 2-6 – обломки пластин с эпизодической ретушью.
 Fig. 7. The site Vyllys Tom 3: 1 – retouched blade; 2-6 – fragments of blades with occasional retouch.

гурацию которых по этим обломкам не восстановить (рис. 8, 3-5). Выделяются своими небольшими размерами два орудия с усеченными ретушью концами (рис. 8, 1, 2). Есть скребла, иногда в комбинации со скребками (рис. 2, 1), в том числе одно из серого кремня в комбинации с острием (рис. 5, 3). Ретушных резцов – 3 экз. (рис. 9, 3). Резцов на углу сломанной заготовки – 6 экз. (рис. 9, 1-2, 4-5). Есть так называемые нуклеусы-резцы (4 экз., рис. 9, 6-9). Помимо двух двойных скребков из красного кремня и трех скребков из темно-серого кремня есть один скребок на отщепе, а также два скребка с дивергентными краями, обработанными дорсальной ретушью (рис. 10, 1-2). Есть четыре острия. Одно представлено массивным обломком жала (рис. 10, 4). Еще одно можно отнести к приостренным пластинам (рис. 10, 6). Два других близки по форме, оба изготовлены на очень крупных пластинах, сами острия оформлены на проксимальных концах. На широких дистальных концах у одного – выполненное ретушью «скребковое лезвие» (рис. 10, 5), у другого орудия следов ретуши не фиксируется, но явно просматривается заполировка от интенсивной работы (рис. 10, 4). Эти два орудия имеют прямые аналогии среди находок мезолитических слоев археологического памятника Вылыс Том 2 [3, с. 56, рис. 2].

Следует отметить одну особенность расщепления кремня на стоянке Вылыс Том 3. Крупные пластины из его коллекции в подавляющем большинстве имеют гладкие площадки (рис. 5, 7). Такие площадки сохранились даже на двух описанных выше орудиях, которые условно были названы остриями (рис. 10, 4-5).

Выводы

Наличие в коллекции стоянки Вылыс Том 3 шлифованного топорика, крупных острий, абразивов, а также осколков эпидозита прямо указывают на его связь с мезолитическими горизонтами многослойного памятника Вылыс Том 2 [3], расположенного в непосредственной близости (0,72 км). Существенно, что на стоянке Вылыс Том 3 процент предметов с вторичной обработкой высок, как и на памятнике Вылыс Том 2. Сходны и графики распределения пластин по ширине.

Таким образом, имеется основание предполагать, что стоянка Вылыс Том 3, а также исследованная в 2019 г. стоянка

Рис. 8. Стоянка Вылыс Том 3: 1, 2 – пластины с усеченным ретушью концом; 3-5 – обломки нео-предельных орудий; 6-13 – сечения пластин с ретушью.
 Fig. 8. The site Vylys Tom 3: 1, 2 – truncated retouched end blades; 3-5 – fragments of unidentified tools; 6-13 – medial fragments of blades with retouch.

Рис. 9. Стоянка Вылыс Том 3: 1, 2, 4, 5 – резцы на углу сломанной пластины; 3 – ретушной резец; 6-9 – нуклеусы-резцы.
 Fig. 9. The site Vylys Tom 3: 1, 2, 4, 5 – burins on broken blades; 3 – retouched burin; 6-9 – core-burins.

Рис. 10. Стоянка Вылыс Том 3: 1, 2 – скребки; 3 – обломок острия; 4-6 – остря.
 Rice. 10. The site Vylys Tom 3: 1, 2 – end-scrapers; 3 – fragment of a point; 4-6 – points.

Очью катище [6] оставлены тем же населением, что и мезолитические горизонты памятника Вылыс Том 2. Существовали они в период высокой водности, когда низкая пойма, где находилась стоянка Вылыс Том 2, затопливалась.

Можно отметить сходство материалов этих стоянок и индустрий стоянок Парч 1 и Парч 2 на Вычегде [9]. Сходство проявляется в технике раскалывания, распределении пластин по ширине, преобладании коротких сечений пластин, а также наличии в составе орудийного набора скребел, обушковых форм, ретушных резцов, нуклеусов-резцов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Лузгин, В. Е. Древние культуры Ижмы / В. Е. Лузгин. – Москва : Наука, 1972. – 128 с.
2. Волокитин, А. В. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма / А. В. Волокитин // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья / под ред. М. Г. Жилина. – Москва : Academia, 2005. – С. 198–205.
3. Волокитин, А. В. Вылыс Том 2 – многослойный археологический памятник в долине р. Ижмы / А. В. Волокитин, Н. А. Волокитина // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2022. – Т. 42. – С. 92–105.
4. Волокитин, А. В. Археологические исследования в Ижемском районе / А. В. Волокитин, Н. А. Волокитина // Археологические открытия. – 2019. – Т. 2017. – С. 17–18.
5. Волокитина, Н. А. Археологические исследования в Ижемском районе Республики Коми / Н. А. Волокитина // Археологические открытия. – 2020. – Т. 2018. – С. 21–22.
6. Волокитин, А. В. Стоянка Очью катище на р. Ижма / А. В. Волокитин, Н. А. Волокитина // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2021. – № 4(50). – С. 5–12.
7. Волокитин, А. В. Мезолит Ижма-Томского геоархеологического микрорайона: Северное Приуралье / А. В. Волокитин, Н. А. Волокитина // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2022. – № 20. – С. 49–57.

8. Особенности заселения средней и нижней Печоры в древности и средневековье (на примере археологических микрорайонов) / А. М. Мuryгин, А. В. Волокитин, Н. А. Волокитина, П. Ю. Павлов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2022. – № 1 (53). – С. 7–17.
9. Волокитин, А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде / А. В. Волокитин. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2006. – 124 с.

References

1. Luzgin, V. E. Drevnie kul'tury Izhmy [Ancient cultures of Izhma] / V. E. Luzgin. – Moscow: Nauka, 1972. – 128 p.
2. Volokitin, A. V. Mezoliticheskij pamyatnik Lek-Lesa na r. Izhma [Mesolithic site Lek-Lesa on the river Izhma] / A. V. Volokitin // Kamennyj vek lesnoj zony Vostochnoj Evropy i Zaural'ya [Stone Age of the forest zone of Eastern Europe and Trans-Urals] / Ed. M. G. Zhilin. – Moscow: Academia Publ., 2005. – P. 198–205.
3. Volokitin, A. V. Vylys Tom 2 - mnogoslojnyj arheologicheskij pamyatnik v doline r. Izhmy [Vylys Tom 2 - a multi-layered archaeological site in the valley of the river Izhma] / A. V. Volokitin, N. A. Volokitina // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Proc. of Irkutsk State Univ. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. – 2022. – Vol. 42. – P. 92–105.
4. Volokitin, A. V. Arheologicheskie issledovaniya v Izhemskom rajone [Archaeological research in the Izhma region] / A. V. Volokitin, N. A. Volokitina // Arheologicheskie otkrytiya [Archaeological discoveries]. – 2019. – Vol. 2017. – P. 17–18.
5. Volokitina, N. A. Arheologicheskie issledovaniya v Izhemskom rajone Respubliki Komi [Archaeological research in the Izhma region of the Komi Republic] / N. A. Volokitina // Arheologicheskie otkrytiya [Archaeological discoveries]. – 2020. – Vol. 2018. – P. 21–22.
6. Volokitin, A. V. Stoyanka Och'yu katishche na r. Izhma [Ochyu Katishche site on the river Izhma] / A. V. Volokitin, N. A. Volokitina // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. – 2021. – № 4(50). – P. 5–12.
7. Volokitin, A. V. Mezolit Izhma-Tomskogo geoarheologicheskogo mikrorajona: Severnoe Priural'e [Mesolithic of the Izhma-Tom geoaarchaeological microregion: Northern Urals] / A. V. Volokitin, N. A. Volokitina // Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii [Proc. of the Kama Archaeological-Ethnographic Expedition]. – 2022. – № 20. – P. 49–57.
8. Osobennosti zaseleniya srednej i nizhnej Pechory v drevnosti i srednevekov'e (na primere arheologicheskikh mikrorajonov) [Peculiarities of the settlement of middle and lower Pechora in antiquity and the Middle Ages (using the example of archaeological microregions)] / A. M. Murygin, A. V. Volokitin, N. A. Volokitina, P. Yu. Pavlov // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. – 2022. – № 1(53). – P. 7–17.
9. Volokitin, A. V. Mezoliticheskie stoyanki Parch 1 i Parch 2 na Vychege [Mesolithic sites Parch 1 and Parch 2 on the Vychege] / A. V. Volokitin. – Syktывкар: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2006. – 124 p.

Благодарность (госзадание)

Работа выполнена в рамках плановой темы сектора культурной адаптации населения циркумполярной зоны европейского Северо-Востока Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра УрО РАН на 2022–2025 гг. «Особенности формирования населения севера Европейской части России в эпоху камня, раннего металла и средневековья по данным археологии» номер государственной регистрации 121042600199–5 (ЕГИСУ НИОКТР). Авторы благодарят И. О. Васкула за консультацию по материалам комплекса раннего железного века стоянки Вылыс Том 3.

Acknowledgements (state task)

The work was carried out within the frames of the planned theme of the Sector of Cultural Adaptation of the Population of the Circumpolar Zone of the European North-East of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, for 2022–2025. "Peculiarities of the formation of the population of the North of the European part of Russia in the Stone, Early Metal Age and the Middle Ages according to archaeological data" No. GR 121042600199–5 (EGISU NIOKTR).

The authors are grateful to I. O. Vaskul for advice on materials of the Early Iron Age complex at the Vylys Tom 3 site.

Информация об авторах:

Волокитин Александр Васильевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН; Scopus Author ID: 55960541200, ORCID: 0000-0003-3080-7131 (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: volkt54@mail.ru).

Волокитина Надежда Александровна – кандидат культурологии, научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН; ORCID: 0000-0002-8725-4120 (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: anjis@rambler.ru).

Author:

Aleksandr V. Volokitin – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Archeology of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; Scopus Author ID: 55960541200, ORCID: 0000-0003-3080-7131 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: volkt54@mail.ru)

Nadezhda A. Volokitina – Cand. Sci. (Culturology), researcher, Department of Archeology of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; ORCID: 0000-0002-8725-4120 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: anjis@rambler.ru)

Для цитирования:

Волокитин, А. В. Стоянка Вылыс Том 3 на реке Ижма / А. В. Волокитин, Н. А. Волокитина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 5–11.

For citation:

Volokitin, A. V. The site Vyls Tom 3 on the Izhma river / A. V. Volokitin, N. A. Volokitina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1(67). – P. 5–11.

Дата поступления рукописи: 01.02.2024

Прошла рецензирование: 09.02.2024

Принято решение о публикации: 12.02.2024

Received: 01.02.2024

Reviewed: 09.02.2024

Accepted: 12.02.2024

Местные детали к истории палеонтологических раскопок под городом Котласом

А. А. Медведев

МVK «Котласский краеведческий музей»,
г. Котлас
amedv@inbox.ru

Аннотация

В статье на основании архивных данных приведены местные топографические и исторические детали палеонтологических раскопок под г. Котласом в 1899–1929 гг. На цветной карте местности 1905 г. показаны ближайшие к местам раскопок деревни с их земельными наделами и окружающими ландшафтами, описаны изменения местности к настоящему времени. Указаны перечни ученых и специалистов, участвовавших в работах или посещавших раскопки. Сделан вывод о высоком интересе к раскопкам в регионе, их российском и общемировом научном и историческом значении.

Ключевые слова:

В. П. Амалицкий, палеонтологические раскопки, Северная Двина, Соколки, Завражье

История знаменитых палеонтологических раскопок под г. Котласом подробно описана в публикациях В. П. Амалицкого, А. П. Амалицкой, М. Б. Едемского, П. П. Сушкина, А. И. Ефремова, С. В. Петухова, А. Г. Сенникова и Е. А. Сенниковой, А. Е. Нелихова, В. И. Оноприенко. В 2020 г. вышла обобщающая книга А. Е. Нелихова «Изобретатель парейазавров», которая основывается на анализе более 900 источников, включая множество архивных материалов, писем и газетных заметок.

Цель настоящей публикации – дополнить имеющиеся сведения местными топографическими и историческими деталями. Для сбора информации проанализированы труды и протоколы заседаний Варшавского и Санкт-Петербургского обществ естествоиспытателей, Геологического музея Петербурга, Физико-математического отделения Академии наук, отчеты экспедиций АН, фонды Санкт-Петербургского филиала Архива АН, музеев и архивов Котласа, Великого Устюга, Сольвычегодска, другие источники.

Исходя из набранного массива сведений, хронология раскопок в пределах нынешнего Котласского округа следующая.

В 1895–1898 гг. Владимир Прохорович Амалицкий с супругой Анной Петровной проводят обследование берегов Северной Двины и находят отпечатки растений

Local details on the history of paleontological excavations near Kotlas

A. A. Medvedev

Kotlas Museum of Local Lore,
Kotlas
amedv@inbox.ru

Abstract

Based on archival data, the paper provides local topographic and historical details of paleontological excavations near Kotlas in 1899–1929. The 1905 color map of the area shows the villages closest to the excavation sites with their land plots and surrounding landscapes, and describes the changes in the area to date. Lists of scientists and specialists who participated in the work or visited the excavations are given. It is concluded that there is a high interest in excavations in the region, their Russian and global scientific and historical significance.

Keywords:

V. P. Amalitsky, paleontological excavations, Northern Dvina, Sokolki, Zavrazhye

и фрагментарные остатки представителей позднепермской фауны: моллюсков, амфибий, парейазавров, дицинодонтов, с концентрацией находок в песчаных линзах местонахождений Соколки и Завражье. В связи с этим, Амалицкий запрашивает финансирование на проведение масштабных раскопок. По его получении начинаются раскопки в Соколках, они ведутся Амалицким в 1899–1904, 1909, 1911, 1913 гг. Перерывы связаны с нехваткой финансирования, военными событиями и другими причинами. Параллельно с раскопками в Соколках ведутся разведочные работы в Завражье (в 1909 г., наоборот, в Завражье велись основные работы) и обследование соседних линз (Болтинская, Овечкино, Осокориха и др.).

После смерти В. П. Амалицкого в 1917 г. Академия наук возобновила работы на Северной Двине в 1920-х гг. В 1922 г. Михаил Борисович Едемский делает небольшие сборы в Завражье, в 1923 г. проводит там раскопки, в 1925 г. обследует песчаные линзы по Северной Двине, в 1926 г. продолжает раскопки в Завражье с обследованием и небольшими раскопками других линз. В 1927 г. раскопки в Соколках ведет Александра Паулиновна Гартман-Вейнберг, в 1929 г. она же проводит раскопки в Завражье и Соколках.

После 1920-х гг. масштабных раскопок не велось. Они были перенесены на Вятку, Волгу и другие места. Начи-

ная примерно с 1960-х гг. сотрудники Палеонтологического института АН и другие геологи и палеонтологи возобновили работы по берегам Северной Двины и время от времени проводят исследования и сборы.

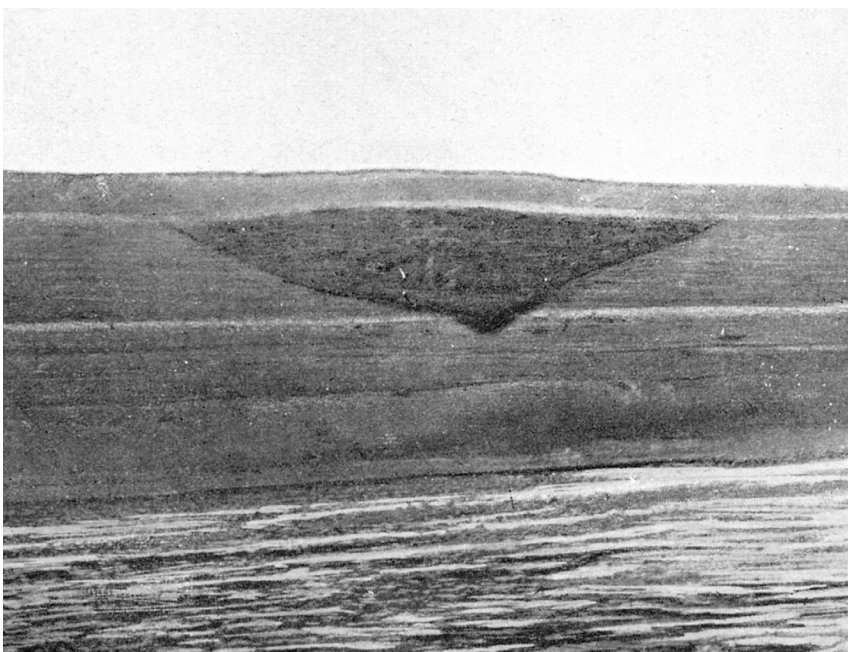
Далее опишем выявленные детали.

Местонахождение Соколки. Расположено в 12 км южнее Котласа (N61°08'44"; E46°38'41"). Соколки – микротопоним, не отмеченный на картах, известен только по работам Амалицкого. Он писал: «Высокий древний правый склон двинской долины в данной местности идет в виде излучины от Варавина, Кудрина, Боровинки и Троицкого погоста через Городок к Мокречице и отсюда продолжается в излучину Мокречица – Черняки. Высота склона 21–30 м над бечевником.

<...> Эта возвышенная гряда протягивается в северном направлении до “Соколов”, где и обрывается у двинского крутого берега. Образовавшийся здесь выступ по своему возвышенному положению и был назван “Соколками”. По удивительной случайности именно на эту, правда едва заметную, антиклиналь пришлось линза песка с ископаемыми ящерами. Эта линза, возвышаясь на 25,5 м над бечевником, была покрыта сверху толстым слоем песчаника, образовавшим над нею грандиозный навес, значительно выступавший вперед к реке. Поэтому “Соколки” весьма резко выделяются и благодаря своему высокому положению, и вследствие выступа вперед. Наконец, падавшие сверху глыбы песчаника и конкреций сделали это место заметным в виду опасности, которая всегда представлялась проходящим по бечевнику. Поэтому “Соколки” пользовались славою таинственного, даже нечистого места» [1, с. 34].

Амалицкий указывает высоту Соколов: «до 45 м над рекою». При проведении раскопок глубина выемки грунта доходила до 16 м. За прошедшие годы раскоп осыпался, зарос кустарниками и деревьями (фото 1).

Местонахождение Завражье. Расположено в 8 км южнее Котласа (N61°10'31"; E46°37'56"), прямо под идущей через Северную Двину воздушной линией электропередач, в 2 км севернее современной дер. Заовражье. По каталогу местонахождений позвоночных: «Завражье – крутой склон около 35 м высотой на правом берегу р. Малой Северной Двины у Завражского лога и ниже Черняков и Пустых» [2, с. 81]. В отчетах Амалицкого, Едемского, в других публи-

А

Б

Фото 1. Местонахождение Соколки: А – фото 1899 г., вид до начала раскопок [2]; Б – фото 09.07.2022 (предоставлено ГКУ АО «Проектная дирекция Министерства ТЭК и ЖКХ Архангельской области»).
Photo 1. Location of Sokolki: А – photo of 1899, view before the start of excavations [2]; Б – photo of July 9. 2022 (provided by the «Project Directorate of the Ministry of Fuel and Energy Complex and Housing and Communal Services of the Arkhangelsk region»).

кациях встречаются варианты названия местонахождения: Запряжье, Завражские Пустые, Пустые и даже Заовражные Кусты. Пустые – это «место распаханых и запустошаемых полянок, принадлежащих дер. Завражье» [3, с. 47], примыкающее с севера к Чернякам. Черняки – низина между линзой местонахождения и дер. Заовражье. Название Амалицкий объяснял так: «...носит название “Черняков”, вероятно, по темной глине, развитой в ее основании и в данной местности, а равно по торфяным болотам» [1, с. 37]. Ныне не Черняками, а Чернягами называют эту же местность, а также дачные поселки вблизи дер. За-

овражье. Неподалеку расположена улица Амалицкого, появившаяся на окраине Котласа в 2016 г.

При раскопках глубина выемки грунта в Завражье также, как и в Соколках, достигала 16 м, но раскопки были менее масштабными, удалялись от берега недалеко, до 10 м, поэтому большой ямы не образовалось. На фото 2 раскоп плохо виден, но сверху берега хорошо заметен в виде пологого углубления.

В конце XIX–начале XX в. территория мест раскопок относилась к Вотложемской волости Великоустюгского уезда Вологодской губернии.

На карте местности 1905 г. масштаба 100 саженей в дюйме (1:8400 – в 1 см 84 м) видны дер. Ефимовская

(рядом с которой находятся Соколки), а также соседние деревни Мокречица и Голявинская, севернее которых расположена дер. Завражье (рядом находилось одноименное местонахождение) (рис. 1). В работах Амалицкого деревни названы также, только Голявинская указана как Голевинская. По карте же видно, что для Ефимовской и Мокречицы существовали дублирующие наименования, соответственно: Кузнецово, Моклоково, а у Голявинской – третий вариант написания – Головинская. В списке населенных мест Вологодской губернии 1859 г. [5, с. 404] Голявинская приведена без дублирующего варианта, другие деревни указаны как Ефимовская (Кузнецовская), Моклоковская (Мокречица).

А

Б

Фото 2. Местонахождение Завражье: А – фото 1899 г. [4]; Б – фото автора 03.06.2023.
Photo 2. Location of Zavrazhye: А – photo of 1899 [4]; Б – photo by the author, June 3, 2023.

Из этих деревень сохранилась и сильно разрослась дер. Завражье (Заовражье), остальные исчезли примерно в 1960-е гг., на современных Яндекс-картах на местах Голявинской и Мокречицы нет обозначений, на месте Ефимовской обозначено урочище Ефимовское.

Ефимовская, Голявинская и Мокречица по генеральному межеванию Великоустюгского уезда входили в дачу № 912 (см. зеленую надпись в центре карты) с общим названием «дача деревни Ефимовской». Тогдашние дачи – аналог современных кадастровых участков с закрепленным собственником и категорией использования земли. Дачи были генерального и специального межевания, последнее проводилось на добровольной основе при дроблении участков, земельных спорах и пр. По специальному межеванию дача № 912 была поделена на четыре части: 1) Е22 площадью 35 десятин; 2) Е23 – 140,4; 3) Е24 – 13,3; 4) Е25 – 12,9 [6, с. 16]. Раскопки проводились на территории самой обширной части дачи – Е23, пахотные земли которой располагались вдоль реки и восточнее, за болотом, где, по всей видимости, пашню разрабатывали подсеčno-огневым способом (на желтых участках пашни видны карандашные пометки «лес»).

С севера к даче № 912 примыкает дача № 913 дер. Завражье, с востока – дача № 831 – въезжий лес (лесная дача с правом рубить лес для своих нужд) дер. Костюшевской (Костяшевской). Деревня располагалась в 5 км южнее Соколков, рядом с современной деревней Чупаново.

Восточнее дачи № 831 на карте (не вошло в рис. 1) деревень, дорог, полей нет, изображены большие участки

Рис. 1. Карта прилегающей к Соколкам местности, план дач генерального межевания 1905 г. по съемке 1894 г. (из фондов Котласского краеведческого музея, публикуется впервые). Стрелкой обозначено место раскопок.

Fig. 1. The map of the area adjacent to Sokolki, plan of the general survey of 1905, based on the survey of 1894 (from the funds of the Kotlas Museum of Local Lore, the map is published for the first time). Arrow indicates the excavation site.

мшанного леса и хвойного леса по болоту, за границами изображения которых размещена надпись «дача казенного никбъ невладеемого лбса: Вотложемская лбсная дача № 720» (по списку дач: «лбсь каз. смежный съ Котласомъ пог.» [6, с. 13]) и показано, что через дачу проходит железная дорога.

Для проведения раскопок Амалицкий арендовал землю у крестьян дер. Ефимовской и регулярно продлевал

аренду. В 1914 г. в записке «Об ассигновании кредита на содержание галереи Северо-Двинских раскопок» он писал, что «костеносная линза должна быть или приобретена в собственность или заарендована на вечные времена» [7, с. 175]. При возобновлении работ Академия наук аренду продолжала оплачивать.

На фотографии раскопок 1899 г., сделанной во время их окончания в августе, видны сверху раскопа суслоны

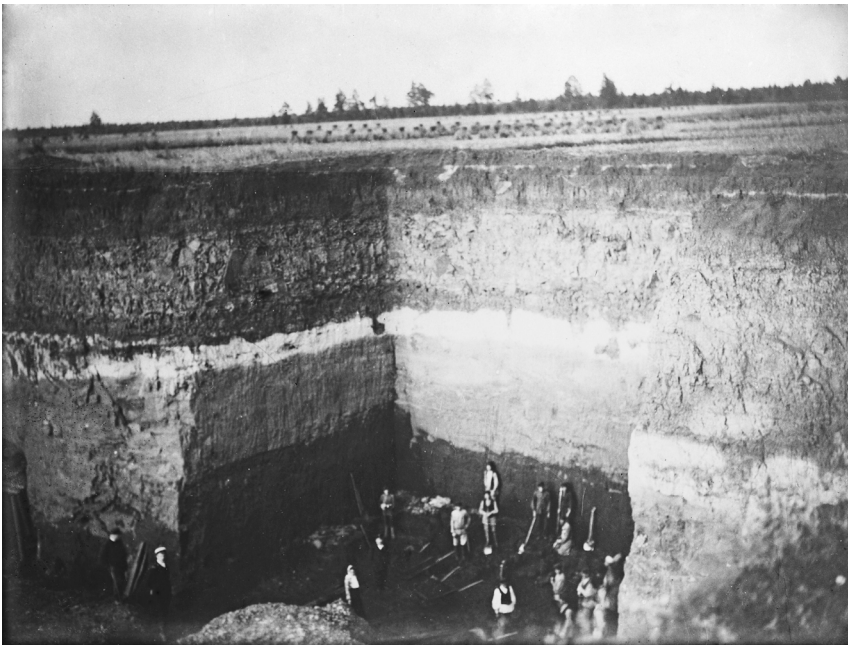

Фото 3. Соколки, фото окончания раскопок в августе 1899 г., глубина выемки 12 м (из фондов Пермского краеведческого музея, Госкаталог № ПОКМ-16611/153).

Photo 3. Sokolki, photo of the end of the excavations in August 1899, excavation depth - 12 m (from the funds of the Perm Museum of Local Lore, State Catalog № ПОКМ-16611/153).

убранной с поля ржи, т. е. ее выращивали прямо у раскопа (фото 3). Следовательно, крестьяне дер. Ефимовская несколько теряли из-за уменьшения посевной площади под раскопки, но с лихвой компенсировали экономические потери, работая у профессора и получая неплохую оплату [8, с. 123].

Для раскопок Амалицкий нанимал работников из ближайших деревень. Но писал, что «были случаи, когда на работу просились крестьяне очень дальних деревень, объясняя свою просьбу интересом дела» [9, с. 79]. Н. В. Ильинский сообщает, что были крестьяне с Овечкиной [10, с. 123]. Эта деревня находилась в 10 км севернее Соколков, в черте современного Котласа. Амалицкий писал, что на раскопках 1899 г. «одновременно работало от 12 до 25 рабочих» [9, с. 74]. В его полевых дневниках есть подробные списки выхода крестьян на работу и выплаченных им денег. В одном из дневников (год не указан, но по содержанию, 1900–1903) приведены списки на 38 и даже 41 чел. Из списков видно, что часто работали более 30 чел. в день. Больше число работников носили фамилии: Верецагины, Мокрецовы, Новосельцевы, Колóминовы; а также были работники: Кузнецов, Мари́ев, Прéловский, Пьянков и др. [11, л. 12 об.-15]. В 1931 г. 19 чел. с такими же фамилиями из деревень Мокречи́ха, Ефимовская, Голявинская образовали на этой территории сельскохозяйственную артель «Союз» [12]. Вероятно, среди них были участники раскопок или их родственники.

Раскопки профессора вызывали живой неподдельный интерес как у крестьян, так и у всех, кто о раскопках слышал.

Про раскопки первого, 1899 г. Амалицкий писал: «Когда удалось найти челюсть парейазавра с хорошо сохранившимися зубами, а потом прекрасно сохраненную голову панцирного земноводного, то и рабочие и остальные

крестьяне вполне убедились, что я собираю кости. Ко мне приходили многие крестьяне с просьбой показать голову. Нахождение целого скелета парейазавра произвело на всех очень глубокое впечатление. Интерес к раскопкам дошел до того, что рабочие, особенно из молодых и грамотных, считали за особое удовольствие работать в тех местах, где попадались окаменелости, спорили за места, с замечательным вниманием относились к откапываемому предмету, сохраняя и представляя мне малейший отбитый кусок конкреции, иногда за отчисткою скелетов (в конкрециях) забывалась “залого”, т. е. десятиминутный отдых в конце каждого часа работы» [9, с. 79].

На фотографии этого же года видны два приезжих человека, возможно, чиновники (фото 3). В 1900 г. на раскопе побывали священнослужители: или устюжский епископ Гавриил, или

вологодский епископ Алексей, или и тот и другой (точно неизвестно) [8, с. 124]. В 1901 г. «раскопки были посещаемы многочисленными приезжими из местного общества и высшей администрации» [13].

В 1903 г. на раскопках ребенком побывал Юрий Александрович Орлов (будущий академик и директор Палеонтологического института АН). Впоследствии он вспоминал: «Отец управлял лесным хозяйством на Севере, рубкой и сплавом леса в Архангельск <...>. Когда мне исполнилось десять лет, отец стал брать меня и братишку в свои летние служебные поездки. <...> В одну из этих незабываемых поездок мы осмотрели известные раскопки профессора В. П. Амалицкого на Северной Двине <...> об этих раскопках в то время много писали и говорили. <...> Как раз перед этой поездкой отец купил мне книгу Гётчинсона “Вымершие чудовища”. Теперь я и сам увидел, как их находят и добывают; немудрено, что раскопки произвели на меня неизгладимое впечатление, а этот день запомнился на всю жизнь. Отец бывал там и раньше. Ему все подробно показывал и рассказывал сам Амалицкий» [14, с. 12].

Раскопки Амалицкого пришлись и на детские годы Николая Герасимовича Кузнецова (будущий Адмирал Флота Советского Союза, Военно-морской министр СССР). В 10 км южнее Соколков находится его родная деревня Медведки. Раскопки никак не могли пройти мимо его детского внимания, хотя свидетельств этому нет.

В 1906 г. о месте раскопок Амалицкого сказано в путевых заметках «На Север: По Сухоне и Северной Двине» ботаника Константина Игнатьевича Мейера (будущий профессор и директор Ботанического сада МГУ). Профессиональный биолог прекрасно понимает значение раскопок, в заметках посвящает им три страницы с обширными цитатами из работ Амалицкого и пишет: «В виду выдающегося интереса, который представляли “Соколки”, мы решили

остановиться здесь и заночевать, чтобы утром осмотреть все подробнее. Но нас ждало разочарование. Как мы узнали, ни проф. Амалицкого, ни кого-либо из его ассистентов нынешним летом здесь не было. <...> Нам пришлось ограничиться осмотром местности, где были сделаны эти замечательные находки. Осмотрев выемку и узнав, что было возможно, у подрядчика, мы тронулись дальше» [15].

Место раскопок упоминается и во многих других путевых заметках и путеводителях по Северной Двине: А. И. Фирсова, И. И. Шеляпина, В. Н. Никольского, В. К. Лебедева, Г. Т. Полилова, С. Г. Григорьева, И. И. Томского. Авторы характеризуют раскопки как «известные», «знаменитые», «дали богатые результаты» и т. п., а географ Сергей Григорьевич Григорьев (*будущий профессор МГУ*) не скрывает эмоций: «Мы приближаемся к знаменитым раскопкам <...>. Мы не отходим от борта, жадно вглядываясь в высокий правый берег реки» [16].

В 1911 г. на раскоп приезжал студент Иван Николаевич Костров (*будущий гидроэнергетик, дважды лауреат Сталинской премии за разработку волжских ГЭС*), с ним связан любопытный эпизод.

Крестьяне дер. Ефимовская в 1918 г., после смерти профессора, о которой они еще не знали, отправили письмо: «Здравствуйте, Многоуважаемые: Барин Владимир Прохорович и барыня Анна Петровна. <...> мы приступаем к работе и всепокорнейше просим выслать нам заработанные нами деньги за очистку сараев т. к. нам деньги очень нужны при такой дороговизне, с нетерпением ждем ваших денег» [17, л. 117–118].

В связи с этим, Анна Петровна в письме геологу Геологического комитета Академии наук Алексею Алексеевичу Борисяку (*член Северо-Двинской комиссии, созданной для сохранения коллекции Амалицкого и продолжения работ, будущий академик, основатель и первый директор Палеонтологического института АН*) писала: «Письмо это написано не крестьянами, это совсем не их стиль, писал его даже не пришедший с войны солдат, побывавший в писарях, а писал его интеллигентный человек, поддельвающийся под язык крестьян. Они никогда не написали бы "Многоуважаемый", а просто барину В. П. и барыне А. П. по низкому поклону. Число, выставленное в конце письма 19/II 18, тоже не по-крестьянски. Я боюсь, не появился ли опять тот студент, который приезжал на раскопки. Дело было так: в 1911 или 1912 году, хорошенько не помню, за несколько дней до нашего с Владимиром Прохоровичем приезда¹ на место раскопок приехали два молодых человека и отрекомендовались крестьянам – помощниками (крестьяне называют препараторов помощниками) профессора Амалицкого, крестьяне им говорят "помощников профессора мы знаем, а вас никогда не видали", "да мы новые", говорят они. "Вот погодите", говорят крестьяне "придет доверенный, он ушел на станцию за письмом от барина, он рассудит". Пришел доверенный и говорит им "какие-же вы помощники, когда барин пишет, что на этой неделе придет с барыней и двумя помощниками, Людвигом Кирилловичем и Францем Осиповичем, нет, господа, вы уже лучше уходите", так их и выпроводили. Потом оказалось главный

¹ В 1912 г. Амалицкий в Соколки не выезжал, значит это был 1911 г.

из них был внук Велико-Устюжского Пароходчика Кострова, студент Московского Университета, ученик А. П. Павлова, следовательно геолог. Вот я и боюсь, не он ли опять появился на раскопках и не он ли узнав о смерти Владимира Прохоровича смущает крестьян» [18, л. 113].

Дед Ивана Кострова, купец первой гильдии Василий Иванович, и отец – Николай Васильевич, были «по велеению души и сердца» крупными благотворителями [19], внук, судя по его будущей карьере, тоже не производит впечатление проходимца. Скорее всего, с крестьянами возникло какое-то недопонимание. Эпизод лишний раз подтверждает интерес к раскопкам у населения, особенно у образованных людей, и искреннее беспокойство Анны Петровны за судьбу дела в сложной обстановке военного времени.

В 1913 г. раскопку посетил молодой французский геолог Пьер Прюво [8, с. 186] (*будущий профессор, академик, президент Геологического общества Франции*).

В июне 1915 г. на экскурсию в Соколки выезжали члены Вологодского общества изучения Северного края [20], в состав которых, по всей вероятности, входили Василий Яковлевич Масленников (*преподаватель, председатель естественно-исторической комиссии общества*) и Аvenir Алексеевич Снятков (*врач, краевед-биолог и геолог*).

В 1917 г. Соколки посетил секретарь Тотемского отделения этого общества Николай Васильевич Ильинский (*преподаватель, ботаник и географ, будущий профессор*). Он эмоционально писал: «...от этой группы людей, живших одними интересами и тревожениями за судьбу своего дела <...> оставался на месте живой свидетель, охранявший остатки раскопок кр. Осип Верещагин. Еще бодрый старик, с гордостью вспоминающий о пережитом "научном деле", в котором принимал непосредственное участие, он жил осенью 1917 г. в деревне Ефимовской в маленькой своей избушке» [10, с. 122].

Летом 1918 г. Академией наук для осмотра состояния местонахождений и продления аренды места раскопок были командированы в Соколки А. А. Борисяк и каталогизатор музея Геологического комитета Магдалина Андреевна Конради [21] (*в интернете нашлась информация, что она родилась в 1896 г., в 1914 г. была сестрой милосердия, репрессирована по национальному признаку, год не указан*).

В 1921 г. осмотр местонахождений был поручен студенту Петроградского горного института Николаю Константиновичу Разумовскому (*будущий доктор геолого-минералогических наук, один из авторов открытия Блявинского месторождения медного колчедана*). В годы Гражданской войны он заведовал естественно-научной лабораторией Вятского музея родного края и работал в УОНО г. Нолинска, а в 1921 г. завершал свое обучение, прерванное войной.

Сохранился подробный отчет о поездке [22, л. 1–2 об.], который помимо рабочих материалов содержит массу любопытных сведений о транспортном сообщении, ценах на продукты, их доступности и прочем. Часть сведений опубликована А. Е. Нелиховым [8, с. 214]. С Разумовским Вятский музей командировал для сбора геологического материала двух практикантов: студента Педагогического Института Александра Васильевича Хабакова (*будущий доктор геолого-минералогических наук, основоположник*

динамической палеогеографии) и ученика VI класса школы II ступени Владимира Васильевича Кротова (в Книге памяти Кировской области нашлись сведения о погибшем в 1943 г. под Ленинградом младшем сержанте 1902 г. р., вероятно, это он). От железнодорожной станции г. Котласа до Соколов они добирались на лошадях, из других вариантов были лодка и пароход (лодку не нашли, а у парохода было неудобное расписание, и он останавливался на другом берегу Северной Двины у дер. Новинки). С поездки сохранился цветной акварельный рисунок раскопа, сделанный А. В. Хабаковым, рисунок недавно опубликован [23].

В статье А. А. Хохлова «Исследователи природы Вятской губернии» [24, с. 173] указано, что поездка Разумовского, Хабакова и Кротова была в 1922 г., из поездки в музей доставлено несколько костей парейазавра. Просмотр карты экскурсий геологического кабинета Вятского музея, на которую отсылает статья, показал, что дата 1922 г. ошибочна, это одна и та же поездка 1921 г.

Летом 1922 г. место раскопок было посещено заведующим Великоустюгским отделом по охране памятников искусства и старины Виктором Викторовичем Комаровым «в сопровождении некоторых других лиц», в числе которых, по всей видимости, был заведующий Сольвычегодским музеем Илья Иванович Томский, вскоре после этого командированный в Москву в Главнауку с представлением о необходимости организации охраны места раскопок и коллекции [25, с. 33].

В октябре 1922 г. в целях определения степени сохранности коллекции Амалицкого, установления охраны и выяснения возможности продолжения раскопок были командированы А. П. Амалицкая и М. Б. Едемский [там же]. Из воспоминаний Николая Львовича Тюкавина, директора котласской железнодорожной школы II ступени: «В городе никакой гостиницы не было. Приезжие люди искали приют, кто как умел. <...> Не найдя другого места, (А. П. и М. Б. – А. М.) пришли в школу, попросили приюта. Пришлось принять. <...> Я их (раскопки – А. М.) видел еще в свои юношеские годы, да и в последнее время с доктором Боравским мы совершали к ним прогулку, узнавали, что там осталось. <...> Мои гости представились городскому начальству, в качестве транспорта получили лодку с гребцом и мы поехали к раскопкам» [26].

В 1923 г. на раскопки Едемского ездил заведующий Великоустюгским музеем Северо-Двинской культуры Евлампий Арсеньевич Бурцев [27, л. 57 об.].

В 1925 г. в экспедиции Едемского принимал участие тотемский художник Феодосий Михайлович Вахрушов. Он написал картину «Место раскопок профессора В. П. Амалицкого на р. Малой Северной Двине». Картина и один эскиз находятся в Тотемском краеведческом музее, два других эскиза – в Палеонтологическом музее им. Ю. А. Орлова в Москве и Великоустюгском музее-заповеднике.

В фондах Сольвычегодского историко-художественного музея-заповедника сохранились фотографии с раскопок А. П. Гартман-Вейнберг 1929 г. (фото доступны в Госкаталоге: № СИХМ КП-6473, СИХМ КП-6474, СИХМ КП-6475). На фотографиях пять подростков на фоне раскопа. А. Е. Нелихов пишет, что «найти землекопов в 1929 году ока-

залось трудно. Неподалёку прокладывали железную дорогу и проводили межевые работы, где платили 2,5 рубля в день и вдобавок выдавали сапоги с одеждой. Цены на рабочие руки поднялись. Гартман-Вейнберг пришлось сократить число землекопов и экономить буквально на всем» [8, с. 231]. Вероятно, к раскопкам привлекались подростки и на фото некоторые из них. Также в Сольвычегодском музее есть фото № СИХМ КП-1489 с подписью «Состав краеведческой экскурсии кружка юннатов Сольвычегодской Семилетней школы 27.VI.1928 г.». На фото подростки, 12 юношей и девять девушек, с энтомологическими сачками, ружьями, чучелами птиц, гербарными папками. Лица некоторых юношей похожи на лица с фото 1929 г. Возможно, это те же участники раскопок. Руководителем юннатов был Сергей Александрович Моданов [28, с. 120], преподаватель естествознания и директор школы (будущий директор Архангельского педагогического института). Можно предположить, что он посещал Соколки вместе с неоднократно там бывавшим И. И. Томским.

Недавно обнаружилось еще одно свидетельство от участника раскопок. В пос. Приводино недалеко от Котласа проживает Сергей Петрович Сергеев, бабушка которого, Александра Михайловна Коломинова жила в дер. Песчаница, в 3 км южнее Соколов и участвовала в раскопках. Из воспоминаний известно лишь то, что она увязалась на раскопки вслед за братьями, была единственной женщиной из работников, стояла сильная жара, было сделано общее фото; если работник обнаруживал что-то интересное для науки, то дополнительно к оплате труда работнику давали пачку махорки, некурящая Александра отдавала махорку братьям. По косвенным данным удалось установить, что, скорее всего, Александра участвовала в раскопках Едемского 1923 г., ей тогда было 18 лет, а упомянутое фото опубликовано в статье Едемского [3, с. 51, рис. 7].

Из препаратов на раскопе в разные годы были: Людвиг Кириллович Гадомский (умер во время раскопок в 1927 г., похоронен на кладбище Городецкой Михаило-Архангельской церкви в дер. Песчаница [29, л. 30]; Франц Осипович (по упомянутому выше письму Амалицкой), или Иосифович (по отчету Разумовского), фамилия в источниках не указана, вероятно, Каминский [30, с. 27]; Федор Максимович Кузьмин [31, с. 81]. В 1900 г. в работах принимал участие студент А. И. Огаренко [32].

Ивану Антоновичу Ефремову (палеонтологу и будущему знаменитому писателю-фантасту) в Соколках, судя по всему, побывать не довелось, хотя после экспедиции на р. Шарженьгу в 1927 г. он заезжал в Великий Устюг [33], а впоследствии много работал по анализу материалов Амалицкого.

Закончим обзор крупным событием – визитом в Котлас в 1933 г. Печорской бригады Полярной комиссии АН СССР, большого коллектива ученых и специалистов во главе с президентом Академии наук 86-летним Александром Петровичем Карпинским (ранее в числе многих обязанностей руководившим Северо-Двинской комиссией по делам коллекции Амалицкого). В составе бригады был М. Б. Едемский, командированный для участия в осмотре месторождений полезных ископаемых по Северной Дви-

не и Вычегде [34, с. 152]. 16 июня бригада прибыла в Котлас, где наряду с участием в пленуме райисполкома были осмотрены соляной источник и месторождение битумных сланцев [там же, с. 198]. Соляной источник находится рядом с дер. Пускино, на левом берегу Северной Двины, прямо напротив Соколов. Несомненно, что Александр Петрович с большим интересом смотрел на место, где В. П. Амалицким были найдены скутозавр Карпинского и карпинскиозавр.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что палеонтологические раскопки под Котласом, начатые В. П. Амалицким и продолжавшиеся три десятилетия, являлись одним из крупнейших научных событий для региона, привлекали внимание образованных людей, служили примером для многих выдающихся ученых и заслуживают дальнейшего изучения как важный эпизод истории отечественной и мировой науки.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

- Амалицкий, В. П. Дневник наблюдений по Малой Северной Двине. – Ленинград : Издательство АН СССР, 1931. – 57 с. (Северо-Двинские раскопки проф. В. П. Амалицкого; Ч. VI).
- Ефремов, И. А. Каталог местонахождений пермских и триасовых наземных позвоночных на территории СССР / И. А. Ефремов, Б. П. Вьюшков. – Москва-Ленинград : Издательство АН СССР, 1955. – 186 с. (Тр. ПИН АН СССР; Т. 46).
- Едемский, М. Б. Северо-Двинская Экспедиция Российской Академии Наук в 1923 г. / М. Б. Едемский // Природа. – 1923. – № 7-12. – С. 37-56.
- Амалицкий, В. П. Раскопки остатков позвоночных в 1899 г. в пермских отложениях севера России / В. П. Амалицкий // Тр. Варшавского Общ. Естествоиспытателей. Год XI, 1900. Прилож. к протоку общ. собр. – Варшава : Тип. Варшавского учебн. округа, 1900. – 26 с.
- Списки населенных мест Российской империи. – Санкт-Петербург : Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861-1885. Вып. 7 : Вологодская губ.: ... по свед. 1859 г. – 1866. – Т. XXXIV. – 520 с.
- Список дач генерального и специального межевания Велико-Устюгского уезда. – Вологда : Тип. Товарищ. Знаменский и Цветов, 1911. – 56 с.
- Протоколы заседаний Физ.-Матем. Отд. Импер. Акад. Наук. – 1914. – VIII засед., 30 апреля 1914 г., 1-е прилож. к протоку засед. (к § 393). – С. 172-176.
- Нелихов, А. Е. Изобретатель парейзавров. Палеонтолог В. П. Амалицкий и его галерея / А. Е. Нелихов. – Москва : Фитон XXI, 2020. – 280 с.
- Амалицкий, В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России / В. П. Амалицкий // Мир Божий. – 1901. – № 1. – Отд. II. – С. 71-82.
- Ильинский, Н. В. В. П. Амалицкий и его раскопки на Севере / Н. В. Ильинский // Матер. по изуч. и использ. произв. сил Северного края. Вып. II. – Вологда, 1921. – С. 121-126.
- СПбФ АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 87.
- Протокол общ. собр. гр-н дер. Ефимовской, Голявинской, Мокречица, 26 июня 1931 г. // МКУ Котласского муницип. р-на «Архивно-административная часть». Ф. 111. Оп. 1. Д. 196. Л. 1-6.
- Труды Импер. С.-Петербур. Общ. Естествоиспытателей. – 1901. – Т. XXXII, Вып. 1 (проток. засед.), № 7-8. – С. 286.
- Орлов, Ю. А. В мире древних животных. Изд. 3-е. – Москва : Наука, 1989. – 163 с.
- Мейер, К. На север: По Сухоне и Северной Двине / К. Мейер // Естествознание и география, 1906. – № 10. – С. 1-32.
- Григорьев, С. Г. На Север: (Из летних скитаний) / С. Г. Григорьев // Естествознание и география, 1916. – № 1/2. – С. 20-50.
- СПб АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711.
- СПб АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95.
- Купцы Великого Устюга // Устюжане : [сборник]. – Великий Устюг : [б.и.], [1995]. – 88 с.
- Известия Вологодского Общ. изуч. Северного края. Вып. 2. – Вологда : Тип. П. А. Цветова, 1915. – 195 с.
- Протоколы заседаний Физ.-Матем. Отд. Импер. Акад. Наук. – 1918. – XI засед. от 14(1) июня 1918 г. – § 280. – С. 141.
- СПбФ АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 97.
- Сенников, А. Г. В. П. Амалицкий и А. П. Амалицкая: у истоков палеонтологии позвоночных в России / А. Г. Сенников, Е. А. Сенникова // Природа. – 2015. – № 8. – С. 74-84.
- Хохлов, А. А. Исследователи природы Вятской губернии / А. А. Хохлов // Герценка: Вятские записки. Вып. 28. – Киров, 2015. – С. 171-180.
- Едемский, М. Б. Материалы о работе Северо-Двинской комиссии РАН / М. Б. Едемский // Матер. V Междунар. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. В. П. Амалицкого. – Москва : ПИН РАН, 2010. – С. 33-37.
- Тюкавин, Н. Л. Автобиографические записки: Котлас в конце 19-начале 20 века / Н. Л. Тюкавин // МУК «Котласский краеведческий музей». – Москва, 1974 Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 163.
- МКАУ «Великоустюгский центральный архив». Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 401.
- Колесов, В. Г. Стрекозы окрестностей гор. Сольвычегодска Северо-Двинской губ. / В. Г. Колесов // Записки Северо-Двинского Общ. Изуч. Местного Края. Вып. V. – Великий Устюг, 1928. – С. 120-126.
- СПбФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1. Д. 51.
- Адресная книга русских Зоологов, Анатомов, Физиологов, Палеонтологов и проч. – Санкт-Петербург : [б.и.], 1901. – 149 с.
- Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 год. Ч. II: Отч. о науч. командир. и экспед. – Ленинград : Издательство АН СССР, 1928. – 266 с.
- Труды Импер. С.-Петербур. Общ. Естествоиспытателей. – 1900. – Т. XXXI, Вып. 1 (проток. засед.), № 8. – С. 369.
- Ерёмина, О. А. Иван Ефремов и Русский Север / О. А. Ерёмина. – URL: <http://noogen.su/efremovsever2023> (дата обращения: 05.06.2023).

34. Рощевский, М. П. Печорская бригада академика А. П. Карпинского / М. П. Рощевский, Л. П. Рощевская, А. А. Бровина. – Сыктывкар, 2015. – 646 с.

References

1. Amalitsky, V. P. Dnevnik nablyudenij po Maloj Severnoj Dvine [Diary of observations along the Malaya Northern Dvina] / V. P. Amalitsky. – Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1931. – 57 p. (Severo-Dvinskije raskopki prof. V. P. Amalitskogo [Northern Dvina excavations by Prof. V. P. Amalitsky]; Part VI).
2. Efremov, I. A. Katalog mestonahozhdenij permskih i triasovyh nazemnyh pozvonochnyh na territorii SSSR [Catalogue of the locations of Permian and Triassic terrestrial vertebrates on the territory of the USSR] / I. A. Efremov, B. P. Vyushkov. – Moscow, Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1955. – 186 p. (Proc. of Paleontological Inst., USSR Ac. Sci.; Vol. 46).
3. Edemsky, M. B. Severo-Dvinskaya E'kspediciya Rossijskoj Akademii Nauk v 1923 g. [Northern Dvina Expedition of the Russian Academy of Sciences in 1923] / M. B. Edemsky // Priroda [Nature]. – 1923. – № 7–12. – P. 37–56.
4. Amalitsky, V. P. Raskopki ostatkov pozvonochnyh v 1899 g. v permskih otlozheniyah severa Rossii [Excavations of vertebrate remains in 1899 in the Permian deposits of the North of Russia] / V. P. Amalitsky // Proc. of the Warsaw Society of Naturalists. Year XI, 1900. Appendix to the minutes of the general meeting. – Warsaw: Printing house of the Warsaw educational district, 1900. – 26 p.
5. Spiski naselennyh mest Rossijskoj imperii [Lists of populated areas of the Russian Empire]. – St.Petersburg: Publishing House of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1861–1885. Issue 7: Vologda province: ... according to 1859. – 1866. – Vol. XXXIV. – 520 p.
6. Spisok dach generalnogo i specialnogo mezhevaniya Veliko-Ustyugskogo uezda [List of dachas of the general and special land surveying of the Veliky Ustyug Uyezd]. – Vologda: Printing House of Znamensky and Tsvetov Partnership, 1911. – 56 p.
7. Protokoly` zasedanij Fiz.-Matem. Otd. Imp. Akad. Nauk [Minutes of meetings of the Physics and Mathematics Dept. of the Imperial Academy of Sciences]. – 1914. – VIII session, April 30, 1914, First annex to the minutes of the meeting (to § 393). – P. 172–176.
8. Nelikhov, A. E. Izobretatel` parejazavrov. Paleontolog V. P. Amalitsky i ego galereya [Inventor of pareiasaurs. Paleontologist V. P. Amalitsky and his gallery] / A. E. Nelikhov. – Moscow: Fiton XXI, 2020. – 280 p.
9. Amalitsky, V. P. Raskopki drevnih pozvonochnyh zhivotnyh na severe Rossii [Excavations of ancient vertebrates in the North of Russia] / V. P. Amalitsky // Mir Bozhij [God's World]. – 1901. – № 1. – Dept. II. – P. 71–82.
10. Ilyinsky, N. V. V. P. Amalitsky i ego raskopki na Severe [V. P. Amalitsky and his excavations in the North] / N. V. Ilyinsky // Materials on the study and use of the productive forces of the Northern Territory. Issue II. – Vologda, 1921. – P. 121–126.
11. SPbF ARAN [St. Petersburg Branch of the Archive of Russian Academy of Sciences] (further: SPbB ARAS). F. 316. Op. 1. D. 87.
12. Protokol obshh. sobr. gr-n der. Efimovskoj, Golyavinskoj, Mokrechixa ot 26 iyunya 1931 g. [Minutes of the general meeting of residents of Efimovskaya, Golyavinskaya, Mokrechikha villages of June 26, 1931] // Municipal Kotlas Dept. of the Kotlas Municipal District «Archival and administrative part». F. 111. Op. 1. D. 196. L. 1–6.
13. Trudy Imp. S.-Peterb. Obshh. Estestvoispytatelej [Proc. of the Imperial St. Petersburg Society of Naturalists]. – 1901. – Vol. XXXII. – Issue 1. – № 7–8. – P. 286.
14. Orlov, Yu. A. V mire drevnih zhivotnyh. Izd. 3-e. [In the world of ancient animals. 3rd edition] / Yu. A. Orlov. – Moscow: Nauka, 1989. – 163 p.
15. Meyer, K. Na sever: Po Suhone i Severnoj Dvine [To the North: Along the Sukhona and the Northern Dvina] / K. Meyer // Natural Science and Geography, 1906. – № 10. – P. 1–32.
16. Grigoryev, S. G. Na Sever: (Iz letnih skitanij) [To the North: (From summer wanderings)] / S. G. Grigoryev // Natural Science and geography, 1916. – № 1/2. – P. 20–50.
17. SPbB ARAS. F. 128. Op. 1. D. 711.
18. Ibid. F. 316. Op. 1. D. 95.
19. Kupcy Velikogo Ustyuga [Merchants of Veliky Ustyug] // Ustyuzhane (residents of Ustyug): collection. – Veliky Ustyug, 1995. – 88 p.
20. Izvestiya Vologodskogo Obshhestva izucheniya Severnogo kraya [Proc. of the Vologda Society for the Study of the Northern Territory]. Issue 2. – Vologda: P. A. Tsvetov Printing House, 1915. – 195 p.
21. Protokoly` zasedanij Fiz.-Matem. Otd. Imp. Akad. Nauk [Minutes of meetings of the Physics and Mathematics Dept. of the Imperial Academy of Sciences]. – 1918. – XI session, June 14(1), 1918. – § 280. – P. 141.
22. SPbB ARAS. F. 316. Op. 1. D. 97.
23. Sennikov, A. G. V. P. Amalitsky i A. P. Amalitskaya: u istokov paleontologii pozvonochnyh v Rossii [V. P. Amalitsky and A. P. Amalitskaya: at the origins of Vertebrate Paleontology in Russia] / A. G. Sennikov, E. A. Sennikova // Priroda [Nature]. – 2015. – № 8. – P. 74–84.
24. Khokhlov, A. A. Issledovateli prirody Vyatskoj gubernii [Nature explorers of the Vyatka province] // Hertsenka: Vyatka notes. – Issue 28. – Kirov, 2015. – P. 171–180.
25. Edemsky, M. B. Materialy` o rabote Severo-Dvinskoj komissii RAN [Materials on the work of the Northern Dvina Commission of the Russian Academy of Sciences] / M. B. Edemsky // Materials of the V Intern. Conf. dedicated to the 150th birth anniversary of V.P. Amalitsky. – Moscow: Paleontological Inst., RAS, 2010. – P. 33–37.
26. Tyukavin, N. L. Avtobiograficheskie zapisi: Kotlas v konce XIX – nachale XX veka. Moskva, 1974 [Autobiographical notes: Kotlas in the late XIX – early XX century. Moscow, 1974] / N. L. Tyukavin // Kotlas Museum of Local Lore. F. 1. Op. 1. D. 6. L. 163.
27. Veliky Ustyug Central Archive. F. R-46. Op. 1. D. 401.
28. Kolesov, V. G. Strekozy okrestnostej gor. Solvychegodskaja Severo-Dvinskoj gub. [Dragonflies of the environs of

- Solvychegodsk in the Northern Dvina province] / V. G. Kolesov // Notes of the Northern Dvina Society for the Study of the local region. Issue V. – Veliky Ustyug, 1928. – P. 120–126.
29. SPbB ARAS. F. 138. Op. 1. D. 51.
30. Adresnaya kniga russkih Zoologov, Anatomov, Fiziologov, Paleontologov i proch [Address book of Russian Zoologists, Anatomists, Physiologists, Paleontologists, etc.]. – St. Petersburg, 1901. – 149 p.
31. Otchet o deyatelnosti Akademii nauk SSSR za 1927 god. Ch. II: Otchet o nauchnyh komandirovkah i ekspeditsiyah [Report on the activities of the USSR Academy of Sciences for 1927. Part II: Report on scientific trips and expeditions]. – Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1928. – 266 p.
32. Trudy Imp. S.-Peterb. Obshh. Estestvoispytatelej [Proc. of the Imperial St. Petersburg. Society of Naturalists]. – 1900. – Vol. XXXI. Issue 1. № 8. – P. 369.
33. Eryomina, O. A. Ivan Efremov i Russkij Sever [Ivan Efremov and the Russian North] / O. A. Eremina.. – URL: <http://noogen.su/efremovsever2023> (accessed: June 5, 2023).
34. Roshchevsky, M. P., Roshchevskaya, L. P., Brovina A. A. Pechorskaya brigada akademika A. P. Karpinskogo [Pechora brigade of academician A.P. Karpinsky] / M. P. Roshchevsky, L. P. Roshchevskaya, A. A. Brovina. – Syktyvkar, 2015. – 646 p.

Благодарность

Выражаю признательность за ценные уточнения Л. Н. Даниловой (Великоустюгский государственный музей-заповедник), С. А. Гладких (Котласский краеведческий музей), А. Г. Сенникову (Палеонтологический институт РАН).

Acknowledgements

I express my gratitude for the valuable clarifications of L. N. Danilova (Veliky Ustyug State Museum-Reserve), S. A. Gladkikh (Kotlas Museum of Local Lore), A. G. Sennikov (Palaeontological Institute of the Russian Academy of Sciences).

Информация об авторе:

Медведев Алексей Анатольевич – кандидат биологических наук, заведующий отделом природы Котласского краеведческого музея (165300, Российская Федерация, Архангельская обл., г. Котлас, ул. Виноградова, д. 22; e-mail: amedv@inbox.ru).

Author:

Aleksey A. Medvedev – Cand. Sci. (Biology), Head of the Department of Nature of the Kotlas Museum of Local Lore (Municipal Cultural Institution Kotlas Museum of Local Lore (22 Vinogradova st., Kotlas 165300, Arkhangelsk region, Russian Federation; e-mail: amedv@inbox.ru).

Для цитирования:

Медведев, А. А. Местные детали к истории палеонтологических раскопок под городом Котласом / А. А. Медведев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67) – С. 12–21.

For citation:

Medvedev, A. A. Local details on the history of paleontological excavations near Kotlas / A. A. Medvedev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2024. – №. 1 (67) – P. 12–21.

Дата поступления статьи: 06.12.2023

Прошла рецензирование: 15.12.2023

Принято решение о публикации: 18.12.2023

Received: 06.12.2023

Reviewed: 15.12.2023

Accepted: 18.12.2023

Цветные и благородные металлы в погребении № 115 Кокпомьягского могильника вымской культуры: археологический и археолого-минералогические аспекты

Э. А. Савельева*, В. И. Силаев**,
В. Н. Филиппов**, А. Ф. Хазов**

* ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

** Институт геологии им. акад. Н. П. Юшкина

ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

eleonorasav@yandex.ru
silae@geo.komisc.ru

Аннотация

В статье обсуждаются результаты археологического и археоминералогического анализов изделий из цветных и благородных металлов погребения № 115 Кокпомьягского могильника вымской культуры Перми Вычегодской, датируемой XI–XIV вв. Она включает общую характеристику могильника, погребения № 115, описание изделий из бронзы и серебра, результаты экспериментальных исследований этих предметов с использованием комплекса современных минералого-геохимических методов. Полученные результаты свидетельствуют о владении местными бронзолитейщиками сложных технологий производства разнообразных олово-медных и олово-серебряных сплавов.

Ключевые слова:

археологическая минералогия, вымская культура, погребение № 115, украшения, бронза, серебро, сплавы, естественнонаучные методы

Введение

Одним из важных направлений развития гуманитарных наук, в частности археологии, являются междисциплинарные археоминералогические исследования с привлечением методов естественнонаучных («аристотелевских») наук. При изучении вымской культуры начало им было положено в 1970-е гг. [1, с. 109–119]. В настоящее время активизировались и успешно реализуются методы современных минералогических, физико-химических и изотопных методов при изучении не только продуктов бронзолитейного производства вычегодских пермян [2, с. 38–50], но и костных останков средневекового вычегодского населения [3, с. 296–325]. Полученные данные представляют научный

Non-ferrous and precious metals in grave No. 115 of the Kokpomiyag burial ground of the Vym culture: archaeological and archaeomineralogical aspects

E. A. Savelyeva*, V. I. Silaev**,
V. N. Filippov**, A. F. Khazov**

* Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

** Institute of Geology named after academician N.P. Yushkin,
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

eleonorasav@yandex.ru
silae@geo.komisc.ru

Abstract

The paper discusses the results of archeological and archaeomineralogical analyses of items made of non-ferrous and precious metals from burial No. 115 of the Kokpomiyag burial ground of the Vym culture of the Vychehda Perm, dating back to the XI–XIV centuries. It includes a general characteristics of the burial ground, burial No. 115, a description of bronze and silver items, and the results of experimental studies of these items using a complex of modern mineralogical and geochemical methods. The results obtained indicate that local bronze casters possessed sophisticated technologies for the production of a variety of tin-copper and tin-silver alloys.

Keywords:

archaeological mineralogy, Vym culture, burial No. 115, adornments, bronze, silver, alloys, natural scientific methods

Археологический контекст

Объектом настоящего исследования являются изделия из цветных и благородных металлов в погребении № 115 Кокпомьягского могильника (рис. 1, а), датируемого XII–XIV вв. [4, с. 164]. Могильник находится на левом берегу р. Вымь возле с. Шошка Княжпогостского района Республики Коми, в 700 м к югу от дер. Кокпом, на боровой террасе

высотой 12 м. От реки его отделяют луг и болотистая низина со смешанным лесом (рис. 1, б). В 1919 г. могильник, известный местному населению как Чудьгу мыльк (в переводе с коми языка – «Холм с чудскими ямами»), был обследован А. С. Сидоровым, вскрывшим на нем три погребения [5, с. 42]. В 1961 г. Вымским археологическим отрядом Коми филиала АН СССР под руководством Э. А. Савельевой проводились разведочные исследования в долине р. Вымь, в ходе которых было вскрыто девять погребений на Кокпомьягском могильнике. В 1980–1981 гг. раскопки могильника были завершены. В результате вскрыто 229 погребений, расположенных двумя секторами: северо-восточным (165 погребений) и юго-западным (64 погребения), разделенными интервалом около 100 м (рис. 1, в). Погребения расположены рядами, внутри которых выделены группы из трех-пяти погребений.

Для Кокпомьягского могильника, как и для других некрополей вымской культуры, характерна биобрядность – сосуществование обрядов трупосожжения и трупоположения. Абсолютное большинство погребений совершено в ямах, единичные – на древней дневной поверхности. При ингумации погребенные ориентированы головой на север, предметы погребального инвентаря расположены на дне могильной ямы. В погребениях с трупосожжением кальцинированные кости и предметы погребального инвентаря расположены беспорядочно в засыпи ямы. Одна из выразительных особенностей обряда погребения вымской культуры – трупосожжение в срубках.

Большинство погребений содержит вещевой инвентарь, включающий предметы охотничьего вооружения, реже – боевые наконечники стрел, орудия труда, предметы быта, украшения. Безынвентарные погребения малочисленны (10). Погребений, содержащих одно-три невыразительных предмета, – 60, что вместе с безынвентарными составляет 30 % от общего количества погребений. Наряду с ними выделены погребения, содержащие богатый инвентарь: серебряные изделия, престижные серебряные скано-зерновые украшения, бусы, многочисленные железные наконечники стрел, производственный инвентарь.

В 32 погребениях найдены серебряные украшения, из них – 30 в северо-восточном секторе (18 %), два – в юго-западном (3 %). Одним из наиболее богатых захоронений, содержащих как бронзовые (14 предметов), так и серебряные престижные украшения (3 предмета), является погребение № 115.

Погребение № 115 расположено в северо-восточном секторе могильника, вне ряда, на расстоянии 4–10 м от соседних. Могильная яма – овальной формы с отвесными стенками, дно плоское, ровное, размером 193 × 95 × 45 см, ориентирована с ССЗ на ЮЮВ (рис. 2). Подо мхом залегают углистая прослойка, ниже – углисто-золенный слой, в центре и вдоль стенок которого сохранились крупные куски горелого дерева, предположительно остатки горелого сруба.

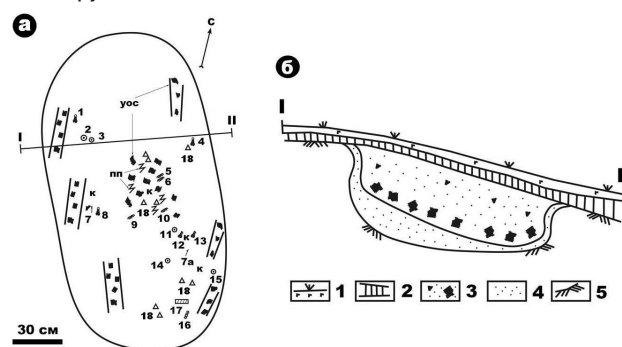

Рис. 2. Погребение № 115: а – план; б – стратиграфический разрез. Легенда на а: 1, 4, 8 – бронзовые бубенчики; 2, 3 – стеклянные бусы; 11, 14 – сердоликовые бусы; 15 – серебряная бусина; 5, 6, 9, 10 – бронзовые спиралевидные пронизки; 7 – серебряная подвеска-иконка; 7а – фрагмент подвески-иконки; 12, 13 – бронзовые конусовидные пронизки; 16 – бронзовая цепочка; 17 – обломок железной руды; 18 – керамика; УОС – углефицированные остатки срубов; к – кальцинированные кости. Легенда на б: 1 – мох; 2 – углистая прослойка; 3 – углисто-зольный слой; 4 – желтый песок; 5 – геологический субстрат.

Fig. 2. Burial № 115: а – plan; б – stratigraphic section. Legend on а: 1, 4, 8 – bronze bells; 2, 3 – glass beads; 11, 14 – carnelian beads; 15 – a silver bead; 5, 6, 9, 10 – bronze spiral thread decorations; 7 – a silver icon pendant; 7а – fragment of an icon pendant; 12, 13 – bronze cone-shaped thread decorations; 16 – bronze chain; 17 – iron ore fragment; 18 – ceramics; UOS – carbonized remains of log houses; к – calcified bones. Legend on б: 1 – moss; 2 – carbonaceous layer; 3 – carbon-ash layer; 4 – yellow sand; 5 – geological substrate.

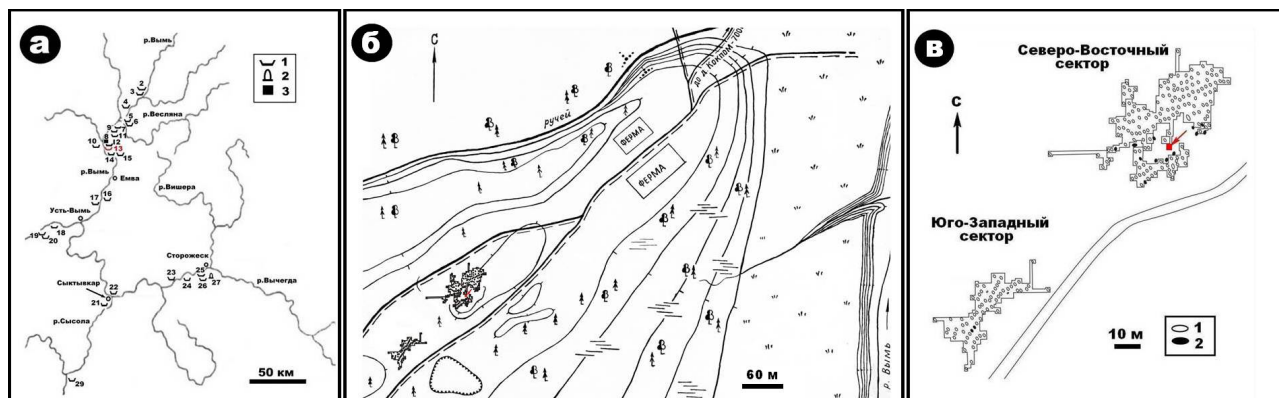

Рис. 1. Памятники вымской культуры: а – план археологических памятников вымской культуры, красным цветом показан Кокпомьягский могильник (1 – могильники; 2 – святилище; 3 – поселение); б – ситуационный план расположения Кокпомьягского могильника; в – план раскопок Кокпомьягского могильника, красным цветом отмечено погребение № 115 (1, 2 – соответственно сохранившиеся и разграбленные погребения).

Fig. 1. Sites of the Vym culture: а – plan of archaeological sites of the Vym culture, the Kokpomyaag burial ground is shown in red (1 – burial grounds, 2 – sanctuary, 3 – settlement); б – situational plan of the location of the Kokpomyaag burial ground; в – plan of excavations of the Kokpomyaag burial ground, burial No. 115 is marked in red (1, 2 – preserved and looted burials, respectively).

В углисто-зольном слое беспорядочно залегают кальцинированные кости и предметы погребального инвентаря: в разных частях могильной ямы – фрагменты лепного неорнаментированного чашевидного сосуда с плоским венчиком и уплощенным дном; у северо-западной стенки – обломок бронзового шаровидного бубенчика, две голубые стеклянные кольцевидные бусины; у противоположной – обломок бронзового бубенчика с высокой цилиндрической шейкой, украшенной гладкими поясками, и грушевидным сплюснутым туловом; в центральной части – бронзовые спиралевидные пронизки, бронзовый грушевидный бубенчик с гладкой полоской меди над широкой прорезью; в юго-восточной – бронзовые конусовидные пронизки, украшенные гладкими и с насечками поясками, серебряная скано-зерненная бусина из двух полусфер, соединенных между собой и зафиксированных двумя оборотами скани, обломок аналогичной бусины, две бипирамидальные сердоликовые бусины, цепочка из семи бронзовых двойных круглых колец (рис. 3). К уникальным находкам относится обломок прямоугольной серебряной подвески, по контуру которой проходит литой жгутик, на лицевой стороне – расплавленный фрагмент нечитаемого изображения, на обратной – припаянная олово-серебряная пластинка. Возможно, подвеска является иконкой и относится к числу редких предметов христианского культа на памятниках вымской культуры. В настоящее время – это единственная среди древностей перми вычегодской. Аналогичные по форме подвески-иконки были найдены при раскопках древнего Новгорода, однако они по составу – бронзовые, тогда как кокпомьягская – серебряная.

Вещи погребального инвентаря имеют достаточно широкий хронологический диапазон. Голубые кольцевидные стеклянные бусы датируются второй половиной XII–XIII вв. [6, с. 197; 7, рис. 237], бипирамидальные сердоликовые на древнерусских памятниках – XI–XII вв. [8, с. 153]. Серебряные бусины из двух полусфер, украшенные зернью и сканью, близки по технологии болгарским. По мнению К. А. Руденко [9, с. 349], их характерными особенностями являются шаро- или желудевидная форма, соединение двух половинок пайкой с помощью двух полых биоконусов, соединенных основаниями, а также шов, прикрытый сканой провололочкой. Такие бусины относятся к домонгольскому периоду в истории Волжской Болгарии и могут быть датированы периодом до середины XIII в., хотя на памятниках вымской культуры они могли сохраняться и дольше. Бронзовые бубенчики и пронизки на вымских могильниках встречаются с конца XI до XIV в., бесщитковые бронзовые цепочки – с конца XII в. [4, рис. 37]. Бронзовые подвески-иконки в древнем Новгороде бытовали с XII до XV в. [10, с. 65].

Таким образом, хронологические рамки погребения № 115 на основе представленных аналогий могут быть определены в пределах конца XII–первой половины XIII в.

Рис. 3. Погребальный инвентарь в погребении № 115 Кокпомьягского могильника: 1 – бронзовые конусовидные пронизки; 2 – бусина стеклянная; 3 – бронзовые грушевидные бубенчики; 4 – бусина серебряная со сканью и зернью; 5 – бронзовая цепочка; 6 – бипирамидальная сердоликовая бусина; 7 – серебряная прямоугольная подвеска-иконка.

Fig. 3. Grave goods in burial No. 115 of the Kokpomuyag burial ground: 1 – bronze cone-shaped thread decorations; 2 – a glass bead; 3 – bronze pear-shaped bells; 4 – a silver bead with filigree and grain; 5 – bronze chain; 6 – a bipyramidal carnelian bead; 7 – a silver rectangular icon pendant.

Материалы и методы

В качестве непосредственных объектов исследований выступили 13 образцов: конусовидные пронизки (5); грушевидные бубенчики (3); обломок шаровидного бубенчика (1); спиралевидная пронизка (1); цепочка (1); серебряная бусина, украшенная сканью и зернью (1); прямоугольная подвеска-иконка (1). В ходе исследований применяли аналитическую сканирующую электронную микроскопию (JSM-6400 Jeol; TESCAN VEGA3 LMN) и рентгеновскую дифрактометрию (DX2700BH, Китай).

Результаты и их обсуждение

Конусовидные пронизки. Бронзовые украшения размером (17–20) × (5–12) мм (рис. 4) с примесью Pb, Ni, Fe, Sb, S, Cl (рис. 5). По содержанию олова бронзы в составе исследованных пронизок можно подразделить на три разновидности (табл. 1): 1) низкооловянистую с содержанием олова до 10 мас. % – $\text{Cu}_{0,87-0,9\%}\text{Sn}_{0,02-0,05}\text{Ni}_{0-0,01}\text{Pb}_{0-0,02}\text{Sb}_{0-0,04}\text{S}_{0-0,02}$; 2)

Рис. 4. Внешний вид бронзовых конусовидных пронизок.
Fig. 4. Appearance of bronze cone-shaped thread decorations.

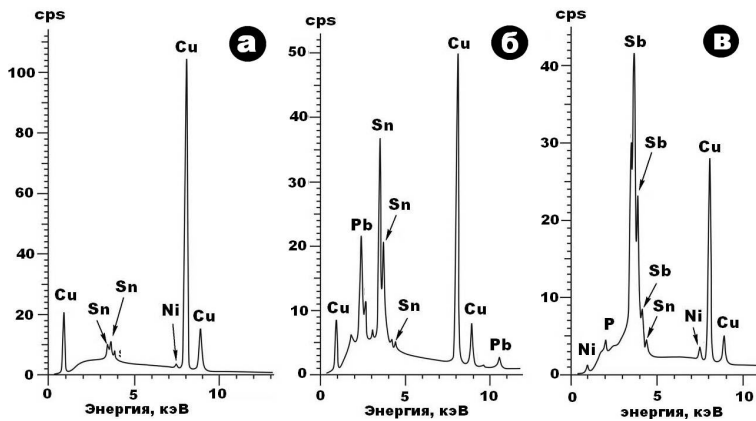

Рис. 5. ЭД-спектры конусовидных пронизок: а – бронза низкооловянистая; б – бронза высокооловянистая; в – медно-сурьмяные микровключения в бронзе.

Fig. 5. ED spectra of cone-shaped thread decorations: a – low-tin bronze; б – high-tin bronze; в – copper-antimony microinclusions in bronze.

умереннооловянистую с содержанием до 20 мас. % – $\text{Cu}_{0.76-0.93}\text{Sn}_{0.07-0.09}\text{Pb}_{0-0.04}\text{Ni}_{0-0.02}\text{Sb}_{0-0.15}\text{Cl}_{0-0.15}$; 3) высокооловянистую с содержанием олова более 20 мас. % – $\text{Cu}_{0.54-0.76}\text{Sn}_{0.15-0.36}\text{Pb}_{0-0.07}\text{Fe}_{0-0.03}\text{Sb}_{0-0.01}\text{S}_{0-0.24}\text{Cl}_{0-0.01}$. Изредка в бронзовой массе выявляют микрофрагменты сернисто-медного состава – $\text{Cu}_{0.74-0.92}\text{S}_{0.08-0.26}$. Расчеты показали, что примеси в составе бронз по-разному коррелируют с основными компонентами: сера прямо коррелирует с медью, а свинец, железо и сурьма – с оловом. Частота встречаемости металлов в составе пронизок, %: медь – 5,3; бронза низкооловянистая – 31,6; бронза умереннооловянистая – 7,9; бронза высокооловянистая – 55,2. Отсюда пропорции между выявленными разновидностями бронз составляют 4 : 1 : 7. Таким образом, в исследованных пронизках преобладает высокооловянистая разновидность бронзы.

На поверхности пронизок выявлены несплошные микропленки сложного состава, но с преобладанием окисленных компонентов первичных металлических сплавов – CuO , SnO_2 (табл. 2). В качестве существенных примесей к этим компонентам выступают заимствования из окружающей среды (в последовательности снижения содержания) – SiO_2 , Al_2O_3 , PbO , Sb_2O_3 , P_2O_5 , SO_3 , Fe_2O_3 , MnO , As_2O_5 , NiO . Средние отношения молекулярных количеств основных компонентов в этих корках: $\text{CuO} : \text{SnO}_2 : \text{SiO}_2 : \text{Al}_2\text{O}_3 : \text{Sb}_2\text{O}_3 : \text{PbO} = 27 : 18 : 37 : 10 : 2.5 : 1$. То есть в рассматриваемом случае мы имеем дело с микрокорками преимущественно глиноземисто-оксимедно-оксиоловянно-кремнеземистого состава.

Под СЭМ в исследованных пронизках выявляется множество включений размером от 5×2 до 2500×1500 мкм, варьирующих по составу от медно-свинцовых – $\text{Pb}_{0.75-0.78}\text{Cu}_{0.22-0.24}\text{Sn}_{0-0.01}$ до висмут-олово-свинцовых – $\text{Pb}_{0.7}\text{Sn}_{0.28}\text{Bi}_{0.02}$, медно-сернисто-свинцовых – $\text{Pb}_{0.51-0.55}\text{Cu}_{0.03-0.06}\text{S}_{0.4-0.42}$ (в стехиометрии Me_3S_4) и медно-сурьмяных – $\text{Sb}_{0.88}\text{Cu}_{0.11}\text{S}_{0.01}$ (рис. 6; табл. 3).

Обнаружение в исследованных пронизках широко варьирующихся по составу бронз делает необходимым определения их положения в рамках современной номенклатуры аналогичных сплавов. На соответствующей двухкомпонентной фазовой диаграмме (рис. 7) выявленные в пронизках медь и медно-оловянные сплавы следующим образом соответствуют аллотропным формам в системе Cu-Zn : 1) медь с примесью Sn и Sb – α -фаза во всем интервале температур 100–1000 °C; 2) бронза низкооловянистая – $(\alpha+\epsilon)$ -фаза до температуры 300 °C и α -фаза в интервале 300–800 °C; 3) бронза умереннооловянистая – $(\alpha+\epsilon)$ -фаза до температуры 380 °C, смесь фаз α и $(\alpha+\epsilon)$ в диапазоне 380–528 °C и смесь фаз α и $(\alpha+\beta)$ в диапазоне 586–800 °C; 4) бронза высокооловянистая – смесь фаз $(\alpha+\epsilon)$ и ϵ в диапазоне 100–300 °C, смесь фаз δ , $(\delta+\epsilon)$, ϵ и $(\gamma+\epsilon)$ в диапазоне 350–640 °C.

Грушевидные бубенчики. Бронзовые украшения размером $(20-28) \times (11-17)$ мм (рис. 8) с примесью Zn, Pb, Fe, Sb, S, Cl (рис. 9). По содержанию олова бронзы подразделяются на две разновидности (табл. 4): резко преобладающую (частота встречаемости – 95 %) низкооловянистую – $\text{Cu}_{0.91-0.96}\text{Sn}_{0.02-0.03}\text{Ni}_{0-0.01}\text{Zn}_{0-0.05}\text{Pb}_{0-0.01}\text{Fe}_{0-0.01}\text{Sb}_{0-0.02}$ и встречающуюся спорадически (5 %) высокооловянистую – $\text{Cu}_{0.64}\text{Sn}_{0.26}\text{Pb}_{0.07}\text{S}_{0.02}\text{Cl}_{0.01}$. На поверхности бубенчиков выявлены несплошные микропленки глиноземисто-кремнеземисто-оксиоловянно-оксимедного состава (табл. 5). Средние отношения молекулярных количеств основных компонентов в них: $\text{CuO} : \text{SnO}_2 : \text{SiO}_2 : \text{Al}_2\text{O}_3 : \text{PbO} : \text{Sb}_2\text{O}_3 = 30 : 8 : 3 : 2 : 1 : 1$.

Под СЭМ в бронзе выявляется множество включений, весьма широко варьирующихся по размеру от 5×2 до 1000×500 мкм (рис. 10, 11). По составу включения подразделяются на медно-свинцовые – $\text{Pb}_{0.71-0.91}\text{Cu}_{0.09-0.29}$, серебряно-медно-свинцовые – $\text{Pb}_{0.68-0.88}\text{Cu}_{0.09-0.12}\text{Ag}_{0.03-0.06}\text{S}_{0-0.14}$, олово-медно-свинцовые – $\text{Pb}_{0.48-0.66}\text{Cu}_{0.33-0.46}\text{Sn}_{0.01-0.11}$, олово-висмут-медно-свинцовые – $\text{Pb}_{0.52}\text{Cu}_{0.45}\text{Sn}_{0.02}\text{Bi}_{0.11}$.

Шаровидный бубенчик с ушком. Фрагмент бронзового украшения размером 16×14 мм, украшенного на поверхности шариками диаметром около 500 мкм (рис. 12, а). Бронзы по составу (рис. 13) подразделяются на преобладающую умереннооловянистую (частота встречаемости 75 %) – $\text{Cu}_{0.91-0.94}\text{Sn}_{0.06-0.08}\text{Pb}_{0-0.01}\text{S}_{0-0.01}$ и низкооловянистую (25 %) – $\text{Cu}_{0.93}\text{Sn}_{0.03}\text{Pb}_{0.02}$ (табл. 6). Под СЭМ (рис. 12, б) в бронзовой основной массе бубенчика наблюдаются ред-

Химический состав (мас. %) и эмпирические формулы металлических фаз в конусовидных пронизках

Таблица 1

Chemical composition (wt. %) and empirical formulas of metal phases in cone-shaped thread decorations

Table 1

№ п/п	Cu	Sn	Pb	Ni	Fe	S	Sb	Cl	Формулы
1	95.99	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	4.01	н. о.	н. о.	$Cu_{0.92}S_{0.08}$
2	84.65	0.91	«	«	«	14.44	«	«	$Cu_{0.74}S_{0.26}$
Среднее	90.32	0.45	н. о.	н. о.	н. о.	9.23	н. о.	н. о.	$Cu_{0.74-0.92}S_{0.08-0.26}$
СКО	8.02	0.64				7.37			
3	87.5	5.97	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	6.53	н. о.	$Cu_{0.93}Sn_{0.03}Sb_{0.04}$
4	93.3	3.16	«	0.96	«	«	2.55	«	$Cu_{0.96}Sn_{0.02}Ni_{0.01}Sb_{0.01}$
5	90.56	4.35	«	0.69	«	«	4.4	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.02}Ni_{0.01}Sb_{0.02}$
6	90.08	9.92	«	н. о.	«	«	н. о.	«	$Cu_{0.94}Sn_{0.06}$
7	91.27	8.73	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.05}$
8	91.28	8.72	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.05}$
9	90.78	9.22	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.05}$
10	86.19	8.2	5.61	«	«	«	«	«	$Cu_{0.93}Sn_{0.05}Pb_{0.02}$
11	88.14	5.35	1.3	н. о.	«	5.21	н. о.	«	$Cu_{0.87}Sn_{0.03}S_{0.1}$
12	93.56	2.92	н. о.	0.76	«	н. о.	2.76	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.02}Ni_{0.01}Sb_{0.02}$
13	92.39	3.43	«	0.87	«	«	3.31	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.02}Ni_{0.01}S_{0.02}$
14	94.05	2.79	«	1.02	«	«	2.14	«	$Cu_{0.96}Sn_{0.02}Ni_{0.01}Sb_{0.01}$
Среднее	90.76	6.06	0.58	0.36	н. о.	0.43	1.81	н. о.	$Cu_{0.87-0.96}Sn_{0.02-0.05}Ni_{0-0.01}Pb_{0-0.02}S_{0-0.04}Cl_{0-0.05}$
СКО	2.47	2.75	1.63	0.45		1.5	2.18		
15	70.92	14.95	12.28	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	1.85	$Cu_{0.82}Sn_{0.09}Pb_{0.04}Cl_{0.05}$
16	87.45	12.55	н. о.	«	«	«	«	н. о.	$Cu_{0.93}Sn_{0.07}$
17	63.98	10.75	«	1.44	«	«	23.83	«	$Cu_{0.76}Sn_{0.07}Ni_{0.02}Sb_{0.15}$
Среднее	74.11	12.11	4.09	0.48	н. о.	н. о.	7.94	0.62	$Cu_{0.76-0.93}Sn_{0.07-0.09}Pb_{0-0.04}Ni_{0-0.02}S_{0-0.15}Cl_{0-0.15}$
СКО	12.06	2.11	7.09	0.83			13.36	1.07	
18	53.5	28.11	16.77	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	1.62	$Cu_{0.57}Sn_{0.21}Pb_{0.07}Cl_{0.03}$
19	46.88	41.31	10.39	«	«	0.46	«	0.96	$Cu_{0.63}Sn_{0.29}Pb_{0.04}S_{0.01}Cl_{0.05}$
20	57.58	27.77	н. о.	1.15	«	«	13.51	н. о.	$Cu_{0.71}Sn_{0.18}Ni_{0.02}Sb_{0.09}$
21	58.08	26.22	«	1.37	«	«	14.33	«	$Cu_{0.72}Sn_{0.17}Ni_{0.02}Sb_{0.09}$
22	58.62	23.89	«	1.32	«	«	16.17	«	$Cu_{0.72}Sn_{0.16}Ni_{0.02}Sb_{0.1}$
23	58.24	23.65	«	1.47	«	«	16.64	«	$Cu_{0.72}Sn_{0.16}Ni_{0.02}Sb_{0.1}$
24	58.49	23.58	«	1.72	«	«	16.21	«	$Cu_{0.72}Sn_{0.15}Ni_{0.02}Sb_{0.11}$
25	57.88	25.44	0.92	1.22	«	«	14.59	«	$Cu_{0.72}Sn_{0.17}Ni_{0.02}Sb_{0.09}$
26	58.75	23.93	н. о.	1.36	«	«	15.96	«	$Cu_{0.721}Sn_{0.16}Ni_{0.02}Sb_{0.09}$
27	58.73	25.58	«	1.34	«	«	14.35	«	$Cu_{0.72}Sn_{0.17}Ni_{0.02}Sb_{0.09}$
28	58.99	41.01	«	н. о.	«	«	н. о.	«	$Cu_{0.73}Sn_{0.27}$
29	56.08	38.51	«	«	«	«	5.41	«	$Cu_{0.71}Sn_{0.26}Sb_{0.03}$
30	60.15	39.44	«	0.41	«	«	н. о.	«	$Cu_{0.74}Sn_{0.25}Ni_{0.01}$
31	56.1	41.98	«	0.48	«	«	1.44	«	$Cu_{0.7}Sn_{0.28}Ni_{0.01}Sb_{0.01}$
32	46.52	50.99	1.66	н. о.	0.83	«	н. о.	«	$Cu_{0.62}Sn_{0.36}Pb_{0.01}Fe_{0.01}$
33	62.83	36.33	0.84	«	н. о.	«	«	«	$Cu_{0.76}Sn_{0.23}Pb_{0.01}$
34	63.37	36.63	н. о.	«	«	«	«	«	$Cu_{0.76}Sn_{0.24}Sb_{0.1}$
35	60.75	39.25	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.74}Sn_{0.26}$
36	57.71	38.8	«	3.03	0.46	«	«	«	$Cu_{0.72}Sn_{0.26}Pb_{0.01}S_{0.1}$
37	46.5	35.53	1.1	н. о.	н. о.	«	16.87	«	$Cu_{0.55}Sn_{0.22}Ni_{0.01}Sb_{0.22}$
38	39.34	26.05	1.92	«	«	«	32.69	«	$Cu_{0.54}Sn_{0.19}Ni_{0.03}Sb_{0.24}$
Среднее	55.96	33.05	1.6	0.71	0.06	0.02	8.48	0.12	$Cu_{0.54-0.76}Sn_{0.15-0.36}Pb_{0-0.07}Ni_{0-0.03}Fe_{0-0.01}S_{0-0.1}Cl_{0-0.05}$
СКО	6.1	8.1	4.5	0.84	0.2	0.1	9.32	0.4	

Примечание. 1-2 - медь; 3-14 - бронза низкооловянистая; 15-17 - бронза умереннооловянистая; 18-38 - бронза высокооловянистая. Здесь и далее: "«"; н.о.; не обн. - не обнаружено.
Note. 1-2 - copper; 3-14 - low-tin bronze; 15-17 - moderate-tin bronze; 18-38 - high-tin bronze. Hereinafter: "«"; н.о.; не обн. - not determined.

кие олово-медно-свинцовые включения размером до 50 мкм - $Pb_{0.69-0.73}Cu_{0.21-0.22}Sn_{0.02-0.04}S_{0.04-0.05}$ (табл. 6). Корка окисления на поверхности бубенчика - неплотная, безоло-

копробным (916-1000 %) серебром (рис. 19, табл. 10) состава $Ag_{0.81-1}Cu_{0-0.04}S_{0-0.02}Cl_{0-0.12}$. На некоторых участках наблюдаются локальные примазки с типичным для припоя составом

вянная (табл. 7). Средние отношения молекулярных количеств основных компонентов в ней составляют: $SiO_2 : CuO : SO_3 : Al_2O_3 = 5 : 4 : 1.2 : 1$. То есть эта корка по преимущественному составу является глиноземисто-сульфатно-оксимедно-кремнеземистой.

Спиралевидная пронизка. Фрагмент бронзового украшения размером 91 × 36 мм (рис. 14, 15). Бронзы - относительно мало примесные (Pb, Sb), по составу подразделяются на преобладающую высокооловянистую (частота встречаемости 90 %) - $Cu_{0.62-0.84}Sn_{0.14-0.36}Pb_{0-0.03}Sb_{0-0.02}$, и умереннооловянистую (10 %) - $Cu_{0.93}Sn_{0.07}$ (табл. 8). Микровключения в бронзе и микрокорки на поверхности не обнаружены.

Цепочка. Бронзовое украшение, состоящее из колец диаметром 8 мм с весьма сложным микростроением, обусловленным системой шаровых и спиралевидных элементов (рис. 16). Бронзы в составе колец цепочки (рис. 17; табл. 9) - Zn-содержащие, подразделяются на преобладающую низкооловянистую (встречаемость 42 %) - $Cu_{0.9-0.94}Sn_{0.04}Zn_{0.01-0.02}(Ni,S)_{0-0.01}$, умереннооловянистую (29 %) - $Cu_{0.89-0.9}Sn_{0.06}Zn_{0.02}Pb_{0.02-0.03}$, и высокооловянистую (29 %) - $Cu_{0.58-0.78}Sn_{0.16-0.35}Zn_{0.01-0.02}Pb_{0-0.02}Fe_{0-0.02}S_{0.02-0.04}Cl_{0-0.01}$. В бронзовой массе обнаружены редкие свинцово-медные микровключения размером от 2 × 1 до 20 × 5 мкм - $Cu_{0.49-0.61}Pb_{0.33-0.47}Sn_{0-0.02}Zn_{0-0.01}Ni_{0-0.01}S_{0-0.02}$. На поверхности колец зарегистрирована микрокорка окисления (мас. %): $SiO_2 = 21.28$; $TiO_2 = 0.62$; $SnO_2 = 0.88$; $Al_2O_3 = 17.6$; $Fe_2O_3 = 2.51$; $CuO = 47.35$; $PbO = 1.48$; $CaO = 0.72$; $P_2O_5 = 5.59$; $SO_3 = 1.97$. Отношение молекулярных количеств основных компонентов в ней: $CuO : SiO_2 : Al_2O_3 = 3.5 : 2 : 1$. То есть в рассматриваемом случае поверхностная микрокорка имеет глиноземисто-кремнеземисто-оксимедный состав.

Серебряная бусина. благородно-метальное украшение, состоящее из соединенных пояском двух полусфер со сканью и зернью размером 20 × 15 мм (рис. 18). Основная масса в бусине сложена весьма высокооловянистой бронзой (рис. 18, табл. 9) - $Cu_{0.62-0.84}Sn_{0.14-0.36}Pb_{0-0.03}Sb_{0-0.02}$, и умереннооловянистой (рис. 18, табл. 9) - $Cu_{0.93}Sn_{0.07}$. На поверхности бусины обнаружены микровключения свинца и меди размером до 50 мкм - $Pb_{0.69-0.73}Cu_{0.21-0.22}Sn_{0.02-0.04}S_{0.04-0.05}$ (табл. 6). Корка окисления на поверхности бусины - неплотная, безоло-

Химический состав микрокорок окисления на поверхности конусовидных пронизок, мас. %

Chemical composition of oxidation microcrusts on the surface of cone-shaped thread decorations, wt. %

№ п/п	CuO	PbO	SnO ₂	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	NiO	MgO	K ₂ O	P ₂ O ₅	SO ₃	As ₂ O ₃	Sb ₂ O ₃
1	79.9	н. о.	16.55	0.52	2.68	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	1.63	н. о.	1.29	6.43
2	80.58	«	н. о.	1.82	4.46	«	«	«	«	6.24	3.5	1.34	н. о.
3	41.03	«	«	4.20	35.97	4.04	«	«	«	14.75	н. о.	н. о.	«
4	7.06	2.17	«	79.01	4.88	н. о.	«	«	0.36	2.36	0.81	«	«
5	4.05	3.33	«	61.1	20.56	0.47	«	«	10.49	н. о.	н. о.	«	«
6	27.53	2.82	56.9	1.38	н. о.	н. о.	«	1.46	н. о.	«	«	«	9.91
7	28.25	1.87	56.91	1.81	«	«	«	1.46	«	«	«	«	9.7
8	29.24	2.47	52.45	2.0	«	«	«	1.71	«	«	«	«	12.13
9	72.39	1.26	5.25	1.18	«	0.52	1.86	3.88	«	5.97	1.06	«	6.63
10	80.06	н. о.	1.81	0.75	«	0.63	н. о.	н. о.	«	1.78	10.71	«	4.26
Среднее	45.01	1.55	18.99	15.38	6.86	0.57	0.19	0.85	1.21	3.27	3.27	0.26	4.91
СКО	30.0	1.29	25.66	29.14	12.01	1.25	0.59	1.29	3.48	4.67	4.67	0.55	4.74

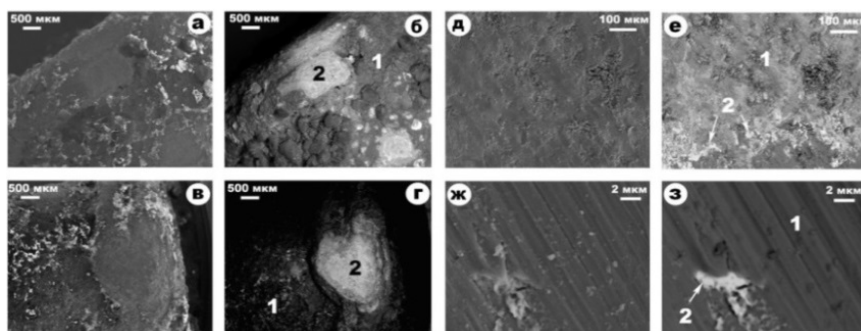

Рис. 6. Внутреннее строение конусовидных пронизок: 1 – бронзы; 2 – медно-сернисто-свинцовые включения. СЭМ-изображения в режимах вторичных (а, в, д, ж) и упруго-отраженных (б, г, е, з) электронов.

Fig. 6. Internal structure of cone-shaped thread decorations: 1 – bronze; 2 – copper-sulfur-lead inclusions. SEM images in the modes of secondary (a, b, d, z) and elastically reflected (b, g, e, z) electrons.

$Ag_{0.28-0.48}Sn_{0.16-0.51}Cu_{0.02-0.06}S_{0.09-0.13}Cl_{0.04-0.2}$
 Последнее отражает довольно сложную технологию изготовления предмета. На поверхности бусины развивается микрокорка гидрокси-сульфат-хлоридных продуктов вторичных изменений – $(Ag_{0.99-1}Fe_{0-0.01})[SO_4]_{0.13-0.29}Cl_{0.34-0.61}(OH)_{0.05-0.34}$

Прямоугольная серебряная подвеска-иконка. Состоит из двух фрагментарно сохранившихся спаянных пластин (лицевой и обратной) размером 40–35 мм с литыми жгутиками по контуру диаметром 3.5–4 мм (рис. 20). На поверхности лицевой пластины наблюдается фрагмент нечитаемого изображения. Под СЭМ эта пластина характеризуется сочетанием плотных блоков, сцементированных однородной металлической массой с

Таблица 3
 Химический состав (мас. %) и эмпирические формулы микровключений в бронзе конусовидных пронизок
 Table 3

Chemical composition (wt. %) and empirical formulas of microinclusions in bronze of cone-shaped thread decorations

№ п/п	Pb	Cu	Sn	Bi	S	Sb	Формулы
1	92.11	7.89	«	«	«	«	$Pb_{0.78}Cu_{0.22}$
2	90.59	8.77	0.64	н. о.	«	«	$Pb_{0.75}Cu_{0.24}Sn_{0.01}$
3	87.1	10.93	«	1.97	н. о.	«	$Pb_{0.7}Sn_{0.28}Bi_{0.02}$
4	85.2	4.06	н. о.	н. о.	10.74	н. о.	$Pb_{0.51}Cu_{0.08}S_{0.41}$
5	87.0	2.76	«	«	10.24	«	$Pb_{0.54}Cu_{0.06}S_{0.4}$
6	88.3	1.49	н. о.	«	10.21	«	$Pb_{0.55}Cu_{0.03}S_{0.42}$
7	н. о.	6.0	«	0.46	«	93.34	$Sb_{0.88}Cu_{0.11}S_{0.01}$

Рис. 8. Внешний вид бронзовых грушевидных бубенчиков.
 Fig. 8. Appearance of bronze pear-shaped bells.

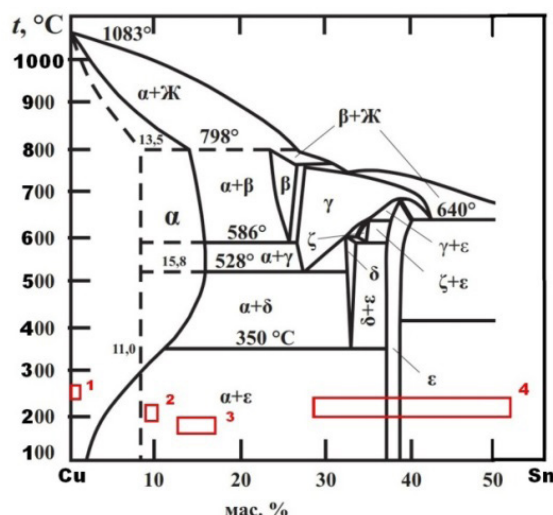

Рис. 7. Фазовая диаграмма системы сплавов Cu-Sn по [11]. Красными рамками показаны диапазоны варьирования в конусовидных пронизках составов меди (1) и разновидностей бронзы соответственно низкооловянистой (2), умереннооловянистой (3) и высокооловянистой (4).

Fig. 7. Phase diagram of the Cu-Sn alloy system according to [11]. The red frames show the ranges of variation of the compositions of copper (1) and varieties of bronze, low-tin (2), moderate-tin (3) and high-tin (4) in the cone-shaped thread decorations.

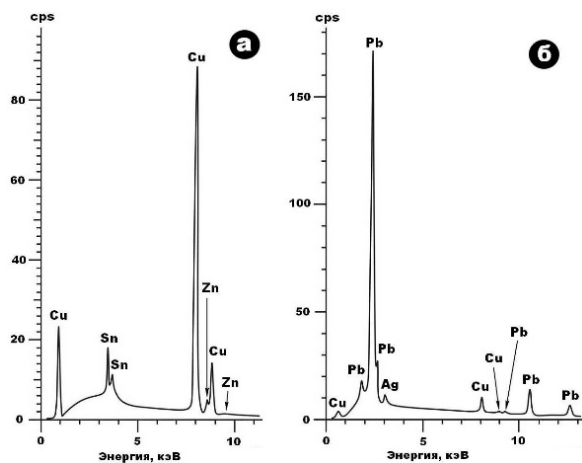

Рис. 9. ЭД-спектры грушевидных бубенчиков: а – бронза низкооловянистая, б – медно-свинцовые микровключения в бронзе.
 Fig. 9. ED spectra of pear-shaped bells: а – low-tin bronze, б – copper-lead microinclusions in bronze.

более тонкозернистой структурой (рис. 21). По составу (рис. 22, табл. 11) она почти нацело серебряная (проба 970–1000 %) – $Ag_{0.97-1}Cu_{0-0.03}S_{0-0.01}$ на поверхности имеется микрокорка серебряно-хлораргиритового состава – $(Ag_{0.93-0.98}Cu_{0-0.02}Fe_{0-0.02}S_{0-0.07}) + (0.08-0.83)AgCl$. В составе жгутиков присутствует незначительная примесь олова – $Ag_{0.76-0.97}Sn_{0.01-0.16}Cu_{0.02-0.08}Fe_{0-0.01}$. Пластина на обратной стороне иконки по составу существенно отличается от лицевой, характеризуясь промежуточным серебряно-оловянным составом – $Sn_{0.24-0.79}Ag_{0.09-0.54}Cu_{0-0.31}Fe_{0-0.04}Ni_{0-0.01}S_{0-0.12}Cl_{0-0.02}$.

Заключение

С использованием современных минералого-геохимических методов исследованы бронзовые и серебряные украшения из погребения № 115 Кокпомьягского могильника. Установлено, что бронзы в украшениях широко варьируют по пропорции между медью и оловом. В настоящее

время существует множество номенклатур таких бронз, лучшей из которых представляется номенклатура Дж. Ридерера [11]. Нами на основе полученных данных и с учетом результатов ранее проведенных исследований продуктов бронзолитейного производства вычегодских пермян [2] все множество исследованных медно-оловянных сплавов подразделено на четыре типа: 1 – медь; 2 – бронзы низко- (с содержанием Sn до 10 мас. %), умеренно- (10–20 мас. %) и высокооловянистые (более 20 мас.); 3 – медно-оловянные сплавы с преобладанием олова; 4 – олово. В исследованных предметах в рамках указанной номенклатуры диагностированы медь и все три разновидности бронзы (табл. 12), получившие в предметах из погребения № 115 разное распространение. Грушевидные бубенчики и цепочка изготовлены из низкооловянистой бронзы, шаровидный бубенчик и спиралевидная пронизка – умереннооловянистой бронзы, конусовидные пронизки – высокооловянистой бронзы.

В составе исследованных бронзовых изделий выявлена широкая ассоциация элементов примесей – Pb, Ni, Fe, Zn, S, Sb, Cl, содержания которых лежат в пределах, типичных

Таблица 4
 Химический состав (мас. %) и эмпирические формулы фаз в грушевидных бубенчиках
 Table 4
 Chemical composition (wt.%) and empirical formulas of phases in pear-shaped bells

№ п/п	Cu	Sn	Zn	Pb	Ag	Fe	Bi	Sb	S	Cl	Формулы
1	90.23	5.81	3.96	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	$Cu_{0.93}Sn_{0.03}Zn_{0.04}$
2	90.5	4.92	4.52	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.93}Sn_{0.03}Zn_{0.04}$
3	91.22	4.53	4.25	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.93}Sn_{0.02}Zn_{0.05}$
4	87.15	9.35	3.5	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.91}Sn_{0.05}Zn_{0.04}$
5	87.1	9.5	3.4	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.91}Sn_{0.05}Zn_{0.04}$
6	91.33	2.89	5.76	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.93}Sn_{0.02}Zn_{0.05}$
7	92.69	7.31	н. о.	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.96}Sn_{0.04}$
8	89.93	10.07	«	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.94}Sn_{0.06}$
9	90.86	9.14	«	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.05}$
10	90.72	9.28	«	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.05}$
11	91.86	8.14	«	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.05}$
12	93.25	6.75	«	«	«	«	«	«	«	«	$Cu_{0.96}Sn_{0.04}$
13	93.76	5.08	«	н. о.	«	0.32	«	0.84	«	«	$Cu_{0.96}Sn_{0.03}(Fe,Sb)_{0.01}$
14	92.92	5.3	«	0.76	«	н. о.	«	1.02	«	«	$Cu_{0.96}Sn_{0.03}(Fe,Sb)_{0.01}$
15	92.81	5.76	«	н. о.	«	0.32	«	1.11	«	«	$Cu_{0.96}Sn_{0.03}(Fe,Sb)_{0.01}$
16	92.39	6.67	«	«	«	н. о.	«	0.94	«	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.04}Sb_{0.01}$
17	91.01	7.11	«	«	«	0.43	«	1.45	«	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.04}(Fe,Sb)_{0.01}$
18	88.69	6.46	«	3.68	«	н. о.	«	1.17	«	«	$Cu_{0.94}Sn_{0.04}Sb_{0.01}Pb_{0.01}$
19	93.23	5.71	«	н. о.	«	0.19	«	0.87	«	«	$Cu_{0.96}Sn_{0.03}(Sb,Pb)_{0.01}$
20	93.39	5.35	«	«	«	н. о.	«	1.26	«	«	$Cu_{0.96}Sn_{0.03}Sb_{0.01}$
21	91.31	6.18	«	1.28	«	«	«	1.23	«	«	$Cu_{0.95}Sn_{0.03}Sb_{0.01}Pb_{0.01}$
Среднее	91.25	6.73	1.21	0.25	н. о.	0.06	н. о.	0.47	н. о.	н. о.	$Cu_{0.91-0.96}Sn_{0.02-0.03}Zn_{0-0.05}$
СКО	1.9	1.91	2.01	0.86	«	0.13	«	0.57	«	«	$Pb_{0-0.01}Fe_{0-0.01}Sb_{0-0.01}$
22	47.02	36.14	н. о.	15.82	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	0.56	0.46	$Cu_{0.64}Sn_{0.26}Pb_{0.07}S_{0.02}Cl_{0.01}$
23	2.95	«	«	97.05	н. о.	«	«	«	н. о.	«	$Pb_{0.91}Cu_{0.09}$
24	5.03	«	«	94.97	«	«	«	«	«	«	$Pb_{0.84}Cu_{0.16}$
25	10.99	н. о.	«	89.01	«	«	«	«	«	«	$Pb_{0.71}Cu_{0.29}$
26	5.55	«	«	94.45	«	«	«	«	«	«	$Pb_{0.84}Cu_{0.16}$
27	2.92	«	«	95.2	1.88	«	«	«	«	«	$Pb_{0.88}Cu_{0.09}Ag_{0.03}$
28	4.89	н. о.	«	88.59	3.73	«	«	«	2.79	н. о.	$Pb_{0.68}Cu_{0.12}Ag_{0.06}S_{0.14}$
29	21.59	5.45	«	72.96	«	«	«	«	н. о.	н. о.	$Pb_{0.48}Cu_{0.46}Sn_{0.06}$
30	13.41	0.83	«	85.76	«	«	«	«	«	«	$Pb_{0.66}Cu_{0.33}Sn_{0.11}$
31	13.82	0.87	«	85.31	«	«	н. о.	«	«	«	$Pb_{0.65}Cu_{0.34}Sn_{0.01}$
32	20.16	1.21	«	76.73	«	«	1.9	«	«	«	$Pb_{0.52}Cu_{0.45}Sn_{0.02}Bi_{0.11}$

Примечание. 1–21 – низкооловянистая бронза; 22 – высокооловянистая бронза; 23–32 – микровключения в бронзе.
 Note. 1–21 – low-tin bronze; 22 – high-tin bronze, 23–32 – microinclusions in bronze.

Химический состав микрокорки окисления на поверхности грушевидного бубенчика, мас. %
 Table 5
 Chemical composition of the oxidation microcrust on the surface of the pear-shaped bell, wt. %

№ п/п	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CuO	SnO ₂	PbO	Sb ₂ O ₃	P ₂ O ₅	SO ₃
1	3.83	не обн.	1.53	49.61	32.88	3.21	5.79	2.16	0.99
2	3.02	«	1.59	49.36	36.06	3.69	4.77	0.83	0.68
3	4.74	«	1.94	54.48	29.45	4.18	3.72	1.49	не обн.
4	2.12	14.68	1.64	51.35	6.87	7.98	не обн.	13.84	1.52
Среднее	3.43	3.67	1.68	51.2	26.31	4.77	3.57	4.58	0.8
СКО	1.12	7.34	0.18	2.36	13.24	2.18	2.53	0.2	0.63

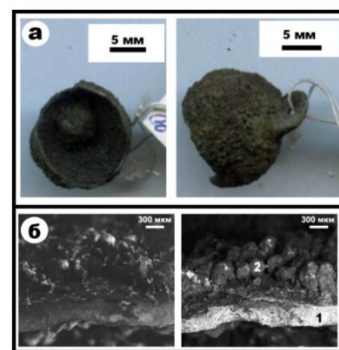

Рис. 12. Фрагмент шаровидного бубенчика: а - внешний вид; б - внутреннее строение под СЭМ. СЭМ-изображения в режимах вторичных (слева) и упруго-отраженных (справа) электронов: 1 - умереннооловянистая бронза, слагающая основную массу бубенчика; 2 - бронзовые шарики, покрытые микрокорками окисления.

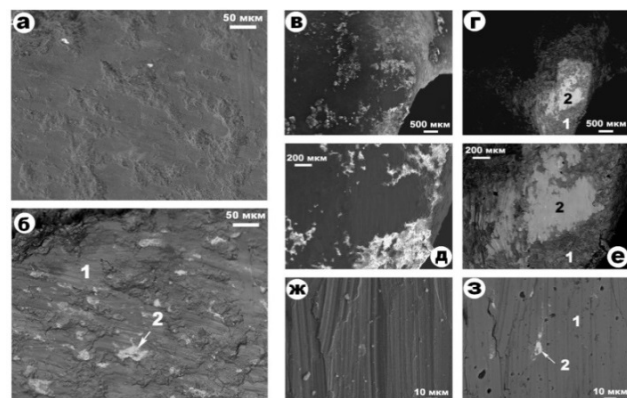

Рис. 10. Внутреннее строение грушевидных бубенчиков, сложенных только низкооловянистой бронзой. СЭМ-изображения в режимах вторичных (а, в, д, ж) и упруго-отраженных (б, г, е, з) электронов: 1 - основная бронзовая масса; 2 - включения серебро-медно-свинцовых и олово-медно-свинцовых сплавов.

Fig. 10. The internal structure of pear-shaped bells, composed only of low-tin bronze. SEM images in the modes of secondary (a, в, д, ж) and elastically reflected (б, г, е, з) electrons: 1 - main bronze mass; 2 - inclusions of silver-copper-lead and tin-copper-lead alloys.

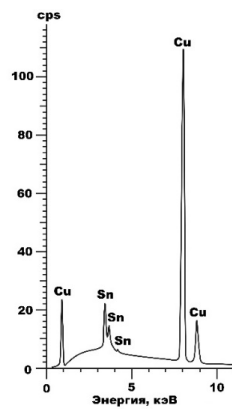

Рис. 13. ЭД-спектр бронзового шаровидного бубенчика.

Fig. 13. ED spectrum of a bronze spherical bell.

Химический состав (мас. %) и эмпирические формулы бронзы (1-4) и олово-медно-свинцовых включений (5, 6) в шаровидном бубенчике

Table 6
 Chemical composition (wt.%) and empirical formulas of bronze (1-4) and tin-copper-lead inclusions (5, 6) in the pear-shaped bell

№ п/п	Cu	Sn	Pb	S	Формулы
1	85.33	9.0	5.67	н. о.	Cu _{0.93} Sn _{0.05} Pb _{0.02}
2	89.16	10.84	не обн.	н. о.	Cu _{0.94} Sn _{0.06}
3	85.85	10.28	3.43	0.44	Cu _{0.92} Sn _{0.06} Pb _{0.01} S _{0.01}
4	84.86	13.19	1.23	н. о.	Cu _{0.91} Sn _{0.08} Pb _{0.01}
5	8.7	3.09	87.35	0.86	Pb _{0.69} Cu _{0.22} Sn _{0.04} S _{0.05}
6	7.92	1.23	90.01	0.84	Pb _{0.73} Cu _{0.21} Sn _{0.02} S _{0.04}

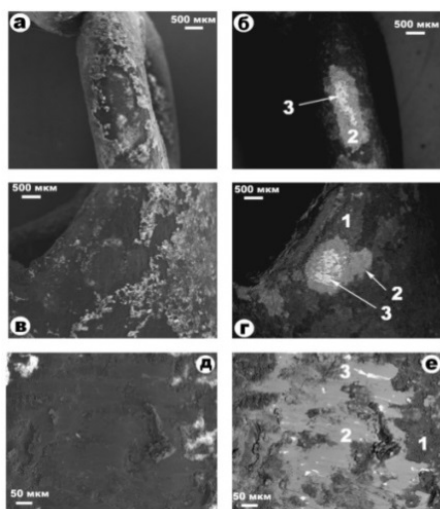

Рис. 11. Внутреннее строение грушевидных бубенчиков, сложенных разными бронзами. СЭМ-изображения в режимах вторичных (а, в, д) и упруго-отраженных (б, г, е) электронов: 1, 2 - соответственно низко- и высокооловянистые бронзы; 2 - включения олово-медно-свинцовых сплавов.

Fig. 11. Internal structure of pear-shaped bells composed of different bronzes. SEM images in the modes of secondary (a, в, д) and elastically reflected (б, г, е) electrons: 1, 2 - low- and high-tin bronzes, respectively, 2 - inclusions of tin-copper-lead alloys.

Химический состав микрокорки на поверхности шаровидного бубенчика, мас. %
 Table 7
 Chemical composition of microcrust on the surface of the pear-shaped bell, wt. %

Компоненты	1	2	3	Среднее	СКО
SiO ₂	0,89	4,72	61,55	22,39	33,97
Al ₂ O ₃	3,84	13,55	5,13	7,51	5,27
Fe ₂ O ₃	0,84	1,97	0,74	1,18	0,68
CuO	52,76	10,61	9,84	24,4	24,56
ZnO	н. о.	н. о.	1,09	0,36	0,63
PbO	1,34	«	н. о.	0,45	0,77
CaO	н. о.	8,75	0,44	3,06	4,97
BaO	«	н. о.	1,13	0,38	0,65
P ₂ O ₅	3,18	2,37	1,81	2,45	0,69
SO ₃	2,87	15,58	2,95	7,13	7,32
Сумма	65,72	57,55	84,68	69,31	13,92

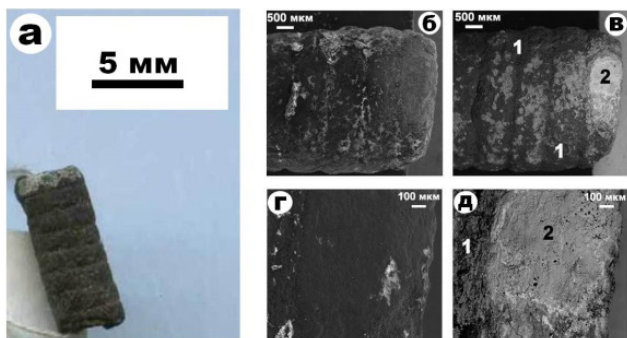

Рис. 14. Спиралевидная пронизка: а - внешний вид; б-д - внутреннее строение под СЭМ. СЭМ-изображения в режимах вторичных (б, г) и упруго-отраженных (в, д) электронов: 1, 2 - соответственно умеренно- и высокооловянистые бронзы.

Fig. 14. A spiral thread decoration: а - external view; б-д - internal structure under SEM. SEM images in the modes of secondary (б, г) and elastically reflected (в, д) electrons: 1, 2 - low- and high-tin bronzes, respectively.

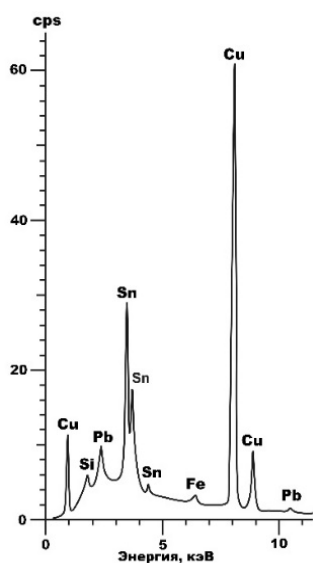

Рис. 15. ЭД-спектр спиралевидной пронизки.
Fig. 15. ED spectrum of a spiral thread decoration.

Таблица 8
Химический состав (мас. %) и эмпирические формулы умеренно- (1) и высокооловянистых (2-10) бронз в спиралевидной пронизке

Table 8
Chemical composition (wt.%) and empirical formulas of low- (1) and high-tin (2-10) bronzes in a spiral thread decoration

№ п/п	Cu	Sn	Pb	Sb	Формулы
1	88.31	11.69	не обн.	«	$Cu_{0.93}Sn_{0.07}$
2	69.96	24.45	5.59	н. о.	$Cu_{0.82}Sn_{0.15}Pb_{0.03}$
3	46.41	50.85	2.74	«	$Cu_{0.62}Sn_{0.36}Pb_{0.02}$
4	60.49	37.33	«	2.18	$Cu_{0.74}Sn_{0.24}Sb_{0.02}$
5	58.74	38.8	0.71	1.75	$Cu_{0.73}Sn_{0.26}(Pb,Sb)_{0.01}$
6	69.74	26.06	4.2	н. о.	$Cu_{0.82}Sn_{0.16}Pb_{0.02}$
7	69.5	25.67	4.83	«	$Cu_{0.82}Sn_{0.16}Pb_{0.02}$
8	72.01	23.33	4.66	«	$Cu_{0.84}Sn_{0.14}Pb_{0.02}$
9	72.31	24.83	2.86	«	$Cu_{0.84}Sn_{0.15}Pb_{0.01}$
10	59.06	34.58	6.36	«	$Cu_{0.74}Sn_{0.23}Pb_{0.03}$

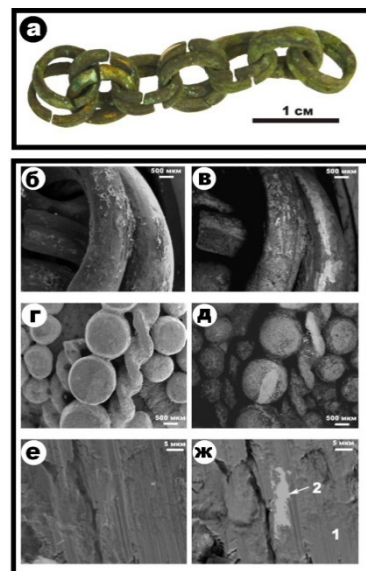

Рис. 16. Бронзовая цепочка: а - внешний вид; б-ж - микростроение под СЭМ. СЭМ-изображения в режимах вторичных (б, г, е) и упруго-отраженных (в, д, ж) электронов: 1 - бронза; 2 - свинцово-медные включения.

Fig. 16. A bronze chain: а - appearance; б-ж - microstructure under SEM. SEM images in the modes of secondary (б, г, е) and elastically reflected (в, д, ж) electrons: 1 - bronze, 2 - lead-copper inclusions.

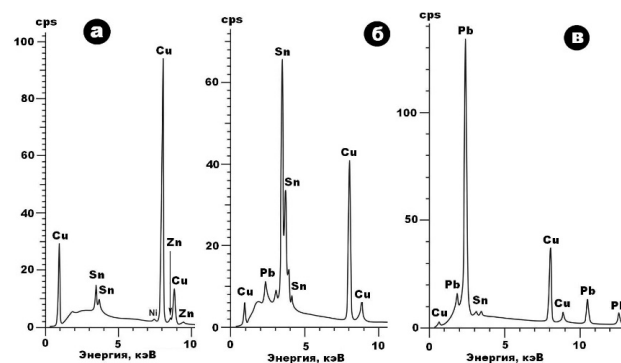

Рис. 17. ЭД-спектры низко- (а) и высокооловянистой (б) бронз и свинцово-медленных включений (в).
Fig. 17. ED spectra of low-tin (а) and high-tin (б) bronzes and lead-slow inclusions (в).

именно для бронз эпохи средневековья. Ассортимент этих примесей указывает на то, что местные бронзолитейщики использовали не только производственный лом и привозные слитки цветных и благородных металлов, но и не исключено, что и природное минеральное сырье, вероятно, с территорий Северного, Среднего и Южного Урала. При этом обращает на себя внимание отсутствие в составе изученных предметов настоящих цинкистых бронз, характерных для прибалтийской металлургической провинции. Почти во всех случаях в бронзовых матрицах выявлены микровключения полиметалльных сплавов на основе свинца или свинца-меди. Появление таких включений мы объясняем распадом первичных металлургических твердых растворов при охлаждении. На поверхности бронзовых предметов присутствуют микрокорки, варьирующиеся по составу от глиноземисто-кремнеземисто-оксимедных до глиноземисто-оксимедно-оксиоловянно-кремнеземистых. Образование таких корок можно связать с завершающим этапом плавок, когда в условиях остывания на поверхности образующихся бронзовых предметов мог отлагаться материал тиглей.

Сопоставление исследованных бронз с соответствующей фазовой диаграммой Cu-Sn показывает, что в рассма-

Таблица 9
Химический состав (мас. %) и эмпирические формулы цинксодержащих низко- (1–5), умеренно- (6, 7) и высокооловянистых (8, 9) бронз, олово-свинцово-медных микровключений (10, 11) в цепочке

Table 9
Chemical composition (wt.%) and empirical formulas of zinc-containing low- (1–5), moderate- (6, 7) and high-tin (8, 9) bronzes, tin-lead-copper microinclusions (10, 11) in the chain

№ п/п	Cu	Sn	Zn	Ni	Pb	Fe	S	Cl	Формулы
1	90.96	7.11	1.5	0.43	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	$Cu_{0.94}Sn_{0.04}Zn_{0.01}Ni_{0.01}$
2	90.63	7.3	1.55	0.52	«	«	«	«	$Cu_{0.94}Sn_{0.04}Zn_{0.01}Ni_{0.01}$
3	90.42	7.27	1.59	0.45	«	«	0.27	«	$Cu_{0.93}Sn_{0.04}Zn_{0.02}(Ni,S)_{0.01}$
4	89.67	7.73	1.93	0.67	«	«	н. о.	«	$Cu_{0.93}Sn_{0.04}Zn_{0.02}Ni_{0.01}$
5	91.08	7.48	1.44	н. о.	«	«	«	«	$Cu_{0.94}Sn_{0.04}Zn_{0.02}$
Среднее	90.55	7.38	1.6	0.41	0	0	0.05	0	$Cu_{0.93-0.94}Sn_{0.04}Zn_{0.01-0.02}(Ni,S)_{0-0.01}$
СКО	0.56	0.24	0.19	0.25			0.12		
6	83.08	10.12	1.93	н. о.	4.87	н. о.	н. о.	н. о.	$Cu_{0.9}Sn_{0.06}Zn_{0.02}Pb_{0.02}$
7	85.1	10.07	2.01	2.82	н. о.	«	«	«	$Cu_{0.89}Sn_{0.06}Zn_{0.02}Ni_{0.03}$
Среднее	84.09	10.1	1.97	1.41	2.44	0	0	9	$Cu_{0.89-0.9}Sn_{0.06}Zn_{0.02}Pb_{0.02-0.03}$
СКО	1.43	0.04	0.06	1.99	3.44				
8	43.88	50.07	0.87	н. о.	3.69	0.38	0.66	0.45	$Cu_{0.58}Sn_{0.35}Zn_{0.01}Pb_{0.02}Fe_{0.01}S_{0.02}Cl_{0.01}$
9	69.0	27.15	2.81	«	н. о.	н. о.	1.64	н. о.	$Cu_{0.78}Sn_{0.16}Zn_{0.02}S_{0.04}$
Среднее	56.44	38.61	1.84	0	1.85	0.19	1.15	0.23	$Cu_{0.58-0.78}Sn_{0.16-0.35}Zn_{0.01-0.02}Pb_{0-0.02}Fe_{0-0.02}S_{0.02-0.04}Cl_{0-0.01}$
СКО	17.76	16.21	1.37		2.61	0.27	0.69	0.32	
10	23.6	1.38	н. о.	н. о.	74.48	н. о.	0.54	н. о.	$Cu_{0.49}Pb_{0.47}Sn_{0.02}S_{0.02}$
11	34.57	1.94	0.71	0.38	61.91	«	0.49	«	$Cu_{0.61}Pb_{0.33}Sn_{0.02}Zn_{0.01}Ni_{0.01}S_{0.02}$
Среднее	29.09	1.66	0.36	0.19	68.2	0	0.52	0	$Cu_{0.49-0.61}Pb_{0.33-0.47}Sn_{0.02}Zn_{0-0.01}S_{0.02}$
СКО	7.76	0.4	0.5	0.27	8.89		0.04		

Таблица 10
Химический состав (мас. %) и эмпирические формулы серебра (1–11), медно-олово-серебряного припоя (12–14) и микрокорок вторичного изменения на поверхности серебряной бусины (15–18)

Table 10
Chemical composition (wt.%) and empirical formulas of silver (1–11), copper-tin-silver solder (12–14) and microcrusts of secondary alteration on the surface of the silver bead (15–18)

№ п/п	Ag	Cu	Sn	Fe	S	Cl	Формулы
1	97.23	1.82	не обн.	не обн.	не обн.	0.95	$Ag_{0.94}Cu_{0.03}Cl_{0.03}$
2	97.67	1.09	«	«	0.43	0.81	$Ag_{0.94}Cu_{0.01}S_{0.01}Cl_{0.03}$
3	91.65	0.59	«	2.71	0.32	4.73	$Ag_{0.81}Cu_{0.01}Fe_{0.05}S_{0.01}Cl_{0.12}$
4	99.68	не обн.	«	не обн.	0.32	не обн.	$Ag_{0.99}S_{0.01}$
5	98.55	1.45	«	«	не обн.	«	$Ag_{0.98}Cu_{0.02}$
6	98.54	1.46	«	«	«	«	$Ag_{0.97}Cu_{0.03}$
7	98.61	0.75	«	«	«	0.64	$Ag_{0.97}Cu_{0.01}Cl_{0.02}$
8	94.51	2.87	«	«	0.68	1.94	$Ag_{0.88}Cu_{0.04}S_{0.02}Cl_{0.02}$
9	97.72	1.77	«	«	не обн.	0.51	$Ag_{0.96}Cu_{0.03}Cl_{0.01}$
10	100	не обн.	«	«	«	не обн.	Ag
11	98.3	0.57	«	«	«	1.13	$Ag_{0.96}Cu_{0.01}Cl_{0.03}$
Среднее	97.5	1.12	1.12	0	0.25	0.97	$Ag_{0.88-1}Cu_{0-0.04}S_{0-0.02}Cl_{0-0.12}$
СКО	2.42	0.86	0.86		0.82	1.39	
12	61.86	1.31	22.0	2.99	3.48	8.36	$Ag_{0.46}Sn_{0.16}Cu_{0.02}Fe_{0.05}S_{0.09}Cl_{0.2}$
13	45.27	1.9	44.28	0.36	4.05	4.14	$Ag_{0.39}Sn_{0.35}Cu_{0.03}Fe_{0.01}S_{0.12}Cl_{0.11}$
14	27.97	3.9	61.82	0.5	4.19	1.62	$Ag_{0.25}Sn_{0.51}Cu_{0.06}Fe_{0.01}S_{0.13}Cl_{0.04}$
Среднее	45.03	2.37	42.7	1.28	3.91	4.71	$Ag_{0.28-0.48}Sn_{0.16-0.51}Cu_{0.02-0.06}S_{0.09-0.13}Cl_{0.04-0.2}$
СКО	16.95	1.36	19.96	1.48	0.38	3.4	
15	86.25	не обн.	не обн.	не обн.	4.11	9.64	$Ag[SO]_{4/16}Cl_{0.34}(OH)_{0.34}$
16	81.63	«	«	0.78	3.37	14.22	$(Ag_{0.99}Fe_{0.01})[SO]_{4/16}Cl_{0.53}(OH)_{0.2}$
17	80.33	«	«	0.39	3.15	16.13	$(Ag_{0.99}Fe_{0.01})[SO]_{4/16}Cl_{0.61}(OH)_{0.16}$
18	82.24	«	«	0.43	7.06	10.27	$(Ag_{0.99}Fe_{0.01})[SO]_{4/29}Cl_{0.38}(OH)_{0.05}$
Среднее	45.03	2.37	42.7	1.28	3.91	4.71	$(Ag_{0.99-1}Fe_{0-0.01})[SO]_{4/13-0.29}Cl_{0.34-0.61}(OH)_{0.05-0.34}$
СКО	16.95	1.36	19.96	1.48	0.38	3.4	

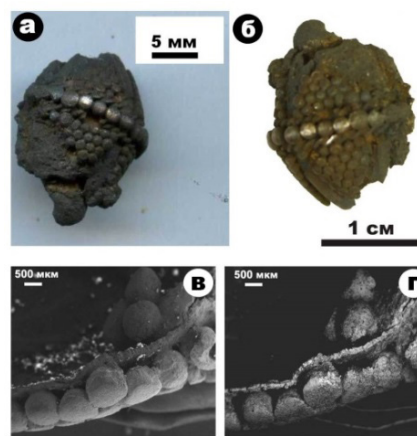

Рис. 18. Серебряная бусина: а, б - внешний вид; в, г - микростроение под СЭМ. СЭМ-изображения в режимах вторичных (в) и упруго-отраженных (г) электронов.

Fig. 18. A silver bead: a, b - appearance; v, g - microstructure under SEM. SEM images in the modes of secondary (v) and elastically reflected (r) electrons.

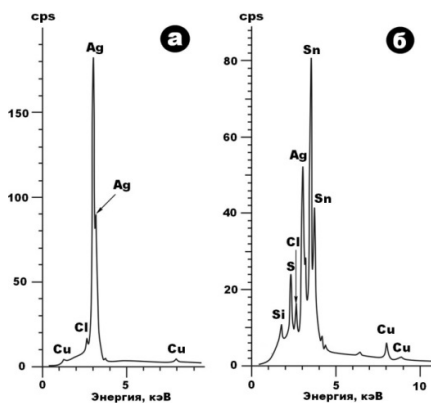

Рис. 19. ЭД-спектры серебряной бусины (а) и использованного при ее изготовлении припоя (б).
Fig. 19. ED spectra of a silver bead (a) and the solder used in its manufacture (b).

триваемый период предки коми-зырян уже владели литейными технологиями практически во всем диапазоне известных в настоящее время медно-оловянистых сплавов. Представленная в погребении серебряная бусина, судя по ее химическому составу и технологии изготовления, является привозной из Волжской Болгарии. Как отмечено выше, серебряная подвеска-иконка находит аналогии в древнем Новгороде, но отличается от новгородских по химическому составу и технологии изготовления. Припаянная с обратной стороны пластинка из олово-серебряного сплава позволяет высказать предположение, что местные ювелиры освоили опыт изготовления из сплава олова и серебра, используя привозное сырье. Косвенным подтверждением этого предположения является

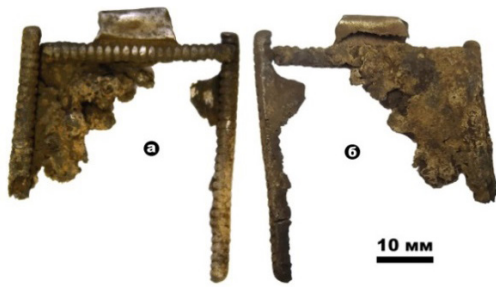

Рис. 20. Внешний вид прямоугольной серебряной подвески-иконки: а, б – соответственно лицевая и оборотная стороны.
Fig. 20. Appearance of a rectangular silver icon pendant: a, b – front and back sides, respectively.

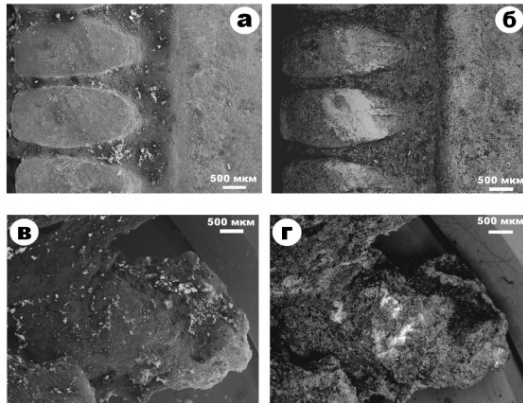

Рис. 21. Микростроение лицевой пластины на иконке: а, б – серебряные блоки; в, г – промежутки между блоками (светлое – участки зачистки продуктов вторичного изменения). СЭМ-изображения в режимах вторичных (а, в) и упруго-отраженных электронов.
Fig. 21. Microstructure of the front plate on the icon: a, б – silver blocks; в, г – spaces between blocks (light – areas of stripping of secondary alteration products). SEM images in the modes of secondary (a, в) and elastically reflected electrons.

Fig. 21. Microstructure of the front plate on the icon: a, б – silver blocks; в, г – spaces between blocks (light – areas of stripping of secondary alteration products). SEM images in the modes of secondary (a, в) and elastically reflected electrons.

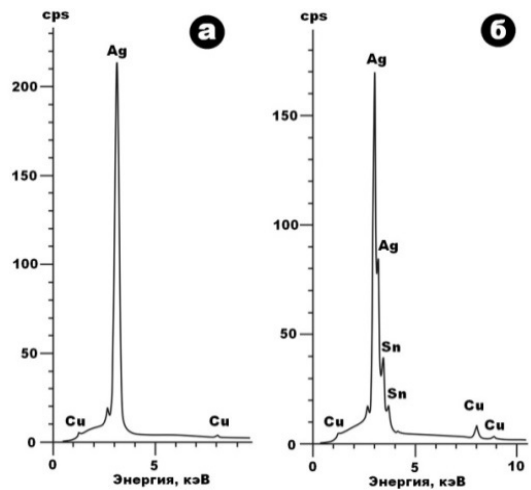

Рис. 22. ЭД-спектры лицевой пластины (а) и жгутика (б) на подвеске-иконке.
Fig. 22. ED spectra of the facial plate (a) and flagellum (б) on the icon pendant.

Fig. 22. ED spectra of the facial plate (a) and flagellum (б) on the icon pendant.

находка слитков серебра в виде шариков в погребении № 86 Кокпомьягского могильника.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Таблица 11
Химический состав (мас. %) и эмпирические формулы серебра в лицевой пластине (1–9), олово-серебряного сплава в жгутиках (10–17), серебро-оловянного сплава в задней пластине (18–27) и продуктов вторичного изменения серебра (28–30) в подвеске-иконке

Table 11
Chemical composition (wt.%) and empirical formulas of silver in the front plate (1–9), tin-silver alloy in flagella (10–17), silver-tin alloy in the back plate (18–27) and products of secondary alteration of silver (28–30) in the icon pendant

№ п/п	Ag	Cu	Sn	Ni	Fe	S	Cl	Формулы
1	99.11	0.89	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	Ag _{0.98} Cu _{0.02}
2	100	н. о.	«	«	«	«	«	Ag
3	99.31	0.69	«	«	«	«	«	Ag _{0.99} Cu _{0.01}
4	98.46	1.54	«	«	«	«	«	Ag _{0.97} Cu _{0.03}
5	97.99	1.78	«	«	«	0.23	«	Ag _{0.96} Cu _{0.03} S _{0.01}
7	100	н. о.	«	«	«	«	«	Ag
8	99.27	0.73	«	«	«	«	«	Ag _{0.99} Cu _{0.01}
9	99.02	0.98	«	«	«	«	«	Ag _{0.98} Cu _{0.01}
Среднее	99.15	0.83				0.03		Ag _{0.97-1} Cu _{0-0.03} S _{0-0.01}
СКО	0.69	0.64	0	0	0	0.08	0	
10	77.55	4.6	17.85	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	Ag _{0.76} Sn _{0.16} Cu _{0.08}
11	83.94	2.52	13.54	«	«	«	«	Ag _{0.83} Sn _{0.12} Cu _{0.05}
12	97.08	1.39	1.53	«	«	«	«	Ag _{0.97} Sn _{0.01} Cu _{0.02}
13	92.08	1.91	5.66	«	0.35	«	«	Ag _{0.91} Sn _{0.05} Cu _{0.03} Fe _{0.01}
14	77.55	4.6	17.85	«	н. о.	н. о.	«	Ag _{0.76} Sn _{0.16} Cu _{0.08}
15	83.94	2.52	13.54	«	«	«	«	Ag _{0.83} Sn _{0.12} Cu _{0.05}
16	97.08	1.39	1.53	«	«	«	«	Ag _{0.97} Sn _{0.01} Cu _{0.02}
17	92.08	1.91	5.66	«	0.35	«	«	Ag _{0.91} Sn _{0.05} Cu _{0.03} Fe _{0.01}
Среднее	87.66	2.61	9.65	0	0.09	0	0	Ag _{0.76-0.97} Sn _{0.01-0.16} Cu _{0.02-0.08} Fe _{0-0.01}
СКО	8.01	1.3	6.85		0.16			
18	8.6	1.34	85.79	н. о.	2.12	1.14	1.01	Sn _{0.79} Ag _{0.01} Cu _{0.02} Fe _{0.04} S _{0.04} Cl _{0.02}
19	17.56	0.52	79.51	«	«	2.35	н. о.	Sn _{0.73} Ag _{0.18} Cu _{0.01} S _{0.08}
20	26.27	17.62	51.41	«	0.77	3.93	«	Sn _{0.6} Ag _{0.22} Cu _{0.25} Fe _{0.01} S _{0.12}
21	27.54	22.57	43.35	0.77	0.99	3.98	0.8	Sn _{0.32} Ag _{0.22} Cu _{0.31} Fe _{0.02} Ni _{0.01} S _{0.01} Cl _{0.01}
22	58.08	13.0	28.54	н. о.	0.38	н. о.	н. о.	Sn _{0.26} Ag _{0.54} Cu _{0.21} Fe _{0.01}
23	8.6	1.34	85.79	«	2.12	1.14	1.01	Sn _{0.79} Ag _{0.01} Cu _{0.02} Fe _{0.04} S _{0.04} Cl _{0.02}
24	17.56	0.52	79.51	«	н. о.	2.35	н. о.	Sn _{0.73} Ag _{0.18} Cu _{0.01} S _{0.08}
25	26.27	17.62	51.41	«	0.77	3.93	«	Sn _{0.6} Ag _{0.22} Cu _{0.25} Fe _{0.01} S _{0.12}
26	27.54	22.57	43.35	0.77	0.99	3.98	0.8	Sn _{0.32} Ag _{0.22} Cu _{0.31} Fe _{0.02} Ni _{0.01} S _{0.01} Cl _{0.01}
27	58.08	13.0	28.54	н. о.	0.38	н. о.	н. о.	Sn _{0.26} Ag _{0.54} Cu _{0.21} Fe _{0.01}
Среднее	27.61	11.01	57.72	0.09	0.85	2.28	0.36	Sn _{0.26-0.79} Ag _{0.09-0.54} Cu _{0-0.31} Fe _{0-0.04} Ni _{0-0.01} S _{0-0.12} Cl _{0-0.02}
СКО	17.59	9.25	22.9	0.26	0.76	1.64	0.77	
28	97,68	1,01	н. о.	н. о.	н. о.	н. о.	1,31	0.92(Ag _{0.98} Cu _{0.02}) + 0.08AgCl
29	88,71	н. о.	«	«	0,55	0,45	10,29	0.48(Ag _{0.96} Fe _{0.02} S _{0.02}) + 0.52AgCl
30	80,51	«	«	«	н. о.	0,45	19,04	0.17(Ag _{0.93} S _{0.07}) + 0.83AgCl
Среднее	88.79	0.34			0.18	0.3	10.21	(0.17–0.92)(Ag _{0.93-0.98} Cu _{0-0.02} Fe _{0-0.02} S _{0-0.07}) + (0.08–0.83)AgCl
СКО	8.59	0.58	0	0	0.32	0.26	8.86	

Литература

1. Савельева, Э. А. Пермь Вычегодская / Э. А. Савельева. – Москва: Наука, 1971. – 223 с.
2. Астахова, И. С. Бронзолитейное производство вычегодских пермян (по материалам нижневычегодского

Обобщение полученных данных по составу бронзовых изделий в погребении № 115

Generalization of the data obtained on the composition of bronze items in burial No. 115

Изделия	Основная масса (частота встречаемости, %)				Элементы-примеси	Микровключения	Микрокорки на поверхности
	Медь	Бронза					
		низкооловянистая	умереннооловянистая	высокооловянистая			
Конусовидные пронизки	5.3	31.6	7.9	55.2	Pb, Ni, Fe, S, Sb, Cl	Pb _{0.75-0.78} Cu _{0.22-0.24} Sn _{0-0.01} Pb _{0.7} Sn _{0.28} Bi _{0.02} Pb _{0.51} Cu _{0.08} S _{0.41} Pb _{0.54-0.55} Cu _{0.03-0.06} S _{0.4-0.42} Sb _{0.88} Cu _{0.11} S _{0.01}	Глиноземисто-оксидно-окисловянно-кремнеземистая
Грушевидные бубенчики	не обн.	95	не обн.	5	Zn, Pb, Fe, Sb, S, Cl	Pb _{0.71-0.91} Cu _{0.09-0.29} Pb _{0.68-0.88} Cu _{0.09-0.12} Ag _{0.03-0.06} S _{0-0.14} Pb _{0.48-0.66} Cu _{0.33-0.46} Sn _{0.01-0.11} Pb _{0.52} Cu _{0.45} Sn _{0.02} Bi _{0.11}	Глиноземисто-кремнеземисто-окисловянно-оксидная
Шаровидный бубенчик	«	25	75	не обн.	Pb, S	Pb _{0.69-0.73} Cu _{0.21-0.22} Sn _{0.02-0.04} S _{0.04-0.05}	Глиноземисто-сульфатно-оксидно-кремнеземистая
Спиралевидная пронизка	«	10	90	«	Pb, Sb	не обн.	не обн.
Цепочка	«	42	29	29	Zn, Ni, Pb, Fe, S, Cl	Cu _{0.49-0.61} Pb _{0.33-0.47} Sn _{0-0.02} Zn _{0-0.01} Ni _{0-0.01} S _{0-0.02}	Глиноземисто-кремнеземисто-оксидная

Чезтыягского могильника) / И. С. Астахова, Э. А. Савельева // Вестник геонаук. – 2022. – № 4. – С. 38–50.

3. Силаев, В. И. Костные останки из могильников Перми Вычегодской (XI–XIV вв.): результаты мультидисциплинарных научных исследований и эколого-исторические реконструкции / В. И. Силаев, Э. А. Савельева, А. Ф. Хазов, С. Н. Шанина, И. В. Смолева [и др.] // Вестник Пермского университета. Геология. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 296–325.
4. Савельева, Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. / Э. А. Савельева. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1987. – 200 с.
5. Сидоров, А. С. Памятники древности в пределах Коми края / А. С. Сидоров // Коми му. – 1925. – № 2 (912). – С. 40–50.
6. Захаров, С. Д. Изделия из стекла и каменные бусы / С. Д. Захаров, Н. А. Кузина // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. (материальная культура и хронология). Т. 2. – Москва: Наука, 2008. – С. 142–213.
7. Захаров, С. Д. Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития / С. Д. Захаров, Н. А. Макаров // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. (материальная культура и хронология). Т. 2. – Москва: Наука, 2009. – С. 290–316.
8. Фехнер, М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни X–XIII вв. / М. В. Фехнер // Труды ГИМ. – 1959. – Вып. 33. – С. 149–224.
9. Руденко, К. А. Булгарское серебро / К. А. Руденко. – Казань, 2015. – 528 с.
10. Седова, М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. – Москва: Наука, 1981. – 193 с.
11. Riederer J. Metallanalysen romischer Bronsen // Toreutik und figurliche Bronzen romischer Zeit, Akten der 6. Tagung uber antike Bronzen, Berlin 1980. – Berlin, 1984. – P. 220–225.

References

1. Savelyeva, E. A. Perm' vychegodskaya [Vychehda Perm] / E. A. Savelyeva. – Moscow: Nauka. – 1971. – 223 p.
2. Astakhova, I. S. Bronzoliteynoye proizvodstvo vychehgodskikh permian (po materialam nizhnevychegodskogo Chezhtyyagского могильника) [Bronze foundry production of the Vychehda Permians (based on materials from the Low Vychehda Chezhtyyag burial ground)] / I. S. Astakhova, E. A. Savelyeva // Bull. of Geosciences. – 2022. – No. 4. – P. 38–50.
3. Silaev, V. I. Kostnyye ostanki iz mogil'nikov permi vychehgodskoy (XI–XIV vv.): rezul'taty mul'tidistsiplinarnykh nauchnykh issledovaniy i ekologo-istoricheskiye rekonstruktsii [Bone remains from the Vychehda Perm burial grounds (XI–XIV centuries): results of multidisciplinary scientific research and environmental and historical reconstructions] / V. I. Silaev, E. A. Savelyeva, A. F. Khazov, S. N. Shanina, I. V. Smoleva, E. M. Tropnikov, B. A. Makeev, D. V. Kiseleva // Bull. of Perm University. Geology. – 2022. – Vol. 21. – No. 4. – P. 296–325.
4. Savelyeva, E. A. Vymskiye mogil'niki XI–XIV vv. [Vym burial grounds of the XI–XIV centuries] / E. A. Savelyeva. – Leningrad: Leningrad State Univ. Publishing House, 1987. – 200 p.
5. Sidorov, A. S. Pamyatniki drevnosti v predelakh Komi kraya [Ancient monuments within the Komi region] / A. S. Sidorov // Коми му, 1925. – No. 2 (912). – P. 40–50.
6. Zakharov S. D. Izdeliya iz stekla i kamennyye busy) [Glassware and stone beads] / S. D. Zakharov, N. A. Kuzina // Arkheologiya severnorussoy derevni X–XIII vv. (material'naya kul'tura i khronologiya [Archeology of the Northern Russian village of the X–XIII centuries (material culture and chronology)]. Vol. 2. – Moscow: Nauka, 2008. – P. 142–213.
7. Zakharov, S. D. Mininskiy arkheologicheskiy kompleks: khronologiya i dinamika razvitiya [Minin archaeological complex: chronology and dynamics of development] / S.

- D. Zakharov, N. A. Makarov // *Arkheologiya severnorusskoy derevni X-XIII vv. (material'naya kul'tura i khronologiya)* [Archaeology of the Northern Russian village of the X-XIII centuries (material culture and chronology)]. Vol. 2. – Moscow: Nauka. – 2009. – P. 290–316
8. Fekhner, M. V. K voprosu ob ekonomicheskikh svyazyakh drevnerusskoy derevni X-XIII vv. [On the question of economic ties of the ancient Russian village of the X-XIII centuries] / M. V. Fekhner. – Proc. of the State Historical Museum, 1959. Issue 33. – P. 149–224.
9. Rudenko, K. A. Bulgarskoye serebro [Bulgarian silver] / K. A. Rudenko. – Kazan, 2015. – 528 p.
10. Sedova, M. V. Yuvelirnyye izdeliya Drevnego Novgoroda (X-XV vv.) [Jewelry of Ancient Novgorod (X-XV centuries)] / M. V. Sedova. – Moscow: Nauka, 1981. – 193 p.
11. Riederer, J. Metallanalysen romischer Bronsen / J. Riederer // *Toreutik und figurliche Bronzen romischer Zeit, Akten der 6. Tagung uber antike Bronzen*, Berlin 1980. – Berlin, 1984. – P. 220–225.

Информация об авторах:

Савельева Элеонора Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: eleonorasav@yandex.ru).

Силаев Валерий Иванович – главный научный сотрудник Института геологии имени академика Н. П. Юшкина ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 54; e-mail: silaev@geo.komisc.ru).

Филиппов Василий Николаевич – старший научный сотрудник Института геологии имени академика Н. П. Юшкина ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 54; e-mail: filippov@geo.komisc.ru).

Хазов Антон Федорович – научный сотрудник Института геологии имени академика Н. П. Юшкина ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 54; e-mail: akhazov@geo.komisc.ru).

Authors:

Eleonora A. Savelyeva – Dr. Sci. (History), Chief Researcher at the Department of Archeology of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: eleonorasav@yandex.ru).

Valery I. Silaev – Chief Researcher, Institute of Geology named after academician N.P. Yushkin, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (54, Pervomaiskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: silaev@geo.komisc.ru).

Vasily N. Filippov – Senior Researcher, Institute of Geology named after academician N.P. Yushkin, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (54, Pervomaiskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation, e-mail: filippov@geo.komisc.ru).

Anton F. Khazov – Researcher, Institute of Geology named after academician N.P. Yushkin, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (54, Pervomaiskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation, e-mail: akhazov@geo.komisc.ru).

Для цитирования:

Савельева, Э. А. Цветные и благородные металлы в погребении № 115 Кокпомьягского могильника вымской культуры: археологический и археолого-минералогические аспекты / Э. А. Савельева, В. И. Силаев, В. Н. Филиппов, А. Ф. Хазов // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология»*. – 2024. – № 1 (67). – С. 22–34.

For citation:

Savelyeva, E. A. Non-ferrous and precious metals in grave No. 115 of the Kokpomyag burial ground of the Vym culture: archaeological and archaeomineralogical aspects / E. A. Savelyeva, V. I. Silaev, V. N. Filippov, A. F. Khazov // *Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology»*. – 2024. – No. 1(67). – P. 22–34.

Дата поступления рукописи: 25.01.2024

Прошла рецензирование: 09.02.2024

Принято решение о публикации: 12.02.2024

Received: 25.01.2024

Reviewed: 09.02.2024

Accepted: 12.02.2024

Каналы озера Каменное: к вопросу о крестьянских гидротехнических сооружениях Карелии

М. М. Шахнович

Центр гуманитарных проблем Баренц региона
ФИЦ Кольский НЦ РАН,
г. Апатиты
marksuk62@mail.ru

Аннотация

В настоящее время в Карелии существует большое количество неизученных сооружений, связанных с крестьянской хозяйственной деятельностью. Это находящиеся за границами исторических деревень риги, мельницы, хранилища, охотничьи ловушки, загоны, дороги. В статье мы рассмотрим объекты группы транспортной сельской водной инфраструктуры Карелии – каналы. В ситуации отсутствия хороших дорог в Беломорской Карелии водные магистрали весь год были единственным удобным способом передвижения между деревнями.

Первое полевое исследование каналов проведено археологической экспедицией Национального музея Республики Карелия в 2015 г. на оз. Каменное (Киитехенъярви) в заповеднике «Костомукшский». Обследованы два канала около дер. Шапповаара на западном берегу озера и дер. Лужмагуба около истока р. Каменная. Первый канал длиной 90 м сфотографирован финским фотографом К.-И. Инха в 1894 г. Около него находились два деревянных креста и два карсикко и по нему проходили лодки, второй канал (306 м), вероятно, использовали для проводки бревен в период сплава. Предположительная датировка обоих сооружений – вторая половина XIX в. Ближайшие аналогии находятся на территории Финляндии.

Ключевые слова:

Русская Карелия, Заповедник «Костомукшский», оз. Каменное, гидротехнические сооружения, крестьянские каналы

Введение

Начало XXI в. отмечено резким ростом в археологии России числа проектов, направленных на обследование территорий, отводимых под хозяйственное освоение. При полевых «площадных» работах встречается значительно большее число разнотипных и разновременных объектов, чем при специализированном поиске в рамках определенной научной темы. В этой ситуации перед исследователями нередко возникает дилемма об отнесении некоторых «спорных» объектов или к «нашим» памятникам, на кото-

Channels of Lake Kamennoe: on the issue of peasant hydraulic structures in Karelia

M. M. Shakhnovich

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS,
Apatity
marksuk62@mail.ru

Abstract

There are a large number of unexplored structures in Karelia related to peasant economic activities. These are mills, storage facilities, barns, hunting traps, paddocks, and roads located outside the boundaries of historical villages. In the paper, we will consider the objects of the Karelian rural water transport infrastructure group – channels. In the absence of good roads in the White Sea Karelia, waterways were the only convenient way to travel between villages throughout the year. The first field study of the channels was carried out by an archaeological expedition of the National Museum of the Republic of Karelia in 2015 on Lake Kamennoe (Kiitehenjarvi) in the Kostomuksha Nature Reserve. Two channels were examined near the village of Shappovaara on the western shore of the lake and the village of Luzhmaguba near the beginning of the Kamennaya River. The first channel (90 m long) was photographed by Finnish photographer K.I. Inha in 1894. There were two wooden crosses and two karsikkos near it and boats passed through it, the second channel (306 m) was probably used for transporting logs during the rafting period. The estimated dating of both structures is the second half of the XIX century. The closest analogies are located on the territory of Finland.

Keywords:

Russian Karelia, Kostomuksha Nature Reserve, Lake Kamennoe, hydraulic structures, peasant channels

рые в последующем распространяется весь комплекс государственных охранных мер, или к «недостойным» внимания археолога.

В последнее десятилетие в какой-то мере удалось изменить существовавший стереотип скептического отношения археологов к трем видам «непонятных» памятников Карелии: охотничьи ямы-ловушки, сооружения для изготовления угля или смолы и «валунные кучи». Целенаправленное изучение обосновало их несомненную ценность

как исторических и археологических источников. Это еще раз подтвердило основной тезис полевой работы: вопросы датирования, функционального назначения и культурной принадлежности памятников археологии не могут быть результативно решены «на глаз», без проведения земляных вскрытий. Например, после раскопок «лопарския яма» в Северной Карелии оказалась местом для производства смолы крестьянами в XVI–XVII вв. [1], «валунный курганный могильник» на острове Анзер Соловецкого архипелага – средневековым производственным комплексом по переработке добычи морского промысла [2], а место расчистки поля от камней – погребением под валунной насыпью [3].

В группу «отбракованных» объектов, к сожалению, нередко попадают многочисленные, но в настоящее время малоизученные сооружения широкого временного периода бытования, связанные с крестьянской хозяйственной деятельностью. В основном это вынесенные за пределы усадеб крестьянских поселений риги, сеновалы, мельницы, постройки на полях, хранилища урожая и промыслов, рыболовные конструкции, охотничьи ловушки, загоны и т. п.

В статье мы остановимся на одном виде объектов группы транспортной сельской инфраструктуры Карелии – каналах. По нашему мнению, данные «нераскрученные» гидротехнические сооружения вполне достойны углубленного профессионального внимания археологов. Одной из важных задач развития данной темы нам представляется разработка вопросов методики описания каналов при полевых работах, ранее не представленной в специализированной научной литературе.

Предварительно необходимо определиться с терминами, применяемыми к земляным гидрообъектам. Самые распространенные водные сооружения – это дамбы, плотины, пристани, водохранилища и каналы. В обиходном понимании канал – это искусственное водное русло, созданное для сокращения или облегчения передвижения плавсредств или перенаправления потока воды. В рамках нашей работы следует разделить гидросооружения по их назначению на две группы. Постройки, предназначенные для транспортных функций, – каналы, вторые – для доставки, отвода воды – каналы, рвы. Иногда некоторые объекты строили для одновременного решения обеих этих задач.

Каналы в королевстве Швеция и Русской Карелии

В Северной Европе гидросооружения стали активно строить начиная с середины XVIII в., когда в королевстве Швеция интенсивный рост приобрело сельское хозяйство. Посевные, сенокосные и пастбищные участки расширяли путем строительства и совершенствования осушительных систем. Один из применявшихся способов мелиорации – это уменьшение площади озер и, соответственно, высвобождение плодородных прибрежных земель путем сброса части воды через искусственные водотоки [4].

¹ «Выбирается небольшое, мелкое озеро с травянистыми берегами, по соседству с большим озером, лежащим по уровню ниже первого, и между ними прорывается канава. Из верхнего озера вода стекает в нижнее, а обмелевшие берега через несколько лет задернеют и дают хорошую траву. Совершенно же осушить озеро редко удается. <...> в русской Карелии

Простейшие гидротехнические сооружения – каналы – отрывались «в порядке частной инициативы» крестьянами «на глазок», что иногда приводило к катастрофическим последствиям. Например, наиболее известная история произошла в провинции Кайнуу (Северная Финляндия), где весной 1761 г. два крестьянина прокопали ров для частичного спуска воды из оз. Хиисиярви, что привело к быстрому размыву берега и одномоментному падению уровня водоема на 14 м и огромным разрушениям от волны сброса в селениях, располагавшихся ниже по течению [4, с. 145–147]. Такие печальные случаи были, скорее, исключением?

В России первые крупные государственные гидротехнические проекты обычно относят к периоду правления Петра I [6]. В Карелии каналы были известны значительно раньше, и в основном их связывают с крупными северными монастырями, обладавшими большим финансовым потенциалом. Например, уникальная озерно-канальная система Большого Соловецкого острова, объединившая 78 внутренних водоемов, создана под руководством игумена Филиппа (Колычева) в середине XVI в. [7].

В Кемском уезде Архангельской губернии создатели каналов, по нашему мнению, рассматривали их преимущественно как важную часть транспортной инфраструктуры. В приграничной Беломорской Карелии ситуация с перемещением по суше была сложная. Как отмечали путешественники, «летние пути сообщения <...> самые первобытные» [8, с. 13]. В конце XIX в. ближайший и единственный «колесный летний тракт» в центральной Карелии, от г. Повенца на северном берегу Онежского озера до с. Сумской Посад на южном берегу Белого моря, проходил в 250 км от границы. В 1907 г. пограничная деревня Тетриноволок была единственным на северо-западе Карелии поселением, к которому подходила колесная дорога с финской территории. Карельские деревни соединяли тропинки, проходящие по сухим боровым участкам ландшафта³. После осенних дождей гати на болотах затапливало и они становились непроходимыми, а «в зимнее время направление дорог зависит от усмотрения возчиков, едущих во все стороны напрямик через замёрзшие озера и болота» [10, с. 119].

Таким образом, в условиях бездорожья водные магистрали круглогодично были единственным, относительно «комфортным» способом передвижения по таежному краю⁴. Жители Беломорской Карелии для расширения

немногим из крестьян хватает на это средств, а потому и осушенных озер здесь мало» [5, с. 66–67].

² Например, на оз. Суванто на Карельском перешейке в 1818 г., оз. Хейтийянен в Северной Карелии в 1859 г., в Вуонтисьярви Энонтекиё в Лапландии в 1861 г.

³ «Вместо езды на карбасе вы можете в летнее время передвигаться здесь только пешком по еле заметным, пролегающим через глухие, бесконечные леса и топкие, трудно проходимые болота тропами, да на утлых маленьких лодках по озерам и рекам. Надо иметь значительную долю закаленности и терпения, чтобы преодолеть все трудности и неудобства таких первобытных способов и путей сообщения» [9, с. 296–297]. «Дорога для проезда верхом часто идет по топкому болоту, через которое кое-как набросаны жерди поперек, а иногда лежат вдоль два-три бревна, обтесанных сверху. И вот по этим "рельсам" туземные лошади искусно пробираются, как кошки, неся на спине тяжесть седока или пять-шесть пудов багажа» [5, с. 69].

⁴ Например, от границы с Финляндией до Белого моря на лодке, с опытным кормчим, для прохождения мощных кемских порогов, можно было

транспортной гидросети активно создавали искусственные каналы, соединявшие природные водоемы⁵, иногда значительной протяженности. Например, М. И. Бубновский описывает «канаву» в Маслозерской волости длиной в три версты⁶. Кроме каналов выкапывали и канавы, использовавшиеся при осушении прибрежных участков и дренировании заболоченных территорий⁷, для увеличения напора потока воды при строительстве мельниц и в период сплава для более удобной проводки бревен в обход сезонно мелеющих участков порогов. Крестьянские каналы в приграничной Карелии не имели водорегулирующих гидросооружений.

Первыми объектами археологического изучения транспортных магистралей на территории Карелии стали отдельные участки исторических наземных трасс государственных путей сообщения. Это знаменитая «Осударева дорога» первой половины XVIII в. в Южном Прибеломорье [13], шведская «королевская дорога» XIII–XVII вв. в Северо-Западном Приладожье [14] и «тропа корабейников» – торговый путь XVII–начала XX в., соединявший приграничные районы Финляндии и Беломорской Карелии [15]. Работу в этом направлении можно рассматривать как перспективную и важную, так как, например, на территории Финляндии на учете и охране как археологические памятники состоят 123 фрагмента исторических дорог.

В Карелии крестьянские гидротехнические сооружения, в том числе и каналы, как памятники хозяйственного изменения природного ландшафта археологи и историки до недавнего времени не рассматривали. Первое их полевое исследование проведено экспедицией Национального музея Республики Карелия в 2015 г. на приграничном оз. Каменное (Киитехеньярви) на территории государственного природного заповедника «Костомукшский».

Описание каналов оз. Каменное

Работы в заповеднике предполагали поиск, локализацию и картографирование элементов древнего культурно-хозяйственного ландшафта, а также проверку состояния стоянок каменного века, открытых в 1993–1994 гг. [16, с. 215]. Остановимся подробнее на двух крестьянских каналах, зафиксированных в центральной части оз. Каменное.

Канал около дер. Шапповаара находится на западном берегу озера, в 2,2 км к юго-востоку от бывшей дер. Шапповаара. Для его прокладки выбрана самая узкая и низ-

добраться за семь дней. Обратное, большей частью пешком вверх по течению, этот путь занимал уже 13 дней.

⁵ «Везде, где можно соединить два озера, озеро с рекой – издавна карелом устроены канавы. Ширина канав равна ширине лодки или карбаса, глубина около аршина. Строятся канавы большей частью натурой, сообщая» [5, с. 93].

⁶ «Мне пришлось видеть самую длинную канаву – три версты – в Маслозерской волости. Канавка соединяет два озера – Лежево и Лебозеро. В летнее время канавы часто высыхают, но на дне остается много воды или грязной жидкости. В таких случаях лодку тянут, что особого труда не доставляет» [11, с. 15].

⁷ Первые попытки мелиоративных работ в Олонецкой губернии проводили в 1828 г. В последующем они были возобновлены только в 1925 г. после создания Мелиоративных товариществ по осушению болот. В Северной Карелии производилось традиционное «понижение уровня озер» [12, с. 71–78].

менная часть перешейка п-ва Полвусен, поросшая угнетенным смешанным лесом. Протяженность трассы – 90 м, ширина – приблизительно 2,8 м, направление – север–юг. В современном состоянии желоб канала сильно оплыл, задернован и зарос осокой, но хорошо визуальнo вычленяется в рельефе, особенно в межсезонье, когда он обводнен (рис. 1).

Рис. 1. Озеро Каменное. Местонахождение канала около деревни Шапповаара.

Fig. 1. Lake Kamennoe. The location of the channel near the village of Schapovaara.

В южной части канала валик выброса грунта сохранился лучше и отчетливо просматривается по обоим бортам. Его ширина – 1,5 м, высота над современной дневной поверхностью – 0,3 м. В южной части канала, в 13 м от озера, в западной стенке сделаны две прямоугольные врезки в берег. Размеры «карманов» в плане – 1,5 × 3 м. Дно одного из них выложено истлевшими досками.

Озеро с обоих концов канала мелкое, поэтому оба «входа» в него быстро заносились песком во время штормов, а русло, из-за осыпания неукрепленных бортов, постепенно заиливалось и мелело. Для нормальной эксплуатации непроточный желоб необходимо было периодически чистить, поддерживая в рабочем состоянии (рис. 2).

Скорее всего, строительство канала началось с северной стороны или от его середины. Только этим можно объяснить ситуацию, что в южной части желоб проходит точно по скальному выступу, находящемуся в 10 м от воды, что существенно затрудняет протаскивание лодок.

На восточной стороне канала расположены две редкие в заболоченной низине крупные сосны с ритуальными затесами-символами. Это карсикко – священные деревья-знаки карел, связанные с каким-нибудь важным событием в жизни рода, семьи, личности (промысел, инициация, смерть и т. п.) [17].

Первое дерево растет в 1,5 м к востоку от канала, имеет диаметр в нижней части 0,42 м. С западной стороны его ствола, ориентированной на канал, на высоте 0,4 м от земли, топором «грубо» сделаны широкий, стандартный для карсикко затес прямоугольной формы (30 × 40 см) и традиционная «полочка для приношений». На коре с восточной стороны дерева видны два следа от удара топором. Сучья кроны не обрезаны.

Второе карсикко (мощная сосна диаметром 0,65 м) располагается около южного входа, в 9,5 м к востоку от канала. Как и в первом случае, на стволе дерева со стороны канала вырублен фигурный знак петлевидной формы (60 × 25 см), вероятно, родовая фамильная тамга и под ним – отделенная небольшой перемычкой вырубка-«полочка» размерами 15 × 8 см. В корневой южной части ствола находится небольшой затес. К дереву от канала ведет тропинка (рис. 3).

Прекрасная иллюстрация функционирования и оформления крестьянских каналов – это фотография известного финского фотографа К. И. Инха 1894 г., на которой крестьяне (мужчина и две женщины) проводят шитую лодку через южный вход канала около дер. Шапповаара. Два человека с обеих сторон толкают лодку жердями, и одна женщина – идет в брод, подталкивая корму. Килевая карельская лодка-дощанка традиционно имеет две пары весел, петлевые веревочные уключины, только две доски для сидения (в центре и на корме) и широкие обводы корпуса. На ее дне лежат весла и рыбацкая сеть с поплавками. Глубина канала небольшая, достаточная только для прохода облегченной лодки. Хорошо видны отвесные стенки траншеи и частично задернованные отвалы земли с обеих сторон, высотой до 0,4 м. Высота борта канала над уровнем воды – около 0,7 м. Так как на фотографии действие происходит в летний период (июль или август), то весной и осенью высокий уровень воды делал продвижение по каналу более легким. Непонятно назначение покосившейся жердевой изгороди, установленной вдоль берега озера, к востоку от входа в канал. Возможно, она ограждает установленный рядом крест от домашнего скота, по карельскому обыкновению преимущественно находящегося на вольном выпасе (рис. 4).

Остановимся подробнее на таком важном элементе оформления карельских каналов, как кресты. В Карелии на поворотах, перекрестках дорог и в памятных местах часто устанавливали большие деревянные кресты⁸. На фото-

⁸ «На краю стоял старый деревянный крест, снизу до половины обложенный камнями и увешанный разноцветными лоскутками. <...> Карелы очень религиозны, и такие кресты вы встретите везде на дорогах. Расстояния между селениями здесь очень значительны, по 30–50 верст и более; их никто в точности не измерял, верстовых столбов нет, а вместо них поставлены кресты, обозначающие то четверть, то половину пути. Каждый пешеход старается сделать остановку у креста, неся к этому месту на память камень или оставляя лоскуток какой-нибудь материи» [5, с. 72].

Рис. 2. Канал около деревни Шапповаара. Вид с севера. 2015 год. Фото М. Шахновича.
Fig. 2. The channel near the village of Schappovaara. View from the north. 2015. Photo by M. Shakhnovich.

Рис. 3. Карсикко около канала у деревни Шапповаара. Вид с запада. 2015 год. Фото М. Шахновича.
Fig. 3. Karsikko near the channel near the village of Schappovaara. 2015. View from the west. Photo by M. Shakhnovich.

графии К. И. Инха кресты около канала старообрядческие, восьмиконечные, «под крышкой», грубо сколоченные. Они вкопаны в песок без укрепления основания камнями или срубом. Оба креста лицевыми сторонами преднамеренно обращены в сторону канала. Поэтому у восточного креста средняя перекладина располагается по православным правилам – ее северный конец выше южного, а у западного – наоборот. К крестам привязаны традиционные приношения – ленты белой материи – *tuulipaikat* (*tuuli* – «ветер», *paikka* – «платок»). Возможно, что кресты стояли и в северной части канала, не запечатленной К.И. Инха. При датировании объекта нужно учитывать, что они могли быть поставлены не одновременно с открытием канала, а в любой период его существования.

Рис. 4. Канал около деревни Шапповаара. 1894 год. Фото К. И. Инха.
Fig. 4. The channel near the village of Schappovaara. 1894. Photo by K. I. Inha.

Расположение не одного, а двух поклонных крестов по обеим сторонам южного входа в канал указывает на сакральное восприятие этого сооружения. В Карелии нам пока известен только один подобный случай двустороннего крестного замыкания вод – на восточном берегу Ладожского озера в устье р. Сяндебка (Олонецкий район Республики Карелия)⁹. К вопросу об оберегающей функции крестов, установленных по двум сторонам канала, можно вспомнить легенду, записанную на юге Олонецкой губернии в начале XX в. Согласно ей, строительству канала противился «водяник», засыпавший по ночам выкопанную крестьянами канаву, и только погружение креста в воду смогло его успокоить [19, с. 3].

Показательно сочетание в зоне канала двух древних и важных для карел обычаев охранительного характера: одновременная установка в значимом месте православных крестов и изготовление карсикко – священных деревьев-знаков с обрядовыми символами. Возможно, объяснение этой специфичной ситуации можно найти в самобытном религиозном менталитете аборигенных жителей тайги или тундры, у которых христианское и языческое мировоззрения часто существуют равноправно. Вероятно, подобная сакральная практика – это пример усиления охранительной функции через симбиоз православной атрибутики и языческих символов [17, с. 14, 37].

Карелы традиционно к «опасным» пунктам пространственной маргинальности, связанным с «нечистой силой», обычно относят кладбища, места «отмеченные» смертью, пересечения водных и сухопутных путей или развилки пешеходных дорог, берега озер около поселений, жертвенные рощи. В нашем случае сам ров канала – это символическая водная преграда. Карсикко, скорее всего, не

⁹ «Устье реки Сяндебки, текущей на девять верст, из Сяндемского озера в реку Тулоксу, доселе охраняется каменными крестами, воздвигнутыми на обоих берегах реки. Предание говорит, что они сопутствовали прп. Афанасию с Валаама, как благословение тамошних старцев» [18, с. 64].

случайно находящиеся только с его восточной, «нежилой» стороны, а также православные кресты, специально направленные лицевыми сторонами на канал, должны были совместно выполнять защитное назначение в «проблемном» участке около восточной границы округа дер. Шапповаара.

Во время нашей непродолжительной работы в 2015 г. не проводилось обследование территории к востоку от канала, на отсеченном им п-ове Полвусен. Вполне возможно нахождение там табуированных, «опасных» объектов, например, «лопарских могил» из валунов или «лопских ямин».

Канал у истока р. Каменная. Единственный водосток из оз. Каменного – это одноименная река, относящаяся к гидросистеме р. Кемь, протяженностью 25,2 км, впадающая в Лувозеро. Канал около ее истока малоизвестен

даже сотрудникам заповедника. Его верхний, южный вход со стороны озера начинается в 0,5 км к западу от начала реки. Недалеко от канала – 150 м к западу, находилась дер. Лужмагуба. Трасса канала проходит по линии юг–север и оканчивается в западной части первого озерного расширения реки, ниже начального порога водотока. Она проложена по природному понижению рельефа – болоту, поросшему редким угнетенным сосновым лесом. Кроме торфяниковых напластований в северной части канала желоб прорезает и каменистую морену, после прохождения которой возникает общий наклон поверхности к северу и появляется течение воды. Протяженность сооружения – 306 м, ширина – 4,5–5 м около «входов» и 3–3,5 м в центре (рис. 5).

Задернованные стенки рва, при некотором естественном оплывании, имеют угол наклона около 45°. Укрепление бортов канала деревянной опалубкой визуально не отме-

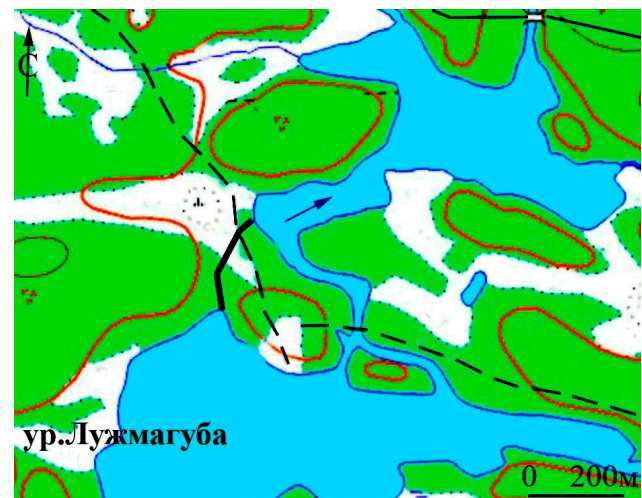

Рис. 5. Озеро Каменное. Местонахождение канала около деревни Лужмагуба.

Fig. 5. Lake Kamennoe. The location of the channel near the village of Luzhmaguba.

чено. Выброс грунта в его северной части преимущественно производили на западную сторону, и поэтому здесь высота валика достигает 0,7–1 м над современной дневной поверхностью при ширине в 2 м. Глубина канала – 0,8–1 м, высота над водой более низкого восточного края – около 1 м (рис. 6).

Дно в средней части сооружения каменное. В одном месте, в 100 м от южного «входа», в желобе, лежат крупные валуны, затрудняющие проход по каналу. Возможно, здесь его пересекал отмеченный на топографической карте 1961 г. «зимник», проложенный к истоку реки. Карсикко около канала отсутствуют.

Значительная длина и относительная прямолинейность сооружения подразумевают предварительное трассирование на местности планируемых земляных работ. Каналы могли строиться не сразу, а в несколько этапов. Прокладка траншеи, скорее всего, проводилась в период, когда грунт наименее обводнен и не промерзший. Наиболее благоприятное время для этого – с мая по ноябрь.

В настоящее время канал выполняет дренажную функцию, но вряд ли он был сделан для сброса воды из озера в нижележащее расширение р. Каменная. Перепад высот между его началом и окончанием незначительный – примерно, немного больше 1 м, соответственно, и мощность потока воды незначительная. Уменьшение площади озера при его общей мелководности и каменности значительно ухудшило бы судоходную ситуацию. Кроме того, сравнивая современное гидрологическое состояние с запечатленным на фотографии конца XIX в., можно заключить, что уровень озера за последние 130 лет не изменился и, соответственно, сохранились и очертания береговой линии. Скорее всего, канал использовали для протаскивания лодок для более удобного сплава бревен, в обход мелеющего в летнее время порога у истока реки¹⁰.

Датировка каналов оз. Каменное. Точное время постройки данных каналов неизвестно. Как косвенный

признак относительной «древности» канала около дер. Лужмагуба можно рассматривать наличие на его отвале крупных берез и елей, возраст которых превышает 70 лет. Кроме того, он обозначен на финляндской государственной карте 1925 г. Предположительная датировка обоих сооружений – это вторая половина XIX в., но, учитывая, что на соседней территории Финляндии подобные гидротехнические объекты стали создаваться уже в XVIII в., вполне возможно, что это произошло несколько раньше.

В 1905 г. на оз. Киитехенярви существовало восемь деревень: Коленонаволок, Куйкониemi, Бабыя Губа, Койвозеро, Нильмогуба, Мокрая варака, Тетернаволок, Шаповарака [21, с. 198]. Каналы были частью локальных коммуникаций и при относительно плотной заселенности берегов озера местные сообщества: стабильно и круглогодично их использовали: по желобам каналов и в зимнее время, после установления ледового покрова, могло происходить движение на санях. После выселения местных жителей с приграничной территории в 1950–х гг. и при повсеместном использовании моторных плавсредств, каналы утратили свое значение, как часть системы водных транспортных магистралей этого района.

Аналогии. Ближайшие к описанным объектам на оз. Каменное каналы расположены в Северной Финляндии в провинции Кайнуу. На западном берегу оз. Оулуярви, около местечка Партала Кякилахти есть крупный канал – *Önkkörin Kanava*, протяженностью 0,8 км. Пересекая перешеек полуострова, он существенно сокращал путь по воде, позволяя обойти труднопроходимый участок водоема. Значительная ширина (около 12 м) давала возможность передвигаться по нему на веслах в лодках или же тащить небольшое судно на веревке с берега. По легенде его выкопали в период Северной войны 1700–1721 гг. русские солдаты, по другим сведениям – в XVII в.

Еще один канал – *Palojärvi Katiska* (длиной около 0,1 км), находится в районе Суомуссалми на оз. Палоярви, в 7 км от российско-финляндской границы. Он проходит через болотистый перешеек полуострова Аутиониemi и по размерам сходен с каналом около дер. Шапповаара [15, с. 42]. По информации коллег, в приграничных районах Северной Финляндии есть и другие небольшие крестьянские каналы, однако научное обследование их не проводилось¹¹.

Работы по изучению крестьянских каналов Карелии только начались и сегодня у нас есть точные сведения всего о трех объектах, находящихся в Северном Беломорье, Заонежье и южнокарельском Приграничье. В 2017 г. экспедицией НМРК в северо-восточной части оз. Лоймолонъярви (Суоярвский район Республики Карелия) зафиксирован канал, пере-

Рис. 6. Канал около деревни Лужмагуба. Вид с севера. 2015 г. Фото А. Мисаилова
Fig. 6. The canal near the village of Luzhmaguba. View from the north. 2015. Photo by A. Misailov

¹⁰ В 1920–е гг. по р. Каменная осуществлялся сплав вручную в кошелях [20, с. 126–127].

¹¹ Информация Э. Суоминена (Музей провинции Кайнуу, Финляндия).

секающий в узком и низком месте перешеек между п-вом Коконниемеи и материковым берегом. Его ширина – 6,5 м, длина – 28 м, глубина – 1,5 м, высота берега – не более 1 м над уровнем воды. В современном состоянии края желоба канала оплыли, задернованы. Он заполнен водой и используется местными жителями для сокращения пути по озеру. Точное время его постройки пока неизвестно, но на государственной топографической карте Финляндии 1935 г. он обозначен и предварительно его можно датировать второй половиной XIX–началом XX в. (рис. 7).

На северном берегу Кандалакшского залива Белого моря, около заброшенной дер. Порья Губа в каменистой отмели проложены два неглубоких канала: «Умбский и Варницкий порожки», соединяющие внутреннюю лагуну около деревни с открытым морем¹². Также в узкой северной части острова Кижы Онежского озера крестьянами для сокращения пути прорыт канал длиной 50 м¹³ (рис. 8).

В статье мы не привлекаем каналы, построенные в советский период, в основном для облегчения сплава леса. От более ранних крестьянских сооружений они отличаются основательной инженерно-технической проработкой: существенно большие размеры (протяженность, ширина), укрепление стенок деревянными конструкциями, создание специальной береговой тропы и переходных мостков¹⁴.

Заключение

Каналы оз. Каменное (Киитехенярви) позволяют коснуться еще одной неразработанной темы – особенностей менталитета местного карельского населения. Создание такого рода значительных сооружений хорошо характеризует сообщество крестьян поселений оз. Каменное. Мы не знаем, каналы – это инициатива жителей близлежащих деревень или коллективное решение нескольких деревенских общин, копались они способом «народной стройки» или наемными рабочими. Очевидно одно: без вмешательства государственных структур карелы Приграничья

¹² «По протяженности порожки невелики. Общая длина двух каналов составляет несколько десятков метров. Ширина вполне достаточна для прохождения небольшой рыбацкой лодки. Глубина каналов меняется и зависит от приливов и отливов, но даже при максимальном отливе по каналу можно пройти. Во многих местах каналы обрушились, обмельчали, но по-прежнему имеют притягательный вид и вызывают восхищение. По свидетельствам бывших порьегубцев современное состояние каналов гораздо хуже, чем в те годы, когда Порья Губа была жилым селом. Через Умбский порожек перекинут деревянный мост, теперь частично разрушенный, который связывал факторию о. Горельый с Порьей Губой» [22, с. 63].

¹³ Информация И. В. Мельникова (Государственный историко-архитектурный и этнографический Музей-заповедник «Кижы»).

¹⁴ Выразительные образцы лесосплавных каналов советского времени сохранились в Медвежьегорском и Кондопожском районах Республики Карелия.

могли определять и претворять свои важные, насущные задачи, используя существующий опыт подобного рода работ в России и Финляндии.

Археологические работы 2015 г. в заповеднике «Костомукшский» позволили обнаружить оригинальные, хорошей сохранности, исторические объекты культурного наследия – гидротехнические сооружения Нового времени.

Рис. 7. Канал на озере Лоймолонярви. Вид с востока. 2017 год Фото М. Шахновича.
Fig. 7. The channel on Lake Loimolonyarvi. View from the east. 2017. Photo by M. Shakhnovich.

Рис. 8. Канал около деревни Порья Губа. Вид с севера. 2017 год. Фото Д. Лоскутова.
Fig. 8. The channel near the village of Porya Guba. View from the north. 2017. Photo by D. Loskutov.

Полученные данные дополняют наши представления об истории хозяйственного освоения этого региона, подчеркивают самобытность и оригинальность его историко-географического облика. Изучение гидропамятников Карелии должно продолжаться на систематической основе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Шахнович, М. М. Позднесредневековое смолокурное производство на озере Верхнее Куйто. К вопросу о «лопарских древностях» в Западном Прибеломорье / М. М. Шахнович // Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. – 2022. – Вып. 22. – Т. 13. – № 2. – С. 130–141.
2. Мартынов, А. Я. Разведки и раскопки на Соловецких островах / А. Я. Мартынов, М. М. Шахнович // Археологические открытия. – 2009. – Москва : Наука, 2013. – С. 43–44.
3. Шахнович, М. М. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования / М. М. Шахнович, М. А. Кулькова, А. В. Сониная // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. – 2019. – Вып. 12. – С. 496–509.
4. Оленев, И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою мурманской железной дороги / И. В. Оленев. – Гельсингфорс : Финское литературное общество, 1917. – 172 с.
5. Turpeinen, O. Väestö ja talous 1721–1982 / O. Turpeinen // Kainuun historia. – II. – Kajaani: Kainuun maakuntaliitto. 1985. – P. 145–147.
6. Юркин, И. Н. Использование картографического материала XVIII–XX вв. при полевых исследованиях гидротехнических сооружений Петровской эпохи (на материале Ивановского канала) / И. Н. Юркин, А. Н. Наумов // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. – Москва : Древности Севера, 2016. – С. 95–105.
7. Захаров, Ю. С. Озерно-канальные системы на островах Соловецкого архипелага / Ю. С. Захаров // Соловецкий сборник. – 2013. – Вып. 9. – С. 94–135.
8. Очерк путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгарта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. – Архангельск : Губернская типография, 1895. – 128 с.
9. Камкин, Н. Архангельские карелы / Н. Камкин // Древняя и Новая Россия. – 1880. – № 2. – С. 296–298.
10. Воронов, Ан. Нужды Карелии / А. Воронов // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1913. – № 3. – С. 115–123.
11. Бубновский, М. И. Пути сообщения в Архангельской Карелии / М. И. Бубновский. – Архангельск : Губернская типография, 1917. – 22 с.
12. Отчет Народного Комиссариата Земледелия АКССР за 1925–26 год. – Петрозаводск : Изд-во Народного Комиссариата Земледелия АКССР. 1927. – 115 с.
13. Сорокин, П. Е. Отчет об археологических исследованиях 1994 г. по трассе «Осударева дорога» / П. Е. Сорокин // Вестник Национального музея Республики Карелия. – 2016. – Вып. 7. – С. 256–261.
14. Бельский, С. В. Королевская дорога между Кексгольмом и Кроноборгом: результаты исследований исторической дороги в Северо-Западном Приладожье / С. В. Бельский, Д. В. Герасимов, А. А. Липатов, Е. Р. Михайлова, Д. Н. Мурзенков [и др.] // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. – 2013. – Вып. 13. – С. 153–173.
15. Rytkölä, H. Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomussalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalalan / H. Rytkölä // Kainuun ympäristökeskuksen raportteja. V – Kajaani: Kainuun maakuntaliitto. 2006. – 54 s.
16. Шахнович, М. М. Археологические работы на территории Костомукшского района Республики Карелия / М. М. Шахнович // 30-летние научные исследования в заповеднике «Костомукшский». – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2015. – С. 215–223.
17. Конкка, А. П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов / А. П. Конкка. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2013. – 286 с.
18. Барсов, Е. В. Преподобные Обонежские пустынножители: Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края / Е. В. Барсов // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868–1869 год. – Петрозаводск : Губернская типография, 1869. – С. 3–68.
19. Георгиевский, А. Креснозеро. (Легенда) / А. Георгиевский // Олонецкие губернские ведомости. – 1904. – № 43. – С. 3.
20. Водные пути Автономной Карельской Советской Социалистической Республики и прилегающие к ним лесные массивы. – Петрозаводск : Гострест «Кареллес», 1928. – 136 с.
21. Голубцов, Н. А. Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году / Н. А. Голубцов. – Архангельск : Губернская типография, 1907. – 216 с.
22. Циркунов, И. Б. Порья Губа: опыт историко-социологического исследования / И. Б. Циркунов // Наука и бизнес на Мурмане. – 1996. – Вып. 6 (11). – С. 60–86.

References

1. Shakhnovich, M. M. Pozdnesrednevekovoe smolokurennoe proizvodstvo na ozere Verhnee Kujto. K voprosu o «loparskih drevnostyah» v Zapadnom Pribelomor'e [Late medieval smoldering production on Verkhnee Kuito Lake. On the issue of "Lopar antiquities" in the Western White Sea region] / M. M. Shakhnovich // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra. Gumanitarnye issledovaniya [Proc. of the Kola Science Centre. Humanitarian studies]. – 2022. – Issue 22. – Vol. 13. – No. 2. – P. 130–141.
2. Martynov, A. Ya. Razvedki i raskopki na Soloveckih ostrovah [Exploration and excavations on the Solovetsky Islands] / A. Ya. Martynov, M. M. Shakhnovich // Arheologicheskie otkrytiya – 2009 [Archaeological discoveries – 2009]. – Moscow: Nauka, 2013. – P. 43–44.
3. Shakhnovich, M. M. K voprosu o valunnyh nasypyah v Severnom Priladozhe: opyt kompleksnogo issledovaniya [On the issue of boulder mounds in the Northern Lado-

- ga region: experience of a comprehensive study] / M. M. Shakhnovich, M. A. Kul'kova, A. V. Sonina // Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epohu Srednevekov'ya [Tver, Tver land and adjacent territories during the Middle Ages]. – 2019. – Issue 12. – P. 496–509.
4. Olenev, I. V. Karel'skij kraj i ego budushchee v svyazi s postrojkoju murmanskoj zheleznoj dorogi [Karelian region and its future in connection with the construction of the Murmansk railway] / I. V. Olenev. – Helsingfors: Finskoe literaturnoe obshchestvo [Finnish Literary Society], 1917. – 172 p.
 5. Turpeinen, O. Väestö ja talous 1721–1982 [Population and economy 1721–1982] / O. Turpeinen // Kainuun historia [History of Kainuu]. – II. – Kajaani: Kainuun maakuntaliitto. 1985. – P. 145–147.
 6. Yurkin, I. N. Ispol'zovanie kartograficheskogo materiala XVIII–XX vv. pri polevyh issledovaniyah gidrotekhnicheskikh sooruzhenij Petrovskoj epohi (na materiale Ivanovskogo kanala) [Use of cartographic material of the XVIII–XX centuries during field studies of hydraulic structures of the Peter the Great era (based on material of the Ivanovo Canal)] / I. N. Yurkin, A. N. Naumov // Ot Smuty k Imperii. Nove otkrytiya v oblasti arheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv [From Turmoil to Empire. New discoveries in the field of archeology and history of Russia in the XVI–XVIII centuries]. – Moscow: Drevnosti Severa [Antiquities of the North], 2016. – P. 95–105.
 7. Zakharov, Yu. S. Ozero-kanal'nye sistemy na ostrovah Soloveckogo arhipelaga [Lake-channel systems on the islands of the Solovetsky archipelago] / Yu. S. Zakharov // Soloveckij sbornik [Solovetsky collection]. – 2013. – Issue 9. – P. 94–135.
 8. Ocherk puteshestviya arhangel'skogo gubernatora A.P. Engel'garta v Kems'kij i Kol'skij uezdy v 1895 godu [Essay on the journey of the Arkhangelsk Governor A. P. Engelhardt to Kem and Kola Uyezds in 1895]. – Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya [Provincial Printing House], 1895. – 128 p.
 9. Kamkin, N. Arhangel'skie karely [Arkhangelsk Karelians] / N. Kamkin // Drevnyaya i Novaya Rossiya [Ancient and New Russia]. – 1880. – № 2. – P. 296–298.
 10. Voronov, A. Nuzhdy Karelii [Needs of Karelia] / A. Voronov // Izvestiya Arhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa [News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North]. – 1913. – № 3. – P. 115–123.
 11. Bubnovsky, M. I. Puti soobshcheniya v Arhangel'skoj Karelii [Communication routes in Arkhangelsk Karelia] / M. I. Bubnovsky. – Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya [Provincial Printing House], 1917. – 22 p.
 12. Otchet Narodnogo Komissariata Zemledeliya AKSSR za 1925–26 god [Report of the People's Commissariat of Agriculture of the AKSSR for 1925–1926]. – Petrozavodsk: Izdvo Narodnogo Komissariata Zemledeliya AKSSR [People's Commissariat of Agriculture of the AKSSR Publ.]. – 1927. – 115 p.
 13. Sorokin, P. E. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah 1994 g. po trasse «Osudareva doroga» [Report on archaeological research in 1994 along the “Osudareva Doroga” highway] / P. E. Sorokin // Vestnik Nacional'nogo muzeya Respubliki Kareliya [Bull. of the National Museum of the Republic of Karelia]. – 2016. – Issue 7. – P. 256–261.
 14. Belsky, S. V. Korolevskaya doroga mezhdru Keksgol'mom i Kronoborgom: rezul'taty issledovanij istoricheskoy dorogi v Severo-Zapadnom Priladozh'e [The Royal road between Keksholm and Kronoborg: the results of research on the historical road in the Northwestern Ladoga region] / S. V. Belsky, D. V. Gerasimov, A. A. Lipatov, E. R. Mikhailova, D. N. Murzenkov, V. Yu. Sobolev, I. A. Fedorov, K. V. Shmelev // Materialy polevyh issledovanij MAE RAN [Materials of field research of the Museum of Archaeology and Ethnography, RAS]. – 2013. – Issue 13. – P. 153–173.
 15. Rytkölä, H. Vienan Tiye. Historiallista taustaa Suomussalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalalan [On the Viennese Tiye. Historical background for the Suomussalmi Vuok route in Russian Karelia] / H. Rytkölä // Kainuun ympäristökeskuksen raportteja [Reports from the Kainuu Environmental Center]. – 2006. – 54 p.
 16. Shakhnovich, M. M. Arheologicheskie raboty na territorii Kostomukshskogo rajona Respubliki Kareliya [Archaeological works on the territory of the Kostomuksha region of the Republic of Karelia] / M. M. Shakhnovich // 30-letnie nauchnye issledovaniya v zapovednike «Kostomukshskij» [30-year scientific research in the Kostomuksha Nature Reserve]. – Petrozavodsk: Karelian Sci. Centre, RAS, 2015. – P. 215–223.
 17. Konkka, A. P. Karsikko: derev'ya-znaki v obyadah i verovaniyah pribaltijsko-finskih narodov [Karsikko: sign trees in the rituals and beliefs of the Baltic-Finnish peoples] / A. P. Konkka. – Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 2013. – 286 p.
 18. Barsov, E. V. Prepodobnye Obonezhskie pustynnozhiteli: Materialy dlya istorii kolonizatsii i kul'tury Obonezhskogo kraja [Venerable Obonezh hermit's dwellers: Materials for the history of colonization and culture of the Obonezh region] / E. V. Barsov // Pamyatnaya knizhka Oloneckoj gubernii na 1868–1869 god [Memorial book of the Olonets province for 1868–1869]. – Petrozavodsk: Gubernskaya tipografiya [Provincial Printing House], 1869. – P. 3–68.
 19. Georgievsky, A. Kresnozero. (Legenda) [Kresnozero. (Legend)] / A. Georgievsky // Oloneckie gubernskie vedomosti [Olonets Provincial Gazette]. – 1904. – № 43. – P. 3.
 20. Vodnye puti Avtonomnoj Karelskoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki i prilgayushchie k nim lesnye massivy [Waterways of the Autonomous Karelian Soviet Socialist Republic and adjacent forest areas]. – Petrozavodsk: Gostrest «Karelles» [“Karellas” State Trust], 1928. – 136 p.
 21. Golubtsov, N. A. Spisok naselennyh mest Arhangel'skoj gubernii k 1905 godu [List of populated places in Arkhangelsk province by 1905] / N. A. Golubtsov. – Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya [Provincial Printing House], 1907. – 216 p.
 22. Tsirkunov, I. B. Por'ya Guba: opyt istoriko-sociologicheskogo issledovaniya [Porya Guba: experience of historical and sociological research] / I. B. Tsirkunov // Nauka i biznes na Murmane [Science and business in Murman]. – 1996. – Issue 6 (11). – P. 60–86.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках госзадания по теме НИР FMEZ-2024-002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Искренняя признательность за помощь С. В. Тархову, А. П. Конкка, Э. Суоминому, Х. Рюткеля.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the state task on the topic of research FMEZ-2024-002 "Dynamics of the sociocultural appearance of the Kola North in the context of the history of the development of the Arctic frontier of Russia".

Sincere gratitude for the help of S. V. Tarkhov, A. P. Konkka, E. Suominen, H. Rutkel.

Информация об авторе:

Шахнович Марк Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»; <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X> (184209, Российская Федерация, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 14; e-mail: marksuk62@mail.ru).

Author:

Mark M. Shakhnovich – Cand. Sci. (History), Leading Researcher at the Barents Centre of the Humanities, Federal Research Centre Kola Science Centre, RAS, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X> (14, Fersmana st., Apatity 184209, Russian Federation; e-mail: marksuk62@mail.ru).

Для цитирования:

Шахнович, М. М. Каналы озера Каменное: к вопросу о крестьянских гидротехнических сооружениях Карелии / М. М. Шахнович // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 35–44.

For citation:

Shakhnovich, M. M. Channels of Lake Kamennoe: on the issue of peasant hydraulic structures in Karelia / M. M. Shakhnovich // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2024. – № 1 (67). – P. 35–44.

Дата поступления рукописи: 05.02.2024

Прошла рецензирование: 09.02.2024

Принято решение о публикации: 12.02.2024

Received: 05.02.2024

Reviewed: 09.02.2024

Accepted: 12.02.2024

Изменение системы налогообложения крестьян Коми края в XVIII веке

А. К. Гагиева

Коми республиканская академия
государственной службы и управления,
г. Сыктывкар
gngkol2@mail.ru

Аннотация

Работа посвящена исследованию изменений в системе налогообложения крестьян Коми края в XVIII в. На место подворной приходит подушная система, которая кардинальным образом изменила не только систему налогообложения, но и раскладку денежных налогов. Были определены номенклатура налогов и сборов, их динамика, выявлены особенности изменений в налоговой политике и т. д. Как показало изучение денежных налогов на территории Коми края (Яренский - с 1780 г., и Усть-Сысольский уезды), крестьянство выплачивало в пользу государства подушную подать, оброчный сбор и всевозможные «мирские» денежные налоги. Они не оставались неизменными и постоянно возрастали. Появились новые чрезвычайные налоги и сборы. В результате был сделан вывод, что усиление налогового пресса приводило не только к ухудшению экономического положения крестьян, но и активизировало население на поиск новых источников дохода.

Ключевые слова:

оброчный сбор, Яренский уезд, Усть-Сысольский уезд, подушная подать, налоги, крестьяне

Актуальность изучения фискальных отношений в государственной деревне на протяжении феодальной эпохи продолжает сохраняться. Это связано с тем, что данные отношения определяли жизнь каждой крестьянской семьи и оказывали существенное влияние на развитие всей системы феодальных отношений. В исследуемый период изменялась система налогообложения, появились новые виды денежных налогов и сборов, произошел переход к подушному обложению. Крестьянство при этом оставалось основным налогоплательщиком. Актуальность данной темы состоит также в том, что для изучаемой территории отсутствуют специальные исследования, посвященные данному сюжету.

Цель статьи – проанализировать изменения системы налогообложения крестьян Коми края в XVIII в. Для ее достижения автор решала следующие задачи: определяла номенклатуру налогов и сборов, анализировала динамику, выявляла особенности изменений в налоговой политике и ее результат.

Changing the taxation system of peasants of the Komi region in the XVIII century

A. K. Gagieva

Komi Republican Academy of Civil Service and Administration
Syktyvkar
gngkol2@mail.ru

Abstract

The work deals with the study of changes in the taxation system of peasants of the Komi region in the XVIII century. In place of the household comes the poll system, which has radically changed not only the taxation system, but also the distribution of monetary taxes. The nomenclature of taxes and fees, their dynamics were determined, the specifics of changes in tax policy were revealed, etc. As shown by the study of monetary taxes on the territory of the Komi region (Yarensk, since 1780, and Ust-Sysolsk Uyezds), the peasantry paid poll taxes, quitrent and all kinds of «mundane» monetary taxes in favour of the state. They did not remain unchanged and were constantly increasing. New emergency taxes and fees have been introduced. As a result, it was concluded that the strengthening of the tax press led not only to a deterioration in the economic situation of the peasants, but also activated the population to search for new sources of income.

Keywords:

quitrent, Yarensk Uyezd, Ust-Sysolsk Uyezd, poll tax, taxes, peasants

История фискальных отношений Европейского Севера имеет обширную историографию, особенно это касается XVII в. Первыми работами в этом направлении были труды М. М. Богословского «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.» [1] и С. Б. Веселовского «Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства» [2]. Авторы представили номенклатуру налогов и сборов северных черносошных крестьян в XVII в. и совершенно справедливо указали на ведущую роль крестьянской общины, которая принимала активное участие в их раскладке. Вместе с тем, в работах не всегда оправдано наблюдалось перенесение данных о номенклатуре и размерах налогов и повинностей, падавших на черносошных крестьян, крестьян монастырских и наоборот. Не стала предметом изучения исследователей и выплата денежных налогов и сборов в начале XVIII в., когда налоговая система была кардинально изменена.

В советский период изучение вопросов налогообложения крестьян в северной деревне продолжилось. В первую очередь, это работы А. И. Копанева [3], П. А. Колесникова [4] и др. [5]. Авторы, используя впервые введенные в научный оборот исторические источники, показали не только динамику выплаты налогов и натуральных повинностей в XVII–XVIII вв., но и обратили внимание на специфику фискальных взаимоотношений государственного крестьянства Европейского Севера и государства. При этом были доказаны их постоянный рост и ужесточение налогового давления на население.

В конце XX–начале XXI в. исследование налогообложения вышло на новый уровень. Появились новые интересные методики, ученые изучали фискальные отношения у финно-угорских народов [6], крестьян Центральной России [7] и Сибири [8].

Нельзя не сказать и о региональной историографии. Вопросами фиска, в контексте изучения истории крестьянства Коми края XVIII в., занималась Д. Д. Балуева [9]. В ее работах по истории Республики Коми этому было уделено особое внимание [9, с. 220–231]. Вместе с тем, выполнение населением денежных налогов рассматривалось лишь в контексте ухудшения экономического положения крестьянства и обострения социальных конфликтов [10]. К этим же выводам пришли и авторы обобщающих работ по истории Республики Коми эпохи феодализма [10, с. 270–280].

При изучении истории налогообложения в северной деревне в XVII–начале XVIII в., особо следует отметить исследования М. А. Мацука [11]. Автор ввел в научный оборот не только новый источниковедческий материал, но и представил новую методику анализа денежных налогов и сборов в черносошной деревне. Разработанная Михаилом Александровичем система подсчета позволила показать реальную систему налоговой эксплуатации местного населения и выйти на вопросы бюджетирования крестьянской семьи [11, с. 216].

Вопросами динамики фискального номинального и реального уровней налогов населения Коми края в начале XIX в. занимался П. П. Котов [12]. Он связывал номинальный ряд окладов подушной и оброчной подати с курсом рубля и подчеркивал, что «в реальности в последней трети XVIII в. тяжесть этих налогов оставалась на одном уровне» [10, с. 273]. Изучением фискальных вопросов в Коми крае в XVIII в. занимались и занимаются другие исследователи [5]. Изучая крестьянскую поземельную общину, они указывают на изменение системы налогообложения в исследуемое время [5, с. 54–64]. Вместе с тем, в литературе по истории Коми края отсутствуют работы, посвященные данному сюжету, что еще более актуализирует заявленную тему.

Для достижения цели в работе были использованы опубликованные и неопубликованные документы. Неопубликованные были представлены документами, отложившимися в различных архивохранилищах страны: Российского государственного архива древних актов [13] и Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН [14]. Были изучены постановления воевод-

ской канцелярии, уездного суда, документы волостных органов управления, отчеты и донесения представителей волостной и уездной администраций по вопросам землевладения и землепользования. Для решения задач исследования также был привлечен массив опубликованных источников – нормативные и законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, издание первое [15].

Необходимо отметить, что исследователям, занимающимся проблемами феодализма, представленные исторические источники хорошо известны. Тем не менее для изучения системы налогообложения крестьянства Коми края в исследуемое время они привлечены впервые.

Как уже неоднократно отмечалось, Коми край – термин условный. Он включал территории бассейнов текущих в разных направлениях рек: Печоры, Вычегды, Сысолы и их притоков. Население, проживающее здесь, было представлено коми-зырянами и издавна проживало в крестьянских общинах. Административными центрами к концу изучаемого периода были города Яренск и Усть-Сысольск, относящиеся к Вологодской губернии. Северные районы: Пустозерский уезд и Пысская волость входили в Мезенский уезд Архангелогородской, а южные – районы рек Лузы и Летки – в Лальский уезд Вологодской губерний [10, с. 218–236].

Крестьянство, живущее здесь, в большинстве своем относилось к категории черносошных, а с начала XVIII в. – государственных. Они не знали крепостной зависимости, выплачивали налоги и исполняли государственные повинности в пользу государства, которое являлось собственником всей земли в крае, включая удобные и неудобные для хлебопашества земли. Власть в лице императора передавала право пользования землей крестьянским организациям, за что последние должны были выплачивать денежные налоги и исполнять повинности [10, с. 237–245].

Начиная со второй половины XVIII в. правительство постепенно начинает крупномасштабные мероприятия по регламентации всех денежных налогов и сборов, получаемых с государственной деревни. Начало было положено Указами Екатерины II, когда в стране была проведена денежная реформа. Все денежные налоги и сборы были условно разделены на две большие группы – государственные и «земские». К первой группе были отнесены денежные налоги и сборы, узаконенные имперскими правительственными актами, а также поступавшие из центральных органов власти и управления в Яренскую воеводскую канцелярию. В нашем случае – это указы, поступающие из городов Вологды и Архангельска. Вторая группа – это денежные сборы, которые накладывались на крестьян на «мирском» сходе с целью сбора денег на содержание крестьянского управления и «мирской» избы, выплату денежного вознаграждения для сопровождения заключенных, отправку собранных налогов и сборов в города Яренск и Усть-Сысольск, командирование крестьянского представителя в уездный город для решения текущих дел волости и др. Следует отметить, что к концу XVIII в. наблюдается строгая регламентация налогов первой группы, вторая группа была унифицирована лишь

в 1843 г. В изучаемое время отсутствовали законы и иные распоряжения правительства о сборе денег на нужды волюности и деревни. Они становились обязательными только после принятия решений на «мирском сходе» и вводились по потребности крестьян.

Известно, что на протяжении XVIII в. изменялись не только номенклатура денежных налогов и сборов, но и принцип их сбора. К началу изучаемого периода в России существовал подворный принцип сбора налогов. В основе оклада лежало зафиксированное в писцовых книгах число крестьянских дворов. С 1718 г., по распоряжению Петра I, начинается кардинальное изменение фискальной политики. Этому была посвящена целая серия законодательных актов. Так, если за период с 1650 по 1825 г. было издано всего 142 распоряжения по данному вопросу, то с 1718 по 1800 г. – 92 [15, Т.8. № 5226; Т. 9. № 7205; Т. 12. № 9244; Т. 15. № 1112]. Они включали не только распоряжения по изменению всей системы налогообложения, но и четко указывали на основные виды денежных налогов и сборов. С 1724 г. подтверждался новый принцип сбора денежных налогов не со двора, а с «души мужского пола», записанной в кадастровые росписи (ревизские сказки). Этот новый принцип налогообложения просуществовал в течение всего изучаемого периода.

У государственных крестьян России и Коми края основная ответственность за сбор налогов и различных сборов возлагалась на крестьянскую общину и выборное крестьянское управление. Последнее должно было исправно следить за их выполнением [15. Т.23. № 1546; Т. 24, № 17082]. В узаконениях говорилось о наказаниях за невыплату налогов, предлагались меры по борьбе с недомками, «учинившимися при сборе оных». Параллельно с этим неоднократно указывалось на недопустимость излишних сборов с крестьян со стороны администрации как уездной, так и волостной. Подтверждалось и наказание должностных лиц за подобные действия.

В исторической литературе существует мнение, что причиной изменений фискальной политики государства была «постоянная нехватка денег для ведения войны» [10, с. 270]. С этим трудно не согласиться. Однако не только война со Швецией привела к изменениям в системе сбора денежных налогов. Существовали и экономические причины, связанные с продолжающейся модернизацией страны, появлением новых промышленных центров и т. д. Все это требовало новых денежных поступлений. Расширение налоговой базы, повышение налогов проходило в русле укрепления собственности государства на землю и связанной с ней системы бюрократического контроля, что усиливало политическое могущество императора и утверждало новый порядок фискального надзора. Переход на подушное обложение, таким образом, рассматривался властью как территориально-силовой ресурс, подкрепляющий независимость имперской власти перед лицом крупных феодалов.

В исследуемое время кардинально изменяется номенклатура налогов и повинностей крестьян. Как показано в исследованиях М. А. Мацука, к началу исследуемого периода черносошные крестьяне страны и Коми края кро-

ме окладных денег со двора платили в казну стрелецкие деньги, а также чрезвычайный налог – деньги ратным людям на жалование, и выполняли целый ряд натуральных повинностей в денежной форме: ямскую, поставку даточных людей в стрелецкие и солдатские полки и т. д. [10, с. 271]. Причем, стрелецкие деньги собирались до 1724 г., когда была введена подушная подать.

Подушная подать в начале XVIII в. определялась исходя из размера оклада двора стрелецкими деньгами. Так, по первой ревизии в стране насчитывалось 5603 тыс. «тягловых» душ, и подушный налог составил в 1724 г. 74 коп. После уточнения числа налогоплательщиков сумма снизилась до 70 коп. с души [16, с. 48]. Однако появились трудности. Известно, что крепостные крестьяне, кроме подушной подати, исполняли еще и всевозможные натуральные повинности в пользу помещика. Последний сам определял их номенклатуру и сроки выполнения. Исходя из этого, повинности государственных крестьян, определенные законодателем, оказались ниже, чем у крепостных. Для того, чтобы сгладить это противоречие, император одновременно с введением подушной подати ввел для черносошных крестьян и других сословий – оброчный сбор – 40 коп. с души [10, с. 271]. При этом было гарантировано, что «больше того никаких денежных и хлебных податей и подвод иметь и платить неповинны» [17, с. 139].

После смерти Петра I налог снизился и составил в 1740 г. 53 коп., на следующий год, в 1741 г., – уже 70 коп. В 1744–1750 гг. брали по 60 коп., а в 1744–1750 гг. – по 70 коп. с души мужского пола. В 1751 г. – 67 коп., 1752 г. – 66, 1757–1758 гг. – 62, а с 1759 по 1793 г. – 70 коп., в 1793 г. – по курсу ассигнационного рубля, он составил 72 коп., в 1794 г. – 87 коп., 1795 г. – 1 руб. 02 коп., и в 1798 г. – 1 руб. 46 коп. Аналогичная ситуация была и с оброчным сбором. С 1724 по 1760 г. он составлял 40 коп. с души. По Указу от 12 октября 1760 г. сбор был повышен до 60 коп., а в 1769 г. уже составлял 2 руб., в 1783 г. – 3 руб. 57 коп. [14, Ф. 1. Оп. 12. Д. 45; Ф. 5. Оп. 2. Д. 401].

Правительство в 1797 г. в отношении выплаты оброчного сбора ввело принцип учета и сбора денег исходя из «экономических выгод состояния губерний». Все губернии были разделены на четыре класса, в пределах которых определялись принципы введения оброка. Яренский и Усть-Сысольский уезды (Вологодская губерния) вошли в третий класс, но оброчная выплата была назначена по уровню четвертого класса, намного более низкому. В итоге все государственные крестьяне Коми края выплачивали до 1810 г. 3 руб. 57 коп. оброчного сбора с души мужского пола [15, т.31, № 24116; т. 32, № 24992, 24993].

Кроме основных денежных налогов с крестьянства собирали различные денежные налоги и сборы. Так, в Яренском уезде, с 1711–1712 гг. существовал «провинантский сбор», когда необходимо было собирать деньги для отправки «своими силами ржаной муки для воинских людей в г. Архангельск», а также денежный налог «в военный приказ ратным людям на жалование» [10, с.271]. Он получил несколько названий: «полуполтинный», «деньги военного приказа на жалование драгунам», «драгунские деньги». Сумма его составляла 25 коп. с крестьянского

двора. Существовали и другие сборы. В 1706 г. сбор по 8 коп. с каждого двора «на дачу рекрутам» и «на дачу армейским извощикам»; в 1707 г. – «на наем подвод под артиллерийские припасы» – от 6, до 13 коп. со двора. В 1710 г. собирались деньги на строительство г. Санкт-Петербург: «к петербургскому городскому делу на кирпичное дело», «на известное жжение (жжение извести)», «на припасы и на дело судов» и др. Всего их общий размер составлял 30 коп. со двора. В 1713 г. собирались «полтинные деньги» «для нынешней с турками войны» [17, с. 124–125]. Денежным сбором были обложены оформление бумаг и использование «гербовой бумаги». В литературе он получил название «канцелярских сборов». Общее количество сборов в исследуемое время приближалось к 50 [10, с. 272].

После смерти Петра I часть сборов была отменена и к концу исследуемого периода наблюдалась тенденция, когда власть не увеличивала сумму основных денежных налогов, а постепенно присоединяла все сборы, которые существовали самостоятельно к подушной подати.

Нельзя не согласиться с мнением П. П. Котова, что рост подушной подати в отдельные периоды, например, в конце изучаемого периода, был связан «с падением курса денег и стремлением компенсировать потери реальных выплат» [10, с. 340]. В другие периоды правительство шло на увеличение подушной подати, учитывая, возможно, потери от снижения курса бумажных денег. Возможно, с этой же причиной связано и изменение суммы оброчного сбора, который в первой половине XIX в. постоянно увеличивался [10, с. 339].

Как и на всей территории имперской России, в Коми крае местные административные власти прилагали все усилия, чтобы собрать государственные налоги в полном объеме. До 1780 г. налоги должны были поступать в уездную канцелярию, а в последующее время – в уездные казначейства. Обычно указ о начале сбора поступал в уездные органы из провинциального, а позднее из губернского центров. В нем указывалась сумма, которую необходимо было получить с населения уездов. Из городов Яренска и Усть-Сысольска на места отправляли указ о том, сколько должна собрать каждая волость. Крестьянское управление должно было совершить раскладку налогов внутри общины и своевременно отчитаться.

Вторую группу денежных налогов составляли так называемые «земские» сборы. В нашем распоряжении имеется расходная книга земского целовальника Гарьинской волости Михаила Авакумова за 1774 г. В источнике расписаны все потраченные суммы, собранные от населения. Это оплата самых разнообразных поручений: от «письмовождения и приложения руки» к документам, до «сбора и отправки подушных денег в Яренск» [13, д. 172, л. 44–45]. Данный документ являлся подтверждением работы земского целовальника по расходованию «мирских денег». Появление его было связано с жалобой крестьян Гарьинской волости на земского целовальника в Яренскую канцелярию на «неправильные сборы» [13, д. 172, л. 44–45]. Крестьяне волости были недовольны собранными суммами, которые, по их мнению, были «в излишестве». Яренская воеводская канцелярия организовала проверку.

Она подтвердила воровство и нецелевое расходование «мирских» сумм. Итогом стало отстранение Авакумова от должности. И такие случаи не единичны [13, д. 189, 193, 238 и др.].

Следует признать, что власть, в лице Яренской воеводской канцелярии, а позднее Усть-Сысольского уездного суда, неоднократно призывала представителей крестьянского управления «истребить» финансовые злоупотребления, но ничего не помогало. Выбранные в крестьянское управление должностные лица, которые должны были отвечать за сбор, доставку, сохранность денежных налогов, собранных в волостях, воровали, присваивали собранные суммы и своим поведением вызывали горькое разочарование.

Причина этого, на наш взгляд, коренилась не только в личных качествах отдельного представителя управления, но и в том, что крестьянская община сама раскладывала все денежные налоги и сборы «между собою» с учетом состоятельности каждого крестьянина и его семьи. Тогда как государство назначало выплату налогов исходя, как уже было отмечено, из числа «душ мужского пола», проживающих в данной волости, не учитывая состоятельности населения. Мирские сборщики, в нашем случае целовальники, должны были собрать общую сумму и отправить ее в г. Яренск, а позднее – в Яренск и Усть-Сысольск. Сама раскладка не была прописана, поэтому лица, отвечающие за нее, могли уменьшить оклад у одних и прибавить другим. При этом отсутствовали объяснения со стороны управления. Это вызывало недоумение и протест у односельчан.

Должностные лица по своему усмотрению скрывали реальные оклады, делали неточные записи, небрежно оформляли решения мирских сходов. Окладные книги не сохранялись, сбор денег не фиксировался, уездная администрация не осуществляла никакого контроля. Главным всегда оставались своевременность доставки налогов и отправка их в губернский центр. На местах «мирской» сход не всегда был в состоянии проследить за всеми манипуляциями должностных лиц. Если же это происходило, то их или «самовольно смещали» всем обществом, или отправляли многочисленные жалобы на «неверные и сомнительные сборы» в вышестоящие органы и уездные города.

Таким образом, денежные налоги и сборы крестьян Коми края на протяжении исследуемого периода не оставались неизменными. В первую очередь изменился принцип налогообложения. Подворный был заменен подушным. Появились новые чрезвычайные налоги и сборы. Наблюдался постоянный их рост.

Вместе с тем, необходимо признать, что усиление налогового пресса приводило не только к ухудшению экономического положения крестьян, но и активизировало население на поиск новых источников дохода. Известно, что в конце исследуемого периода возрастает роль внеземледельческих занятий, идет пространственное расширение территорий, появляются новые производства. Доходы от внеземледельческих занятий постепенно вытесняют доходы от сельскохозяйственных, становясь главным источником дохода для уплаты денежных налогов и сборов.

Источники и литература

1. Богословский, М. М. Земское самоуправление на Русском Севере. XVII в. Т. 1 / М. М. Богословский. – Москва : Изд. Императорского Общества истории и древностей, российских при Московском университете: Синодальная типография, 1909–1912. – 824 с.
2. Веселовский, С. Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства / С. Б. Веселовский. – Москва, 1915. – 466 с.
3. Копанев, А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. / А. И. Копанев. – Ленинград : Наука, 1984. – 244 с.
4. Колесников, П. А. Северная деревня в XV–первой половине XIX в. / П. А. Колесников. – Вологда, 1976. – 416 с.
5. Гагиева, А. К. Роль крестьянской поземельной общины северной деревни в урегулировании поземельных конфликтов в XVIII в. (на примере Коми края). Документ, архив, история и современность: сборник научных трудов. Вып. 23 / А. К. Гагиева. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2023. – С. 54–64.
6. Кузьмин, Е. П. Марийские государственные крестьяне в системе судопроизводства уездных воевод в XVIII в. / Е. П. Кузьмин // Крестьянство в Российских трансформациях: исторический опыт и современность. Материалы III Всероссийской (IX Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. – Ижевск, 2010. – С. 241–246.
7. Александров, В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.) / В. А. Александров. – Москва : Наука, 1976. – 322 с.
8. Громыко, М. М. Западная Сибирь в XVIII в.: русское население и земледельческое освоение / М. М. Громыко. – Москва : Наука, 1965. – 265 с.
9. Балужева, Д. Д. Имущественное расслоение и развитие отходничества в Коми деревне к середине XVIII в. / Д. Д. Балужева // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.). – Москва, 1958. – С. 220–231.
10. История Коми: с древнейших времен до конца XX в. В 2-х т. / под общ. ред. А. Ф. Сметанина. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. – 560 с.
11. Мацук, М. А. Фискальная политика русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век) / М. А. Мацук. – Сыктывкар : Ин-т яз., лит. и истории Коми науч. центра УрО РАН, 2007. – 216 с.
12. Котов, П. П. Динамика уровня земледелия в Коми края в конце XVIII–начале XX веков / П. П. Котов. – Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1996. – 165 с.
13. Российский Государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 609 «Яренская воеводская канцелярия». Оп 2. Д. 172–238.
14. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии наук (далее – НА КНЦ УрО РАН). Ф.1. Президиум Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (1910–2011); Ф.5. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (1970–2008).
15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. (ПСЗРИ–I) / под редакцией М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург: Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
16. Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва. Т. 1 / Н. М. Дружинин. – Москва : Наука, 1946. – 542 с.
17. Дмитриева, З. В. Налоги в России до XIX в. / З. В. Дмитриева, С. А. Козлов. – Санкт-Петербург, 2001. – 288 с.

Reference

1. Bogoslovsky, M. M. Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe. XVIII v. [Zemstvo self-government in the Russian North. XVII century]. Vol. 1 / M. M. Bogoslovsky. – Moscow: Edition of the Imperial Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University: Synodal Printing House 1909–1912. – 824 p.
2. Veselovsky, S. B. Soshnoe pis'mo: issledovanie po istorii kadastra i pososhnogo oblozheniya Moskovskogo gosudarstva [Settlement letter: study on the history of the cadastre and taxation of the Moscow State] / S. B. Veselovsky. – Moscow, 1915. – 466 p.
3. Kopanev, A. I. Krestyane Russkogo Severa v XVII v. [Peasants of the Russian North in the XVII century] / A. I. Kopanev. – Leningrad: Nauka, 1984. – 244 p.
4. Kolesnikov, P. A. Severnaya derevnya v XV-pervoi polovine XIX v. [Northern village in the XV - first half of the XIX century] / P. A. Kolesnikov. – Vologda, 1976. – 416 p.
5. Gagieva, A. K. Rol' krestyanskoj pozemelnoj obschiny severnoi derevni v uregulirovanii pozemelnykh konfliktov v XVIII v. (na primere Komi kraja). Dokument, arhiv istoriya i sovremennost' [The role of the peasant land community of the Northern village in the settlement of land conflicts in the XVIII century (case study of the Komi region). Document, archive history and modernity]. Collection of sci. papers. Issue 23 / A. K. Gagieva. – Ekaterinburg: Ural Univ. Publ. House, 2023. – P. 54–64.
6. Kuzmin, E.P. Mariiskie gosudarstvennie krestyane v sisteme ssudoproizvodstva yezdnykh voevod v XVIII v. [Mari state peasants in the judicial system of Uyezd governors in the XVIII century] / E. P. Kuzmin // Peasantry in Russian transformations: historical experience and modernity. Materials of the III All-Russian (IX Interregional) Conf. of Historians - Agrarians of the Middle Volga region. – Izhevsk, 2010. – P. 241–246.
7. Aleksandrov, V. A. Selskaya obschina v Rossii (XVII-nachalo XIX v.) [Rural community in Russia (XVII - early XIX century)] / V. A. Aleksandrov. – Moscow: Nauka, 1976. – 322 p.
8. Gromyko, M. M. Zapadnaya Sibir' v XVIII v.: russkoe naselenie i zemledelcheskoe osvoenie [Western Siberia in the XVIII century: Russian population and agricultural development] / M. M. Gromyko. – Moscow: Nauka, 1965. – 265 p.
9. Balujeva, D. D. Imuschestvennoe rassloenie i razvitie othodnichestva v Komi derevne k seredine XVIII v. [Property differentiation and development of seasonal work in the

- Komi village by the mid-XVIII century] / D. D. Balueva // On the issue of primitive accumulation in Russia (XVII - XVIII centuries). – Moscow, 1958. – P.220 – 231.
10. Istoriya Komi: s drevneishih vremen do konca XX v. [History of Komi: from ancient times to the end of the XX century]. In 2 vols. Vol.1. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 2004. – 560 p.
 11. Matsuk, M. A. Fiskalnaya politika russkogo gosudarstva i buduschie gosudarstvennie krestyane Komi kraja, Severa i Yuga Rossii: obschee i osobennoe (XVII vek) [Fiscal policy of the Russian state and future state peasants of the Komi region, North and South of Russia: general and special (XVII century)] / M. A. Matsuk. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2007. – 216 p.
 12. Kotov, P. P. Dinamika urovnya zemledeliya v Komi krae v konce XVIII-nachale XX vekov [Dynamics of the level of agriculture in the Komi region at the end of the XVIII - beginning of the XX centuries] / P. P. Kotov. – Syktyvkar, Syktyvkar State Univ., 1996. – 165p.
 13. Rossiiskiy Gosudaarstvennii arhiv drevnih aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 609 «Yarensk Voivodship Office». Op. 2. D. 172–238.
 14. Nauchnii arhiv Komi nauchnogo centra Uralskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk [Scientific archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences]. F.1. Presidium of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (1910–2011); F.5. Inst. of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (1970 – 2008).
 15. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe. 1649-1825 gg. (PSZRI-I) [Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection. 1649-1825]. Ed. M.M. Speransky. Publ.: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Chancellery of St. Petersburg. 1830.
 16. Druzhinin, N. M. Gosudarstvennie krestyane i reforma P. D. Kiselyova [State peasants and the reform of P. D. Kiselyov]. Vol. 1 / N. M. Druzhinin. – Moscow: Nauka, 1946. – 542 p.
 17. Dmitrieva, Z.V. Nalogi v Rossii do XIX v. [Taxes in Russia before the XIX century] / Z. V. Dmitrieva, S. A. Kozlov. – St.Petersburg: 2001. – 288 p.

Информация об авторе:

Гагиева Анна Капитоновна – доктор исторических наук, доцент ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной службы и управления», кафедра государственного и муниципального управления, профессор (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11; e-mail: gngkol2@mail.ru).

Author:

Anna K. Gagieva – Dr. Sci. (History), Assistant Professor, Prof. Komi Republican Academy of Public Administration and Management, Department of State and Municipal Administration (11, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: gngkol2@mail.ru).

Для цитирования:

Гагиева, А. К. Изменение системы налогообложения крестьян Коми края в XVIII веке / А. К. Гагиева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 45–50.

For citation:

Gagieva, A. K. Changing the taxation system of peasants of the Komi region in the XVIII century / A. K. Gagieva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1(67). – P. 45–50.

Дата поступления рукописи: 19.02.2024

Прошла рецензирование: 22.02.2024

Принято решение о публикации: 26.02.2024

Received: 19.02.2024

Reviewed: 22.02.2024

Accepted: 26.02.2024

Благочинные монастырей в системе церковного управления Российской империи в конце XVIII–начале XX века

А. В. Рожина

Северо-Западный институт управления,
г. Санкт-Петербург
arojina@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению роли благочинных монастырей в системе церковного управления и их влиянию на деятельность православных иноческих обителей в Российской империи в конце XVIII–начале XX в. Опираясь на законодательные акты, архивные делопроизводственные документы, автор анализирует сферу деятельности благочинных в структуре церковных властей Синодального периода. Делается вывод, что благочинные в соответствии с инструкцией, а также предписаниями епископа и консистории осуществляли непосредственный контроль над православными монастырями: составом братии, хозяйственной, финансовой и благотворительной деятельностью.

Ключевые слова:

Русская православная церковь, Синодальный период, синодально-епархиальное управление, Вологодская губерния, Вологодская епархия, церковные власти, монастыри, благочинные монастырей

Изучение системы управления Русской православной церковью в Синодальный период началось еще в дореволюционный период. Этот вопрос поднимали в своих трудах Т. В. Барсов, архиепископ Филарет (Гумилевского) и другие авторы [1; 2]. В историографии постсоветского периода вновь возрос интерес к изучению синодально-епархиального управления в России, что на сегодняшний день является актуальной темой для исследований [3–7]. При этом положению благочинных монастырей в структуре духовного ведомства не уделяли особого внимания в исторической науке, хотя именно они осуществляли прямой контроль над функционированием православных обителей.

Цель исследования – изучение роли благочинных монастырей в системе церковного управления Российской империи и их влияние на деятельность православных иноческих обителей в конце XVIII–начале XX в. Основными источниками для реализации поставленной цели послужили как указы Святейшего Синода, так и архивные документы Вологодской епархии из фондов Государственного архива Вологодской области, Великоустюгского

Deans of monasteries in the system of Church administration of the Russian Empire in the late XVIII–early XX century

A. V. Rozhina

North-Western Institute of Management
St. Petersburg
arojina@bk.ru

Abstract

The paper deals with the study of the role of deans of monasteries in the system of Church administration and their influence on the activities of Orthodox monastic monasteries in the Russian Empire of the late XVIII – early XX centuries. Based on legislative acts and archival records, the author analyzes the scope of activity of deans in the structure of church authorities of the Synodal period. It is concluded that the deans, in accordance with the instructions, as well as the instructions of the bishop and the consistory, exercised direct control over Orthodox monasteries: the composition of the brethren, economic, financial and charitable activities.

Keywords:

Russian Orthodox Church, Synodal period, synodal-diocesan administration, Vologda province, Vologda diocese, church authorities, monasteries, deans of monasteries

центрального архива, Национального архива Республики Коми. Отчеты монастырских благочинных долгое время не рассматривали как ценный исторический источник по истории церкви, при этом в этих документах отражены сведения о составе братии, данные по экономическому развитию обителей и другим аспектам их деятельности.

Рассматривая роль благочинных в структуре церковных властей Синодального периода, необходимо отметить, что они были включены в управление второго уровня, связанное с епархиальным ведомством. Первоначально для разбора распрей и примирения в православных монастырях была введена должность десятоначников, которая просуществовала в духовном ведомстве до 1797 г. По именному указу, изъясненному в указе Святейшего Синода 1799 г., в структуру епархиального управления для осуществления «ближайшего» (непосредственного) контроля над монастырями вместо десятоначников была введена должность благочинных, которых, по представлению духовной консистории, назначал архiereй из самих настоятелей иноческих обителей [8, с. 750–754].

Важное значение при определении роли благочинных монастырей в системе церковного управления и их влияние на деятельность православных иноческих обителей имеют источники нормативно-распорядительного характера, которые представлены главным образом инструкциями. В период правления императора Николая I, с целью приведения к единообразию деятельность благочинных монастырей, в 1828 г. Святейший Синод принимает общую инструкцию, в которой были изложены их должностные обязанности. Благочинному монастырей (*фактически непосредственному «помощнику епископа» за деятельность монастырей – А. Р.*) было положено посещать иноческие обители, входящие в сферу его контроля (один или два раза в год), он наделялся правом неограниченного осмотра монастырских хозяйств. По инструкции «помощник епископа» осуществлял наблюдение за хозяйственной деятельностью обителей (проверял содержание зданий, заготовление хозяйственных припасов) и состоянием финансов (ведение монастырских приходно-расходных книг, хранение денег и пр.), а также должен был *«делать наставления»* [9, с. 143].

На основании «Устава духовных консисторий» 1841 г. надзор за хозяйственным управлением в монастырях предписывалось осуществлять консистории, а «ближайший» (*непосредственный – А. Р.*) контроль определялось производить благочинным, которые были обязаны проверять приходно-расходные книги, «входить в положение хозяйства» (*вникать в состояние хозяйства – А. Р.*) и сообщать о том епархиальному начальству. В дальнейшем эти донесения рассматривались в консистории. При смене настоятеля монастыря передача дел должна была осуществляться «при посредстве» благочинного [10, с. 237].

«Устав духовных консисторий» определял особое участие благочинного монастырей при осуществлении так называемых *«мелочных постройок и починки»*, т. е. построек на сумму менее 1500 руб. серебром (*текущие небольшие строительные работы – А. Р.*), которые должны были осуществляться под наблюдением благочинного, следовало контролировавшему во время работ и после их завершения не только исправность построек, но и умеренность цен на материалы и работы [там же, с. 240].

Согласно «Уставу духовных консисторий», благочинные играли важную роль при рассмотрении дел, которые касались так называемых *«проступков и преступлений лиц духовного звания против должности, благочиния и благоповедения»*. Во-первых, такие дела рассматривались не только по сообщениям «присутственных мест», должностных лиц или прошениям прихожан, но и в результате непосредственных донесений благочинных [там же, с. 241].

При спорах между лицами духовного звания в результате пользования движимым и недвижимым имуществом на благочинного возлагались фактически обязанности следователя в выяснении сути конфликтной ситуации: *«... привести в известность, точно ли нарушено право просящего, кем и в чем именно»* [там же, с. 247–248].

В архивных фондах Канцелярии Велико-Устюжского епископа и Вологодской духовной консистории частично сохранились отчеты (рапорты) благочинных с 50-х гг. XIX в.,

что позволяет восстановить, как осуществлялся «ближайший» контроль благочинных за деятельностью иноческих обителей, а также оценить степень вмешательства в деятельность монастырей. В рапортах епископу благочинные докладывали обо всех подведомственных их контролю вопросах: о состояниях финансов, построек и ремонтных работах, ведении сельского хозяйства и рыбной ловле, об открытии благотворительных заведений, а также о взаимоотношениях настоятеля и братии [11, л. 2–6].

Благочинный играл определенную роль и в формировании монастырской общины. Несмотря на то, в период «Великих реформ» указом Святейшего Синода от 29 сентября 1865 г. было упрощено принятие в монашество, роль благочинного в этом вопросе оставалась неизменной [12, с. 989]. К прошению о постриге помимо увольнительного свидетельства из губернской казенной Палаты и свидетельства, удостоверяющего, что для вступления в монашество нет препятствий, непременно прилагалась рекомендация от «отца благочинного», только после получения которой «решалось дело» [13, л. 9–9 об.].

Через «отцов благочинных» епархиальные власти были осведомлены о численности монастырской общины, что влияло на государственное содержание штатных монастырей. Известно, что с 1865 г. происходит увеличение доходов православных обителей Российской империи за счет прибавления к окладам духовенства денежных выплат: к финансированию монастырей было ежегодно добавлено 186,2 тыс. руб. [4, с. 75]. При этом, данные монастырских приходно-расходных книг, годовых отчетов настоятелей и благочинных монастырей Вологодской губернии демонстрируют сокращение государственных выплат в ряде монастырей, что напрямую было связано с сокращением числа братии. По этой причине, например, окладное финансирование Спасо-Прилуцкого мужского монастыря (2 класса) Вологодского уезда в 1870-х гг. сократилось на 140,51 руб. и составило 1905, 84 руб., а в 1893 г. было уменьшено до 1250,0 руб. [14, л. 1–4 об.; 15, л. 23–30].

В аналитических рапортах благочинных по Велико-Устюжскому уезду Вологодской губернии начала XX в. сообщается, что в штатных мужских монастырях численность братии была также меньше, чем предписанная по штатным ведомостям. В рапорте за первую половину 1900 г. благочинный Павел отчитывался епископу Гавриилу, что в Михайло-Архангельском 2-классном монастыре вместо 34 чел. проживало восемь монахов и один послушник, что более чем в два раза меньше положенного. В женских обителях Вологодской губернии, напротив, численность поживавших была выше, чем предписывалось по штатным ведомостям, что не давало возможности увеличения штатного финансирования. К примеру, в Троицко-Гледенском монастыре (преобразованном в 1912 г. из мужского в женский) проживали шесть инокинь и 41 послушница [16, л. 12; 17, л. 6].

В ходе регулярных проверок финансовой документации с середины XIX в. деятельность настоятелей стала непосредственно контролироваться благочинными. Власть этих чиновников усиливалась за счет осуществления ими функций церковного контрольно-распорядительно-

го органа на местах. Надзор над расходами монастырей осуществлялся благочинными в ходе проверок и ревизий приходно-расходных книг и отчетов по неокладным суммам. На материалах отчетов благочинных и монастырских приходно-расходных книг архивохранилищ Вологды, Великого Устюга и Сыктывкара собраны сведения, позволяющие соотнести источники доходов монастырей Вологодской губернии в конце XIX–начале XX в. Оклад в среднем составлял 4 % от общего дохода обитателей. Остальная часть средств поступала из неокладных доходов: проценты со вкладов (39 %), пожертвования (24), церковные деньги (от продажи икон, свеч и церковных треб) (22), «арендные деньги» (около 7), доходы от хозяйственной деятельности (4 %). Как правило, контроль приходно-расходных книг носил формальный характер, несоответствие расходов по месяцам в общей сумме за год обычно не обнаруживалось, несмотря на их наличие, которое можно иногда заменить при анализе приходно-расходных книг [15, л. 1–11].

При этом, в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре было раскрыто несоответствие сумм в отчетах и приходно-расходных книгах 1877 г., что было доведено до Вологодской духовной консистории [18, л. 34–35]. В результате выявления факта выдачи казначею иеромонаху Паисию денежных средств для закупки товаров на Нижегородской ярмарке в размере 3 тыс. руб., не заверенных собственноручной подписью настоятеля монастыря, последнему был сделан выговор [там же, л. 35 об.]. Рекомендовалось в случае больших покупок пересылать деньги или приобретать необходимые товары в пределах уезда. Кроме того, комиссия посчитала, что из расчета цены за 1 пуд расход на покупку трески завывшался на 13 руб. За обнаруженные нарушения настоятель отчитывался перед Вологодской духовной консисторией [там же, л. 36].

Для оценки качества деятельности благочинных рассмотрим процедуру их назначения и «охват» контролируемых ими монастырей. Если на основании «Устава духовных консисторий» 1841 г. благочинному над монастырями поручалось столько монастырей, «сколько он может с удобности иметь их под своим надзором» [10, с. 231], то в конце XIX–начале XX в. в епархиях были четко выделены благочиннические округа (благочиния) во главе с благочинными для надзора «за нравственностью и хозяйством» в иноческих обителях [19, с. 148–161; 20, с. 1–18].

Назначение на должности в епархиальном ведомстве (в том числе и на должность благочинного монастырей) осуществлялось на усмотрение епархиального архиерея из кандидатов, представленных консисторией. Благочинными монастырей назначали преимущественно настоятелей мужских иноческих обителей, которые наблюдали равно как за мужскими, так и за женскими монастырями. В Вологодской губернии в связи обширностью территории назначение на должности благочинных монастырей имело свои особенности. Для юго-восточной части епархии благочинными, как правило, были настоятели крупных монастырей Вологодского уезда (преимущественно Спасо-Каменного монастыря), для северо-западной части –

настоятели Николаево-Прилуцкого заштатного монастыря Великоустюжского уезда [5, л. 1–22; 21, л. 1].

К приезду благочинных монастыри готовились не меньше, чем к визиту епархиальных архиереев. В связи с этим, в 1898 г. в Вологодской епархии на основании резолюции епископа был принят циркулярный указ духовной консистории за № 15. Он предписывал не тратить «церковные деньги или Попечительския на прием выезжающих для ревизии и обозрения церквей Епископов и благочинных» и предупреждал о наказании за ослушание равно как «за растрату церковного имущества» [22, л. 30].

Как упоминалось выше, согласно инструкции 1828 г., в случаях нарушений порядка в иноческих обителях благочинный наделялся судебными полномочиями: должен был разбирать распри и проступки братии, «проводить дознания». В делопроизводственных документах фонда Троицко-Стефановского Ульяновского монастыря за 1898 г. зафиксирован факт несоответствующего поведения в монастырской общине. По делу «о разных беспорядках», рассмотренном в духовном правлении и консистории в 1898 г., выяснилось, что три года тому назад иеромонах Александр «нашел оскорбление действием иеродиакону Аркадию ударив рукою по лицу во время богослужения» [там же, л. 10–11 об.].

Возможно, этот факт остался бы неизвестен, но о нем доложил благочинному монастырей один из свидетелей этого поступка послушник Николай Белков, переведенный из обители, в которой отмечали факт данного оскорбления в восстановленный Николаево-Коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда. Иеромонаху Александру за проступок была предписана епитимия сроком на один месяц, которую вскоре заменили взысканием штрафа в размере 8 руб. в пользу епархиального попечительства «в виду необходимости в нем при наступлении монастырских полевых работ» [там же, л. 24–25 об.]. Этот редкий случай из церковного судопроизводства конца XIX в. демонстрирует непосредственное участие в деле благочинного.

Зачастую благочинные исполняли роль информатора-посредника между епархиальным начальством и монастырями и по другим вопросам. Как правило, указы церковных властей доводились до настоятелей не напрямую, а через благочинных монастырей. При этом, обители получали копии документов, а поступление денег находилось строго под контролем епархиальных властей. Несмотря на то, что формально «отцы благочинные» подчинялись епископу, согласно сведениям из делопроизводственных и отчетных документов по Вологодской епархии, на практике они зачастую также выполняли указы консистории, духовного правления [23, л. 1–3].

С конца XIX в. через благочинных консистория оповещала монастыри о необходимости организации сбора пожертвований. На основании указов Синода епархиальные власти регламентировали организацию так называемых «кружечных» и «тарелочных» сборов в монастырях и через благочинных вели учет денежных поступлений от верующих, которые распределяли в зависимости от предписаний. На благочинного возлагались обязанности контроля исполнения предписаний по организации денежных

сборов [24, л. 42, 42 об.; 25, л. 32]. Внутри монастырей общее руководство над сбором пожертвований осуществляли настоятели, при этом денежные средства находились в прямом ведении казначея, все поступления записывались в книги прихода и расхода и отчетные ведомости [26, л. 12–13 об.].

Расходы иноческих обителей Вологодской епархии на благотворительность в конце XIX–начале XX в. составляли около 7 % от общих расходов [6, с. 135]. Особенно остро этот вопрос контролировался в годы Первой мировой войны, когда благочинный в отчетах, помимо прочего, отдельно сообщал об объеме пожертвований монастырей и видах благотворительной деятельности в пользу раненых воинов и членов их семей [27, с. 137].

На основе отчетов «помощников епископов» удалось подсчитать, что в монастырях Вологодской губернии за 1915 г. было собрано «на нужды войны» 3 686 руб. 66 коп., из них 3242 руб. 98 коп. отправлены для больных и раненых воинов (в пользу Красного Креста), остальные средства – беженцам и семьям лиц, взятых на войну [28, л. 8; 29, л. 6 об.; 30, л. 2].

В прямой обязанности благочинных находился контроль благотворительных учреждений и предоставление сведений о количестве и содержании больниц, богаделен и учебных заведений при монастырях [31, л. 1–24]. Согласно рапорту благочинного монастырей Великоустюжского викариатства игумена Павла к викарному епископу Гавриилу, известно, что в Иоанно-Предтеченском женском монастыре на собственные средства обители в конце XIX в., помимо богадельни, была открыта больница для женщин преклонного возраста, при этом в социальных заведениях этой иноческой обители помощь оказывали «специально подготовленные сестры» [16, л. 18, 18 об.].

Ежегодные отчеты обер-прокурора Святейшего Синода, а также монастырских благочинных Вологодской епархии демонстрируют положительную динамику к началу Первой мировой войны, связанную с увеличением численности благотворительных учреждений (богадельни, больницы, приюты и пр.) в монастырях как в целом по Российской империи, так и по Вологодской губернии в частности. К 1913 г. численность лиц, содержащихся в благотворительных заведениях монастырей Вологодской епархии, увеличилась до 176 чел. [16, с. 18, 18 об. 32; с. 38–40].

Подводя итоги исследования роли благочинных монастырей в системе церковного управления Российской империи и их влияния на деятельность православных иноческих обителей в конце XVIII–начале XX в., можно сделать следующие выводы. На местах руководство монастырями осуществлялось подведомственными Синоду учреждениями: в епархиях – архиереем и духовной консисторией, в викариатствах – викариями (викарными епископами), на уровне уездов – духовными правлениями, непосредственной в православной обители – настоятелями (в женских – настоятельницами). Настоятель как глава иноческой общины являлся основным подотчетным лицом, с одной стороны, подчинялся епископу (архиерею), с другой – был под «ближайшим» (непосредственным) контролем благочинного. С конца XVIII в. прямой надзор

над деятельностью православных обителей осуществлялся через монастырских благочинных. Являясь важным звеном в системе церковных властей, благочинные контролировали не только ведение хозяйства и состояние финансов монастырей, но и наблюдали за братией и благотворительной деятельностью.

Должность благочинных монастырей была введена в структуру епархиального управления в Российской империи в 1799 г. Благочинных назначал непосредственно архиерей (епископ) из настоятелей иноческих обителей. В 20–40 гг. XIX в. Святейший Синод регламентировал круг обязанностей благочинных монастырей. Согласно инструкции 1828 г., благочинному было предписано посещать иноческие обители, входящие в сферу его контроля один или два раза в год, а в случаях нарушений порядка вести разбирательство дел на месте и сообщать об этом епархиальному начальству, которое выносило решение на основе рапорта.

В «Уставе духовных консисторий» 1841 г. деятельность благочинных была детально регламентирована, в его прямые должностные обязанности были вменены проверка приходно-расходных книг и полный контроль ведения хозяйства в монастырях. При смене настоятеля монастыря передача дел должна была осуществляться при посредничестве благочинного, за которым закреплялась ответственность за контролем текущих строительных работ в монастырях во время работ и после их завершения.

В конце XIX–начале XX в. усилилась роль благочинных в системе епархиального управления, на них были возложены функции церковного контрольно-распорядительного органа на местах. Благочинные, прозванные «помощниками епископа», осуществляли надзор за монастырскими порядками во всех отношениях, наделялись правом давать надлежащие советы, наставления, увещевания, требовать объяснений и сообщать архиерею и викарному епископу о недостатках и всяких чрезвычайных случаях в монастырях.

В епархиях выстроилась четкая структура благочиннических округов (благочиния) во главе с благочинными для надзора «за нравственностью и хозяйством» в иноческих обителях. Была сформирована система контроля, при которой благочинный получал два раза в год отчеты от монастырей, сведения из которых с учетом сделанного им осмотра отражались в донесениях епархиальному начальству и клировых ведомостях о состоянии церквей в монастырях и их благоустройстве.

Анализ архивных делопроизводственных документов монастырей Вологодской губернии позволяет прийти к заключению, что благочинные монастырей в своей деятельности руководствовались предписаниями епископа и консистории, при этом наделялись широкими правами осуществления непосредственного контроля над православными обителями: составом братии, хозяйственной, финансовой и благотворительной деятельностью. В годы Первой мировой войны монастыри привлекались на помощь для обеспечения материальных потребностей на нужды фронта. Распоряжениями Синода и указами консистории предписывалось направление средств на конкретные нужды. При этом отношения, сложившиеся к концу

XIX в. утвердили за благочинными особую роль посредников между епархиальными властями и монастырями в реализации социальных практик и организации сбора пожертвований.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Барсов, Т. В. Синодальные учреждения настоящего времени / Т. В. Барсов. – Санкт-Петербург, 1899. – 122 с.
2. Филарет (Гумилевский Д. Г.), архиеп. История русской церкви / Филарет (Д. Г. Гумилевский). Изд. 5-е. – Москва : Изд. книготорговца М. А. Ферапонтова, 1888. – 840 с.
3. Камкин, А. В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года: Любителю старины. Краеведу. Учителю. Студенту / А. В. Камкин. – Ин-т этнологии и антропологии Рос. акад. наук. – Вологда : ВГПИ, 1992. – 164 с.
4. Федоров, В. А. Русская Православная Церковь и государство – синодальный период 1700–1917 / В. А. Федоров. – Москва : «Русская панорама», 2003. – 480 с.
5. Зырянов, П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П. Н. Зырянов. – Москва, 2002. – 312 с.
6. Котов, П. П. Монастыри в системе церковных властей в конце XVIII–начале XX века: по материалам Вологодской губернии / П. П. Котов, А. В. Рожина. – Сыктывкар : ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 238 с.
7. Котов, П. П. Православные братства в постреформенный период: по материалам Вологодской губернии / П. П. Котов, Т. А. Носова. – Сыктывкар : ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023. – 228 с.
8. Августа 4 [1799 года]. Синодский, в следствие Именного Июля 31. – Об учреждении соборных церквей в некоторых городах на денежном окладе; об ассигновании суммы на жалование Священно и церковнослужителям оных церквей и о перемене названий Епархий для единообразия по званию тех губерний, в коих кафедры их состоят // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 19070. – Санкт-Петербург, 1789–1799. – С. 750–754.
9. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т. В. Барсов. – Санкт-Петербург, 1885. – Т. 1. Приложение к статье 643.
10. Марта 27 [1841 года]. Высочайше утвержденный Уставъ Духовныхъ Консисторій // ПСЗРИ – 2. Т. XVI. 1841г. Отд. 1. № 14409. – Санкт-Петербург, 1842. – С. 221–263.
11. Муниципальное казенное архивное учреждение Великоустюгского муниципального района «Великоустюгский центральный архив» (далее – МКАУ ВУЦА). Ф. 23. Оп. 1. Д. 15.
12. Сентября 29. Именной, объявленный Сенату Святейшимъ Синодом. – О порядке приема и пострижения желающих поступить въ монашество // ПСЗРИ-2. Т. XL. 1865г. № 42505. – Санкт-Петербург, 1867. – С. 989.
13. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУ РК НА РК). Ф. 232. Оп. 1. Д. 220.
14. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 512. Оп. 1. Д. 823.
15. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1014.
16. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105.
17. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 343.
18. ГУ РК НА РК. Ф. 232. Оп. 1. Д. 109.
19. Список соборов, церквей, монастырей и пустынь Вологодской епархии, с подразделением церквей на благочиннические округа // Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 года. Часть 1 и 2. – Вологда, 1896. – С. 148–161.
20. Список монастырей, соборов и церквей Вологодской епархии, подразделением их на благочиннические округа с указанием (по округам) благочинных // Вологодские епархиальные ведомости. – 1908. – № 22. – Прил. – С. 1–18.
21. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 883.
22. ГУ РК НА РК. Ф. 232. Оп. 1. Д. 255.
23. МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1480.
24. ГУ РК НА РК. Ф. 232. Оп. 1. Д. 211.
25. ГУ РК НА РК. Ф. 232. Оп. 1. Д. 228.
26. ГУ РК НА РК. Ф. 232. Оп. 1. Д. 368.
27. Рожина, А. В. Благотворительная деятельность монастырей Вологодской губернии в годы Первой мировой войны / А. В. Рожина // Уроки истории. Великая Отечественная и Вторая мировая войны, исторические и геополитические аспекты : сборник статей Пятой Международной научно-практической конференции «Уроки истории. Великая Отечественная и Вторая Мировая войны, история России и мира 20–21 веков», 29–30 сентября 2011 г., Санкт-Петербург, Россия / под ред. А. П. Кудинова. – Санкт-Петербург : Издательство Политехнического университета, 2011. – С. 136–138.
28. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 336.
29. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 341.
30. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1228.
31. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 187.
32. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора за 1911–1912 годы. – Санкт-Петербург, 1913. – 230 с.

References

1. Barsov, T. V. Sinodalnie uchrezhdeniya nastoyashego vremeni [Synodal institutions of the present] / T. V. Barsov. – St.Petersburg, 1899. – 122 p.
2. Filaret (Gumilevsky, D. G.), Archbishop. Istoriya russkoi tserkvi [The History of the Russian Church] / Filaret (D. G. Gumilevsky). 5th edition. – Moscow: Izd. knigotorgovtsa M. A. Ferapontova [Publishing House of the bookseller M. A. Ferapontov], 1888. – 840 p.
3. Kamkin, A. V. Pravoslavnaya tserkov' na Severe Rossii. Ocherki istorii do 1917 goda: Lyubitelyu stariny. Kraevedu. Uchitelyu. Studentu [The Orthodox Church in the North of Russia. Essays on history before 1917: To the Lover of Antiquity. To the local historian. To the teacher. To the student] / A. V. Kamkin. – In-t etnologii i antropologii Ros. akad. nauk [Inst. of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. – Vologda: Vologda State Pedagogical Inst., 1992. – 164 p.

4. Fedorov, V. A. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvo – "Sinodalnii period 1700-1917 [The Russian Orthodox Church and the State - the Synodal period 1700-1917] / V. A. Fedorov. – Moscow: "Russian Panorama", 2003. – 480 p.
5. Zyryanov, P. N. Russkie monastyri i monashestvo v XIX i nachale XX veka [Russian monasteries and monasticism in the XIX and early XX centuries] / P. N. Zyryanov. – Moscow, 2002. – 312 p.
6. Kotov, P. P. Monastyri v sisteme tserkovnykh vlastei v konce XVIII-nachale XX beka: po materialam Vologodskoi gubernii [Monasteries in the system of church authorities at the end of the XVIII- early XX century: based on the materials of the Vologda province] / P. P. Kotov, A.V. Rozhina. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 238 p.
7. Kotov, P. P. Pravoslavnie bratstva v postporeformennii period: po materialam Vologodskoi gubernii [Orthodox fraternities in the post-reform period: based on the materials of the Vologda province] / P. P. Kotov, T. A. Nosova. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2023. – 228 p.
8. Avgusta 4 [1799 goda]. Sinodskii, v sledstvie Imennago Iyulya 31. – Ob uchrezhdenii sobornykh tserkvei v nekotorykh gorodakh na denezhnom oklade; ob assignovanii summy na zhalovanie Svyaschenno i tserkovnosluzhiteleyam onykh tserkvei i o peremene nazvanii Eparhii dlya edinobraziya po zvaniyu teh gubernii, v koih kafedry ih sostoyat [August 4 [1799]. Synodal, as a consequence of the Named July 31. – On the establishment of cathedral churches on a cash salary in some towns; on the allocation of an amount for the salary of the Priests and clergy of these churches and on changing the names of the Dioceses for uniformity in the rank of those provinces in which their departments are located] // Complete collection of laws of the Russian Empire - 1. Vol. XXV. No. 19070. – St. Petersburg, 1789-1799. – P. 750-754.
9. Sbornik deistvuyuschih i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskiykh postanovlenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya [Collection of current and governing church and church-civil decrees on the department of Orthodox confession] / Comp. T. V. Barsov. – St. Petersburg, 1885. – Vol. 1. Appendix to Article 643.
10. Marta 27 [1841 goda]. Vysochaishe utverzhdennii Ustav Duhobnykh Konsistorii [March 27 [1841]. The highest approved Charter of Spiritual Consistories] // Complete collection of laws of the Russian Empire - 2. Vol. XVI. 1841. Dept. 1. No. 14409. – St. Petersburg, 1842. – P. 221-263.
11. Municipalnoe kazennoe arhivnoe uchrezhdenie Velikoustyugskogo municipalnogo raiona "Velikoustyugskii centralnii arhiv" [Municipal state archival institution of Velikiy Ustyug municipal district "Velikiy Ustyug Central Archive"] (hereinafter – MKAU VUTsA). F. 23. Op. 1. D. 15.
12. Sentyabrya 29. Imennoi, obyavlenii Senatu Svyateishim Sinodom. – O poryadke priema i postrizheniya zhelayuschih postupit' v monashestvo [September 29. Named, announced to the Senate by the Holy Synod. – On the procedure of receiving and tonsuring those wishing to enter monasticism] // Complete collection of laws of the Russian Empire - 2. Vol. XL. 1865. No. 42505. – St. Petersburg, 1867. – P. 989.
13. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Respubliki Komi "Nationalnii arhiv Respubliki Komi [State Institution of the Republic of Komi "National Archive of the Republic of Komi"] (hereinafter – GU RK NA RK). F. 232. Op.1. D. 220.
14. Gosudarstvennii arhiv Vologodskoi oblasti [State Archive of the Vologda region] (hereinafter – GAVO). F. 512. Op. 1. D. 823.
15. GAVO. F. 512. Op. 1. D. 1014.
16. MKAU VUTsA. F. 23. Op. 1. D. 105.
17. MKAU VUTsA. F. 23. Op. 1. D. 343.
18. GU RK NA RK. F. 232. Op.1. D. 109.
19. Spisok soborov, cerkvei, monastyrei i pustyn' Vologodskoi eparhii, s podrazdeleniem cerkvei na blagochinnie okrugi [List of cathedrals, churches, monasteries and hermitages of the Vologda diocese, with the division of churches into deanery districts] // Memorial book of the Vologda province for 1896-1897. Part 1 and 2. – Vologda, 1896. – P. 148-161.
20. Spisok monastyrei, soborov i cerkvei Vologodskoi eparhii, podrazdeleniem ih na blagochinnie okrugi s ukazaniem (po okrugam) blagochinnykh [List of monasteries, cathedrals and churches of the Vologda diocese, their division into deanery districts with indication (by districts) of deans] // Vologda Diocesan Gazette. – 1908. № 22. Appl. – P. 1-18.
21. GAVO. F. 512. Op. 1. D. 883.
22. GU RK NA RK. F. 232. Op. 1. D. 255.
23. MKAU VUTsA. F.364. Op. 1. D. 1480.
24. GU RK NA RK. F. 232. Op. 1. D. 211.
25. GU RK NA RK. F. 232. Op. 1. D. 228.
26. GU RK NA RK. F. 232. Op. 1. D.368.
27. Rozhina, A. V. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' monastyrei Vologodskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny [Charitable activities of monasteries of the Vologda province during the First World War] / A. V. Rozhina // Uroki istorii. Valikaya Otechestvennaya i Vtoraya mirovaya voyny, istoricheskie i geopoliticheskie aspekty. sbornik statei Pyatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii: "Uroki istorii, Velikaya Otechestvennaya i Vtoraya Mirovaya voyny, istoriya Rossii i mira XX-XXI vekov [History lessons. The Great Patriotic War and World War II, historical and geopolitical aspects: collection of articles of the Fifth International Scientific and Practical Conference: "History lessons. The Great Patriotic War and the Second World War, the history of Russia and the world of the XX and XXI centuries"] / September 29-30, 2011, St. Petersburg, Russia / Ed. A. P. Kudinov. – St. Petersburg: Publishing House of Polytechnic Univ., 2011. – P. 136-138.
28. MKAU VUTsA. F. 23. Op. 1. D. 336.
29. MKAU VUTsA. F. 23. Op. 1. D. 341.
30. GAVO. F. 512. Op. 1. D. 1228.
31. MKAU VUTsA. F. 23. Op. 1. d. 187.
32. The most loyal report of the Chief Prosecutor for 1911-1912. – St. Petersburg, 1913. – 230 p.

Информация об авторе:

Рожина Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Северо-Западного института управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург (СЗИУ РАНХиГС) (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; e-mail: arojina@bk.ru).

Author:

Anastasiya V. Rozhina – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the North-Western Institute of Management – Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation” (57/43, Sredny avenue V.O., St. Petersburg 199178, Russian Federation; e-mail: arojina@bk.ru).

Для цитирования:

Рожина, А. В. Благочинные монастырей в системе церковного управления Российской империи в конце XVIII–начале XX века / А. В. Рожина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 51–57.

For citation:

Rozhina, A. V. Deans of monateries in the system of Church administration of the Russian Empire in the late XVIII–early XX century / A. V. Rozhina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1(67). – P. 51–57.

Дата поступления статьи: 13.10.2023

Прошла рецензирование: 20.10.2023

Принято решение о публикации: 23.10.2023

Received: 13.10.2023

Reviewed: 20.10.2023

Accepted: 23.10.2023

«Парадная» сторона общественной жизни купечества Вологодской губернии во второй половине XIX века

И. И. Лейман

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар
ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
irinaleyman@gmail.com

Аннотация

Несмотря на то, что история российского купечества вызывает большой интерес исследователей на протяжении уже более чем двух десятилетий, в этой области до сих пор остаются мало изученные аспекты, среди которых и «парадная» сторона общественной жизни представителей торгового сословия. Это направление исследовательской деятельности видится весьма перспективным, так как позволяет существенно дополнить социокультурный портрет купечества, в частности, характеристикой распространенных в его среде монархических настроений. Автор воссоздает картины участия купечества Вологодской губернии в праздничных и торжественных мероприятиях как важной части общественной жизни второй половины XIX в. На основе массового неформализованного источника – «Вологодских губернских ведомостей» за 1861–1899 гг. – при помощи методов формализации и систематизации исторических данных были выделены такие составляющие «парадной» стороны общественной жизни местного купечества, как празднование важных дат, связанных с Домом Романовых; сопровождение членов императорской семьи, посещавших губернию; участие в официальных мероприятиях, организованных губернатором; членство в клубах. Опубликованные материалы свидетельствуют, что купечество принимало активное участие в местных торжествах, посвященных событиям из жизни монарших особ, а также оказывало существенную финансовую поддержку связанным с ними различным благотворительным инициативам. Без представителей торгового сословия не обходились и наиболее важные мероприятия губернских властей. Кроме того, во второй половине XIX в. начинает складываться и общее городское досуговое пространство для широкого круга лиц, включая купечество. Указанные аспекты хотя и не являются исчерпывающими, но тем не менее позволяют очертить основные грани «парадной» стороны общественной жизни купечества Вологодской губернии во второй половине XIX в. и задают направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова:

купечество, Вологодская губерния, общественная жизнь

The «ceremonial» side of the public life of the merchants of the Vologda province in the second half of the XIX century

I. I. Leyman

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar
Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
irinaleyman@gmail.com

Abstract

Despite the fact that the history of the Russian merchants has been of great interest to researchers for more than two decades, there are still little studied aspects in this area, including the «ceremonial» side of the public life of representatives of the merchant class. This area of research activity seems very promising, as it can significantly complement the sociocultural portrait of the merchant class. The purpose of this paper is to recreate the picture of the participation of the merchants of the Vologda province in festive and solemn events as an important part of public life in the second half of the XIX century. Based on the «Vologda Provincial Gazette» for 1861–1899, using the methods of formalizing and systematizing historical data, such components of the «ceremonial» side of the public life of the local merchants as the celebration of important dates related to the Romanov House; accompanying members of the imperial family who visited the province; participation in official events organized by the Governor; Clubs membership were identified. The published materials indicate that the merchants took an active part in local celebrations dedicated to the events from the life of merchants, as well as provided significant financial support to the related various charitable initiatives. The most important events of the provincial authorities could not do without representatives of the merchant class. Besides, in the second half of the XIX century, the general urban leisure space for a wide range of people, including merchants, began to take shape. These aspects nevertheless allow us to outline the main facets of the «ceremonial» side of the public life of the merchants of the Vologda province in the second half of the XIX century and set directions for further research.

Keywords:

merchants, Vologda province, public life

Введение

История купеческого сословия вошла в сферу интересов отечественных ученых преимущественно с середины 1990-х гг., что во многом было связано с переходом страны на рельсы рыночной экономики. Предметом исследования стали деятельность купцов в сфере торговли и промышленности; участие в системе управления; благотворительность и меценатство; культура повседневности. Несмотря на большой объем научных публикаций по истории купечества, ряд аспектов жизни и деятельности представителей торгового сословия до сих пор остается мало изученным; среди них и «парадная» сторона общественной жизни. Согласно словарям, слово «парадный» в переносном значении используется как предназначенный для торжественных случаев, праздничный, официальный, церемониальный. В данной статье в качестве «парадной» стороны общественной жизни купцов мы будем рассматривать участие последних в официальных торжественных мероприятиях губернии.

В монографиях и научных статьях, посвященных истории купечества различных регионов страны, описание общественной жизни представителей торгового сословия концентрируется преимущественно на деятельности в системе управления, отраслевых и общественных организациях, в сфере благотворительности и меценатства [1–10 и др.]. Реже встречается характеристика организации досуга и развлечений купечества [11]. К примеру, М. С. Судовиков указывает, что во второй половине XIX в. купцы Вятского края посещали общественные собрания, театр, устраивали приемы и балы [12, с. 329]. Лишь в незначительном числе научных публикаций отражена «парадная» или торжественная сторона общественной жизни купцов, свидетельствующая о монархических настроениях как части социально-психологического портрета сословия [13–15].

Цель данной статьи – воссоздание картины участия купечества Вологодской губернии в праздничных и торжественных мероприятиях как важной части городской общественной жизни второй половины XIX в. Несмотря на то, что эта составляющая, по сути, не являлась основной в структуре занятий представителей торгового сословия, однако сам факт сопричастности к важным для губернии событиям торжественного характера свидетельствует не только о месте и роли купечества в жизни региона, но и о степени его вовлеченности в сферу национальных интересов. Это может стать существенным дополнением к социокультурному портрету сословия.

Материалы и методы

Основным источником данной исследовательской работы стало официальное издание губернских властей – газета «Вологодские губернские ведомости» (издавалась с 1838 г.). В газете публиковалась информация по широкому кругу тем, в том числе главные новостные события губернии, включая описание различных торжественных мероприятий (иногда в форме, отдаленно напоминающей

современный репортаж, что особенно ценно для исследователя). В 1861–1873 гг. и 1883–1898 гг. газету печатали раз в неделю; в 1874–1882 гг. – дважды в неделю; 1898–1899 гг. – раз в один-два дня. Всего за 1861–1899 гг. было издано 2707 номеров газеты.

«Вологодские губернские ведомости» являются массовым неформализованным (нарративным) источником и предоставляют значительный массив данных для сбора и регистрации первичной эмпирической информации, в связи с чем базовыми методами исследования стали методы формализации (а именно контент-анализ) и систематизации исторических данных и их дальнейшая интерпретация на основе анализа и синтеза информации.

Результаты и их обсуждение

На основе собранных данных можно выделить такие составляющие «парадной» стороны общественной жизни купечества Вологодской губернии во второй половине XIX в., как празднование важных дат, связанных с Домом Романовых; сопровождение членов императорской семьи, посещавших губернию; участие в официальных мероприятиях, устраиваемых губернатором; членство в клубах. Наибольшее количество публикаций было связано с Домом Романовых: дни рождения членов императорской семьи, юбилейные даты, коронация и т. п.

В 1880 г. Российская империя отмечала 25-летний юбилей царствования императора Александра II. 19 февраля 1880 г. (здесь и далее приводятся даты по старому стилю) празднование «с особенною торжественностью и знаменательностью» было организовано и в Тотьме [16, с. 3]. В числе пяти распорядителей мероприятия были архангельский купец 1 гильдии Михаил Дорофеевич Кондаков и купец 2 гильдии Александр Михайлович Кокорев. В рамках праздника в соборе прошли литургия и молебен, на городской площади было предложено угощение, а в здании Тотемского общественного собрания при участии нескольких сотен человек состоялась официальная часть с торжественными речами и тостами «За здоровье Государя императора» [там же]. Гулянья продолжались в течение двух дней, «на реке Сухоне устроены были фейерверки и горели смоляные бочки, а город украшен флагами; вечером зажжена была прекрасная иллюминация» [там же].

15 мая 1883 г. в Москве состоялась коронация императора Александра III. В Вельске уже на следующий день была проведена литургия и отслужен молебен, на площади организовано народное гулянье. Современник событий отмечает, что «народ толпами ходил по городу, любуясь украшением домов» [17, с. 8]. Особенно выделялось несколько зданий, среди которых был и дом местного купца Павлина Николаевича Крашенинникова: «... в окнах были выставлены и освещены убранные цветами портреты Их Императорских Величеств, вставлены также во всю величину окон вензеля, украшенные зеленью и цветами, горели плошки, разноцветные фонари и бенгальские огни» [там же, с. 9].

14 ноября 1883 г. в Вологде прошли торжества по случаю дня рождения Государыни Императрицы. После боже-

ственной литургии празднование продолжилось в Александринском детском приюте, где присутствовали не только губернское начальство, учителя и воспитанники, но и члены попечительского совета приюта (в их числе были и купцы). Официальная программа включала торжественные речи, молебен, пение детского хора, экскурсию по приюту для гостей [18, с. 5].

16 мая 1884 г. Российская империя отмечала день совершеннолетия наследника престола Николая Александровича (будущего Николая II). В Вологде в здании Дворянского собрания «был назначен всесословный обед по подписке», на котором присутствовало более 100 чел., в том числе местное купечество [19, с. 5]. Распорядители обеда старались «ознаменовать как торжественность повода <...>, так и сделать последнее приятным для гостей и по возможности чуждым той официальной холодности, которая так свойственна нашим парадным торжественным собраниям» [там же]. Во время обеда были провозглашены тосты за здоровье членов императорской семьи, «за процветание и благоденствие России, за преуспевание губернии, за лиц присутствовавших на обеде»; оркестр исполнял гимн. Все это было воспринято присутствовавшими «с живым патристическим энтузиазмом» [там же].

В июле 1886 г. вологодский городской голова купец Христофор Семенович Леденцов отправил Великому князю Владимиру Александровичу телеграмму следующего содержания: «Его Императорскому Высочеству, Государю Великому Князю Владимиру Александровичу. Вологодское городское общество имеет счастье принести Вашему Императорскому Высочеству искреннее поздравление с днем тезоименитства. Городской голова Леденцов» [20, с. 9]. Уже через два дня был получен ответ из Красного села: «Городскому Голове Леденцову. Искренне благодарю Вологодское городское общество за поздравление. Владимир» [там же].

За год до этого, летом 1885 г., Владимир Александрович посещал Вологодскую губернию. 5 июня 1885 г. на железнодорожном вокзале Вологды Великого князя встречали городской голова купец Х. С. Леденцов «при четырех ассистентах», среди которых были потомственные почетные граждане купцы П. А. Белозеров и А. В. Сорокин, купец А. Е. Волков и коллежский ассессор П. А. Ложилов [21, с. 11]. Х. С. Леденцов «имел счастье поднести Его Высочеству от городского общества на эмалированном изящной работы серебряном блюде и солонке хлеб-соль» [там же]. На официальном приеме в доме губернатора Владимир Александрович принял хлеб-соль и от городских голов Грязовца и Кадникова (которые также принадлежали к купеческому сословию), а супруга Х. С. Леденцова преподнесла «в изящной серебряной стопе поляничное варенье» [там же]. Во время пребывания в Вологде Владимир Александрович посетил Домик Петра Великого, который «благодаря деятельным стараниям» губернского предводителя дворянства Д. В. Волоцкого и «содействию его ближайших сотрудников» А. Е. Волкова и П. А. Ложилова «был совершенно отреставрирован и художественно обставлен» [там же]. Вечером в залах Дворянского собрания был дан торжественный обед; Великого Князя здесь встречали

«хозяева» – дворяне Д. В. Волоцкий и А. С. Брянчанинов, а также купцы Х. С. Леденцов и Ф. И. Брызгалов. На следующий день Владимир Александрович на принадлежавшем купцу Кондакову пароходе «Купец» отправился в дальнейшее путешествие по Вологодской губернии. На пароходе «Филипп Булычев» «местное купеческое сословие в числе 150 человек» в сопровождении оркестра, включавшего до 70 музыкантов, следовало за пароходом «Купец» до с. Шуйского [21, с. 12; 22, с. 5]. В с. Шуйском Владимир Александрович «осчастливил своим прибытием на пароход сопровождавшее его вологодское купеческое сословие» [22, с. 5].

Новым пунктом назначения в путешествии Великого князя стал город Тотьма, где 7 июня 1885 г. его торжественно встретил городской голова купец Василий Карпов. В доме купца К. И. Замяткина Великий князь принимал представителей местных учреждений. После того Владимир Александрович сделал визит на солеваренный завод статского советника Д. Н. Ракова и купца А. М. Кокорева, где «изволил милостиво принять приглашение хозяев завода откусать чаю, который и был сервирован на открытом воздухе» и сопровождался «милостивой беседой с хозяйками завода <...> и хозяевами» [там же]. Как писал современник событий, на месте чаепития владельцы решили поставить «колонну с подобающей вырезанной в камне надписью в воспоминание этого незабвенного и счастливого для владельцев завода события» [там же]. Кроме того, Великий князь посетил «выставку местных произведений», организованную земством при участии, в том числе, купца А. М. Кокорева (в частности на выставке был организован отдел заводской промышленности, куда вошли образцы продукции Леденгского и Тотемского солеваренных заводов) [там же]. Городской голова купец Карпов, председатель земской управы купец Попов и один из распорядителей выставки купец Кокорев «удостоились получить от Его Высочества Его портреты» [там же, с. 6]. К слову, в июне 1870 г. Тотьму и солеваренный завод купца А. М. Кокорева посещал Великий князь Алексей Александрович [23, с. 267].

8 июня 1885 г. пароход «Купец» прибыл в Великий Устюг. В городе Владимир Александрович расположился «в приготовленном для его Величества помещении» в доме купца В. И. Грибанова [24, с. 8]. В числе официальных мероприятий было посещение выставки местных произведений, на которой были представлены и «образцы полотна и льняных изделий Грибановской мануфактуры». В 1870 г. Великий князь Алексей Александрович также посещал выставку местных произведений, где его внимание привлекли лен купца Соболева, изделия льнопрядильной и полотняной фабрики купца Грибанова, изделия писчебумажной фабрики наследников купца Сумкина [25, с. 275].

Вечером 8 июня 1885 г. в доме В. И. Грибанова был дан торжественный обед, на который «были осчастливлены приглашением некоторые из должностных лиц», среди которых был поверенный по делам Грибанова купец Х. А. Пец [24, с. 8]. Последнему Великий князь пожаловал «кабинетный портрет с собственноручной подписью "Владимир, 1883 г." в золоченой рамке и футляре, а также золотой

ковш с надписью вокруг "Пожалован Его Императорским Высочеством Государем Великим Князем Владимиром Александровичем 1885 г."» [там же, с. 8–9]. На следующий день Великий князь посетил полотняную фабрику купца В. И. Грибанова в с. Красавино. Для торжественной встречи были устроены пристань и павильон, при этом сам павильон и ведущая к нему лестница – «доверху устланы красным сукном» [там же, с. 9]. Великий князь Алексей Александрович в 1870 г. также посещал фабрику Грибанова: «... пробыв около 2 часов, <...> изволил осматривать машины и все отделения» [25, с. 275].

10–11 июня 1885 г. Владимир Александрович находился в Сольвычегодске. По этому случаю вечером 10 июня в доме купца П. В. Хаминова был дан торжественный обед, а днем 11 июня там же «был сервирован для Великого Князя завтрак» [24, с. 9]. На память о визите Владимир Александрович подарил П. В. Хаминову «портрет за стеклом в позолоченной оправе в футляре» [там же].

Приведенные примеры демонстрируют, что местное купечество принимало активное участие в программе визита Великого князя Владимира Александровича в Вологодскую губернию в июне 1885 г. Во всех уездных городах Великий князь останавливался именно в купеческих домах, как, вероятно, наиболее роскошных и, следовательно, удобных для пребывания монаршей особы.

В 1898 г. Вологодскую губернию посетил командующий войсками Московского военного округа Великий князь Сергей Александрович. 29 мая 1898 г. на железнодорожном вокзале Вологды почетного гостя встречали губернский и уездные предводители дворянства, а также купцы Н. А. Волков, Ф. И. Брызгалов, Т. Е. Колесников и другие представители «всех местных ведомств» [26, с. 5]. Большую часть дня Сергей Александрович посвятил инспекции объектов, относящихся к ведению Военного министерства, однако вечером перед отправлением в Тотьму в присутствии губернского предводителя дворянства В. А. Касаткина и городского головы купца Н. А. Волкова смог посетить Домик Петра Великого.

30 мая 1898 г. в Тотьме «удостоились поднести хлеб-соль» Великому князю городской голова купец А. М. Кокорев «с ассистентами, городскими гласными» действительным статским советником Д. Н. Раковым и купцом 2 гильдии В. В. Карповым [там же, с. 6]. Сергей Александрович, помимо всего прочего, нанес визит в местную женскую Мариинскую прогимназию, где его встречала начальница учебного заведения А. П. Кокорева.

31 мая 1898 г. Сергей Александрович пребывал в Великом Устюге. Во Владимирской рукодельне для девочек-сирот (была основана после посещения города Великим князем Владимиром Александровичем) «милостиво принял от заведующего рукодельней купца Брагина плетеную прошву работы воспитанниц» [там же, с. 7]. В здании земской управы для Великого князя была подготовлена выставка местных произведений, на которой, в том числе, были представлены «полотняные изделия Грибановской фабрики» [там же]. На выставке Сергей Александрович принял «депутацию представителей Городского Управления и Земства» с ходатайством об открытии в Устюге мужской

гимназии под покровительством Великого Князя и «с наименованием <...> Сереговскою» [там же]. Еще 22 мая 1898 г. местное купечество на заседании купеческого собрания открыло подписку «на усиление денежных средств, необходимых для открытия гимназии» и за один день смогло собрать 10 тыс. руб. [там же].

3 июня 1898 г. Великий князь посетил Усть-Сысольск. От города хлебом-солью почетного гостя встречал городской голова, купец 2 гильдии Забоев. В течение всего дня местный купец Инкин, «побуждаемый искренними чувствами к Царственному Гостю, на своей лошади возил Его Императорское Высочество и сам правил лошадью», за что был приглашен Великим князем на его пароход и пожалован «золотым перстнем, украшенным драгоценными камнями» [там же].

Несмотря на то, что описание визита Великого князя Сергея Александровича в 1898 г. в «Вологодских губернских ведомостях» было дано более сжато, нежели описание пребывания в губернии Владимира Александровича в 1885 г., тем не менее участие в этих событиях местного купечества представлено в полной мере.

Не оставалось безучастным купечество Вологодской губернии и по отношению к драматическим событиям, связанным с Домом Романовых. Для второй половины XIX в. это, прежде всего, ряд покушений на жизнь императора Александра II. 25 мая 1867 г. во Франции произошло второе покушение на жизнь российского монарха. 5 июня 1867 г. телеграмма о произошедшем была получена в Никольске, вследствие чего «большинство лиц чиновничества, купечества, мещан и других сословий немедленно собрались в доме исправляющего должность уездного исправника» [27, с. 272]. На следующий день в Сретенском соборе в присутствии «всех чинов, духовенства, купечества и прочих граждан Никольска и крестьян» была совершена литургия, после которой на городской площади был зачитан адрес «с выражением верноподданнических чувств и своей радости», составленный накануне в доме уездного исправника [там же]. Собравшихся угощали водкой, предоставленной купцами-винооторговцами Ильиным, Пановыми, Поповым и Трофимовым. Купцы Пановы, Попов, Рыжков, Смирнов, Сорокин и Спиринов «разбросали для простого народа несколько ящиков пряников, конфет, орехов и несколько денег мелкою монетою» [там же]. 7 июня 1867 г. в Никольске был дан патриотический обед, в котором приняли участие все сословия городского общества.

В 1881 г. после гибели Александра II был организован сбор по подписным листам на сооружение в московском Кремле памятника императору. Не осталось в стороне и купечество: так вологодский купец Н. Н. Киселев в 1881 г. пожертвовал на эту инициативу 100 руб. [28, с. 1].

17 октября 1888 г. страну потрясло известие о крушении на Курско-Харьково-Азовской железной дороге поезда, в котором в тот момент находился Александр III со всей семьей (по счастливой случайности никто из членов императорской семьи не погиб). Этим событиям было посвящено довольно много публикаций и в «Вологодских губернских ведомостях», а сама дата – 17 октября – стала для населения памятной и знаковой.

Уже в декабре 1888 г. в стенах Вологодского Александринского детского приюта появилось «замечательное быстрое сооружение <...> Александро-Мариинский храм в память дивного проявления промысла божьего 17 октября 1888 г.» [29, с. 5]. Храм сразу стал привлекать много богомольцев и благотворителей. К апрелю 1889 г. в числе наиболее крупных пожертвований были: около 700 руб. и «родовая святыня» икона Корсунской Божией Матери «старинного высокого письма» в ризе, богато украшенной жемчугом и драгоценными камнями стоимостью более 300 руб. от жены вологодского купца Г. А. Маслениковой; шитая золотом плащаница стоимостью около 300 руб. от почетного старшины приюта купца Т. Е. Колесникова; икона Спаса Обыденного в богато украшенной ризе стоимостью до 300 руб. от вологодского купца В. Н. Соколова; 200 руб. от кадниковского купца И. Н. Никуличева; 125 руб. от вологодского купца И. М. Соковикова [там же].

17 октября 1889 г., ровно через год после крушения поезда, в Вологде прошли праздничные мероприятия по случаю «чудесного сохранения драгоценной жизни» императора и его семьи «на благо и счастье России» [30, с. 12]. Город был украшен флагами; в храме при Александринском детском приюте прошла божественная литургия. В этот же день были освящены и торжественно открыты учрежденные на средства вологодского купца Т. Е. Колесникова «в память чудесного события 17 октября 1888 года» народная столовая и ночлежный приют. Они расположились в «совершенно заново отделанном» здании конца XVIII в. на левом берегу р. Вологды; на первом этаже находилась столовая с кухней, на втором – ночлежный приют с кроватями [там же]. На открытии купец Т. Е. Колесников произнес речь, «выразив в прочувствованных словах цель учрежденного им приюта», и заявил, что «на поддержание его» жертвует еще 10 тыс. руб. (ранее он безвозмездно передал 20 тыс. руб. и каменный дом). Губернатором был предложен первый тост за здоровье императора и его семьи; второй и третий тосты прозвучали соответственно за епископа Вологодского и Тотемского и за губернатора; последний – за «почтенных основателей приюта и столовой Т. Е. и А. Н. Колесниковых». «По испробованию пищи» присутствовавшие составили телеграмму на имя министра внутренних дел «с описанием торжества и с почтительнейшею просьбою повергнуть к стопам Их Императорских Величеств верноподданические чувства» [там же].

В ноябре 1894 г. скончался император Александр III. В день погребения 7 ноября 1894 г. в Вологде прошли траурные мероприятия. Были закрыты магазины, лавки, трактирные и питейные заведения [31, с. 12]. Под руководством городского головы купца Платона Разваляева были организованы поминальные обеды «для нижних воинских чинов, нижних чинов городской полиции и пожарной команды, а также для всех бедных, коих явилось к обеду свыше 1100 человек» [там же]. Обеды раздавались, в том числе, в бесплатной столовой купца Т. Е. Колесникова и состояли из щей с мясом и хлебом, пирога с треской, кутьи с изюмом и сахаром. К началу обеда в столовую прибыл губернатор с супругой; его встречали купцы П. Разваляев и Т. Е. Колес-

ников. Почетные посетители «попробовали обеды, которые оказались прекрасно приготовленными» [там же].

Таким образом, купечество Вологодской губернии принимало непосредственное и активное участие в официальных мероприятиях, связанных с событиями из жизни Дома Романовых, а также оказывало существенную финансовую поддержку связанным с ними различным местным благотворительным инициативам.

Представители торгового сословия принимали участие и в официальных мероприятиях губернских властей. Так, в июле 1871 г. в Вологде был организован обед по случаю предстоящего трехмесячного отпуска «по домашним обстоятельствам» губернатора С. Ф. Хоминского; гостей было более 100 чел. – «дворяне со всеми уездными предводителями, чиновники, купцы, мещане с и. д. городского головы и даже крестьяне» [32, с. 12]. В декабре 1882 г. в Вологде состоялся прощальный обед, данный на тот момент уже бывшим вологодским губернатором А. Н. Мосоловым. В числе гостей были и «представители местного купечества» [33, с. 2]. Городской голова купец А. В. Сорокин произнес речь, в которой выразил бывшему губернатору «в немногих и кратких словах <...> сочувственные пожелания от городского общества» [там же, с. 1]. А. Н. Мосолов, в свою очередь, отметил, что сохранит «навсегда признательное воспоминание о том внимании, которое <...> оказывали представители здешнего гражданства и торговые люди»; последним бывший губернатор дал следующую характеристику: «... не кичатся богатством, не чуждаются образования и всегда готовы отозваться на доброе и общепользующее дело» [там же, с. 2].

В октябре 1889 г. губернатор Вологодской губернии М. Н. Кормилицын посетил г. Грязовец. По этому случаю в зале съезда мировых судей местными дворянами, чиновниками, купцами и мещанами был устроен торжественный обед, который «прошел весьма оживленно» [34, с. 9]. На следующий день «местное купечество с бокалами в руках и горячими пожеланиями всего лучшего проводило гостя в обратный путь» [там же].

Купечество участвовало и в менее формализованных проявлениях городской общественной жизни. В 1862 г. в Вологде было открыто Благородное семейное собрание – «нечто вроде клуба, члены которого платят 5 р. в год и за то пользуются правом два раза в неделю собираться – танцевать, играть в карты, на билиарде, в шахматы, <...> читать газеты и журналы» [35, с. 149]. В начале 1863 г. собранию для общественного пользования была передана библиотека купца Сумкина [там же]. Благородное семейное собрание, в отличие от существовавших в Вологде дворянских клубов (мужского и дамского), предназначалось для представителей разных сословий. В ответ на сомнения о необходимости существования в городе третьего подобного учреждения, современник писал: «А купечество, наконец семейства нашего городского духовенства? За что же всех их лишать возможности в Воскресный день провести приятно время в хорошем обществе?» [36, с. 153].

Заключение

Таким образом, «парадная» сторона общественной жизни купечества Вологодской губернии во второй половине XIX в. включала участие представителей торгового сословия во всех значимых событиях и мероприятиях общероссийского, губернского и местного уровней. Особенно подробно (прежде всего, по причине значимости) в источнике освещена тема, связанная с Домом Романовых. Не только торжественные, но и драматические события из жизни монарших особ находили отклик в купеческой среде, нередко становясь источником новых благотворительных инициатив. «Вологодские губернские ведомости» отражают и сопричастность купцов к официальным мероприятиям губернского начальства, где наиболее авторитетные представители торгового сословия присутствовали наряду с дворянами и чиновниками высокого ранга. Во второй половине XIX в. частью общественной жизни купечества становится организация досуга в рамках благородного семейного собрания, созданного в качестве альтернативы дворянским клубам.

Безусловно, это еще не полная и не завершенная картина «парадной» стороны общественной жизни купечества Вологодской губернии во второй половине XIX в. Тем не менее на базе массового нарративного источника – «Вологодских губернских ведомостей» – применительно к длительному промежутку времени и большой территории мы имеем возможность определить ее основные составляющие, дальнейшая проработка которых возможна при условии привлечения более широкого круга исторических источников.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

1. Баева, Е. В. История торговли и купечества г. Никольска конца XVIII–начала XX века / Е. В. Баева, И. И. Баев, Н. И. Гомзиков // Никольская старина: исторические и этнографические очерки. – Вологда, 2000.
2. Бурышкин, П. А. Москва купеческая / П. А. Бурышкин. – Москва, 1990.
3. Быков, А. В. Образ жизни Сибирского купечества (вторая половина XIX–начало XX вв.) / А. В. Быков. – Новосибирск, 2005.
4. Быконя, Г. Ф. Енисейское купечество в лицах (XVIII–начало XX в.) / Г. Ф. Быконя, Е. В. Комлева, А. И. Погребняк. – Новосибирск, 2012.
5. Дробченко, В. А. Участие томского купечества в общественной жизни города в начале XX в. / В. А. Дробченко // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы III Всероссийской научной конференции, Томск, 21–23 сентября 2018 года. – Томск, 2019. – С. 290–300.
6. Дьячкова, С. Социальная ответственность как национальная духовная традиция российского предпринимательства / С. Дьячкова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2012. – № 6. – С. 153–162.
7. Кушнарева, М. Д. Вклад купчих А. И. Громовой, А. А. Бушуевой, А. Е. Надеиной в общественную жизнь Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX–начале XX вв. / М. Д. Кушнарева // Исторический курьер. – 2019. – № 3 (5). – С. 56–66.
8. Овсянкин, Е. И. Архангельск купеческий / Е. И. Овсянкин. – Архангельск, 2000.
9. Сутягина, О. А. Участие сибирского купечества в общественной жизни региона в XIX в. / О. А. Сутягина // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 38. – С. 109–113.
10. Хатанзейская, Е. В. Дом коммерческого собрания в культурном контексте Немецкой слободы во второй половине XIX–начале XX века / Е. В. Хатанзейская // Малые Корелы: сборник. – Архангельск, 2014. – Вып. 2. – С. 71–87.
11. Маслова, И. В. Организация досуга и развлечений купечества уездных городов Вятской губернии в XIX–начале XX века / И. В. Маслова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2010. – № 124. – С. 62–71.
12. Судовиков, М. С. Купечество Вятского края: от истоков до 1917 / М. С. Судовиков. – Киров, 2018.
13. Лавицкая, М. И. Повседневная жизнь купечества Орловской губернии во второй половине XIX–начале XX века / М. И. Лавицкая // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 30–39.
14. Лейман И. И. Общественная жизнь купечества Вологодской губернии (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» второй трети XIX в.) / И. И. Лейман // Вклад купечества в развитие торговых городов. Статьи и сообщения XII Межрегиональных краеведческих Прокопиевских чтений: исследования и материалы / сост. О. Н. Калининская. – Коряжма, 2022. – С. 22–31.
15. Маслова И. В. Купечество уездных городов Вятской губернии в XIX в.: социально-психологический портрет / И. В. Маслова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – № 21. – С. 23–36.
16. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1880. № 20.
17. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1883. № 25.
18. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1883. № 48.
19. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1884. № 19.
20. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1886. № 30.
21. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1885. № 24.
22. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1885. № 26.
23. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1870. № 26.
24. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1885. № 29.
25. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1870. № 27.

26. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1898. № 27.
27. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1867. № 26.
28. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть официальная. 1881. № 53.
29. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1889. № 16.
30. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1889. № 42.
31. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1894. № 45.
32. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1871. № 29.
33. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1882. № 100.
34. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1889. № 46.
35. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1863. № 48.
36. Вологодские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1863. № 50.
7. Kushnareva, M. D. Vklad kupchikh A. I. Gromovoi, A. A. Bushuevoi, A. Ye. Nadeinoi v obshchestvennyuyu zhizn' Severo-Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [The contribution of women-merchants A. I. Gromova, A. A. Bushueva, A. E. Nadeina to the social life of North-Eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries] / M. D. Kushnareva // Istoricheskiy kur'yer [Historical Courier], 2019. – № 3 (5). – P. 56–66.
8. Ovsyankin, E. I. Arkhangel'sk kupecheskiy [Arkhangelsk of merchants] / E. I. Ovsyankin. – Arkhangelsk, 2000.
9. Sutyagina, O. A. Uchastie sibirskogo kupechestva v obshchestvennoy zhizni regiona v XIX v. [Participation of the Siberian merchant class in the public life of the region in the XIX century] / O. A. Sutyagina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bull. of Tomsk State Univ.]. – 2014. – № 38. – P. 109–113.
10. Khatanzeiskaya, E. V. Dom kommercheskogo sobraniya v kul'turnom kontekste Nemetskoy slobody vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [House of Commercial Assembly in the cultural context of the German quarter in the second half of the XIX – early XX centuries] / E. V. Khatanzeiskaya // Malye Korely: sbornik [Malye Korely: collection]. – Arkhangelsk, 2014. – Issue 2. – P. 71–87.
11. Maslova, I. V. Organizatsiya dosuga i razvlechenii kupechestva uездnykh gorodov Vyatskoi gubernii v XIX – nachale XX veka [Organization of the merchants' leisure and entertainment in the district towns of the Vyatka province in the XIX – early XX century] / I. V. Maslova // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena [Proc. of A. I. Herzen Russian State Pedagogical Univ.], – 2010. – № 124. – P. 62–71.
12. Sudovikov, M. S. Kupechestvo Vyatskogo kraja: ot istokov do 1917 goda [Merchants of the Vyatka region: from the origins to 1917] / M. S. Sudovikov. – Kirov, 2018.
13. Lavitskaya, M. I. Povsednevnyaya zhizn' kupechestva Orlovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Everyday life of the merchants of the Orel province in the second half of the XIX – early XX centuries] / M. I. Lavitskaya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bull. of Chelyabinsk State Univ.]. – 2009. – № 4. – P. 30–39.
14. Leyman, I. I. Obschestvennaya zhizn' kupechestva Vologodskoi gubernii {po materialam "Vologodskikh gubernskikh vedomostei" vtoroi treti XIX v. [Social life of the merchants of the Vologda province (based on materials from the "Vologda Provincial Gazette" of the second third of the XIX century)] / I. I. Leyman // Vklad kupechestva v razvitiye torgovykh gorodov. Stat'i i soobshcheniya XII Mezhr regional'nykh krayevedcheskikh Prokopiyevskikh chteniy: issledovaniya i materialy [Contribution of the merchants to the development of trading towns. Articles and messages of the XII Interregional Local History Prokopyevsk Readings: research and materials]. – Koryazhma, 2022. – P. 22–31.
15. Maslova, I. V. Kupechestvo uездnykh gorodov Vyatskoi gubernii v XIX v.: socialno-psihologicheskii portret [Social and psychological portrait of the district merchants of the Vyatka province in the XIX century] / I. V. Maslova //

References

1. Baeva, E. V. Istoriya torgovli i kupechestva g. Nikol'ska konca XVIII – nachala XX veka [History of trade and merchants of Nikol'sk at the end of the XVIII – beginning of the XX century] / E. V. Baeva, I. I. Baev, N. I. Gomzikov // Nikol'skaya starina: istoricheskie i etnograficheskie ocherki [Nikol'sk antiquity: historical and ethnographic essays], – Vologda, 2000.
2. Buryshkin, P. A. Moskva kupecheskaya [Merchant Moscow] / P. A. Buryshkin. – Moscow, 1990.
3. Bykov, A. V. Obraz zhizni Sibirskogo kupechestva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Lifestyle of the Siberian merchants (second half of the XIX – early XX centuries)] / A. V. Bykov. – Novosibirsk, 2005.
4. Bykonya, G. F. Yeniseyskoye kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.) [Yenisei merchants in persons (XVIII – early XX century)] / G. F. Bykonya, E. V. Komleva, A. I. Pogrebnyak. – Novosibirsk, 2012.
5. Drobchenko, V. A. Uchastie tomnskogo kupechestva v obshchestvennoy zhizni goroda v nachale XX v. [Participation of Tomsk merchants in the public life of the town at the beginning of the XX century] / V. A. Drobchenko // Sibirskoye kupechestvo: istoki, deyatelnost', naslediyе: materialy tret'yey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Siberian merchants: origins, activities, heritage: materials of the 3rd All-Russian Sci. Conf.], Tomsk September 21–23, 2018. – Tomsk, 2019. – P. 290–300.
6. Dyachkova, S. Socialnaya otvetstvennost' kak nacionalnaya duhovnaya traditsiya rossiyskogo predprinimatelstva [Social responsibility as a national spiritual tradition of Russian entrepreneurship] / S. Dyachkova // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [Bull. of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], – 2012. – No. 6. – P.153–162.

11. Maslova, I. V. Organizatsiya dosuga i razvlechenii kupechestva uездnykh gorodov Vyatskoi gubernii v XIX – nachale XX veka [Organization of the merchants' leisure and entertainment in the district towns of the Vyatka province in the XIX – early XX century] / I. V. Maslova // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena [Proc. of A. I. Herzen Russian State Pedagogical Univ.], – 2010. – № 124. – P. 62–71.
12. Sudovikov, M. S. Kupechestvo Vyatskogo kraja: ot istokov do 1917 goda [Merchants of the Vyatka region: from the origins to 1917] / M. S. Sudovikov. – Kirov, 2018.
13. Lavitskaya, M. I. Povsednevnyaya zhizn' kupechestva Orlovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Everyday life of the merchants of the Orel province in the second half of the XIX – early XX centuries] / M. I. Lavitskaya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bull. of Chelyabinsk State Univ.]. – 2009. – № 4. – P. 30–39.
14. Leyman, I. I. Obschestvennaya zhizn' kupechestva Vologodskoi gubernii {po materialam "Vologodskikh gubernskikh vedomostei" vtoroi treti XIX v. [Social life of the merchants of the Vologda province (based on materials from the "Vologda Provincial Gazette" of the second third of the XIX century)] / I. I. Leyman // Vklad kupechestva v razvitiye torgovykh gorodov. Stat'i i soobshcheniya XII Mezhr regional'nykh krayevedcheskikh Prokopiyevskikh chteniy: issledovaniya i materialy [Contribution of the merchants to the development of trading towns. Articles and messages of the XII Interregional Local History Prokopyevsk Readings: research and materials]. – Koryazhma, 2022. – P. 22–31.
15. Maslova, I. V. Kupechestvo uездnykh gorodov Vyatskoi gubernii v XIX v.: socialno-psihologicheskii portret [Social and psychological portrait of the district merchants of the Vyatka province in the XIX century] / I. V. Maslova //

- Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta [Bull. of Tatar State Humanitarian and Pedagogical Univ.]. – 2010. – № 2. – P. 23–36.
16. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1880. № 20.
 17. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1883. № 25.
 18. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1883. № 48.
 19. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1884. № 19.
 20. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1886. № 30.
 21. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1885. № 24.
 22. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1885. № 26.
 23. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1870. № 26.
 24. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1885. № 29.
 25. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1870. № 27.
 26. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1898. № 27.
 27. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1867. № 26.
 28. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Official. 1881. № 53.
 29. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1889. № 16.
 30. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1889. № 42.
 31. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1894. № 45.
 32. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1871. № 29.
 33. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1882. № 100.
 34. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1889. № 46.
 35. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1863. № 48.
 36. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Dept. 2. Unofficial. 1863. № 50.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task)

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Лейман Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (167001, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, д. 55; e-mail: irinaleyman@gmail.com); старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Author:

Irina I. Leyman – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Public Relations and Advertising of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar 167001, Russian Federation; e-mail: irinaleyman@gmail.com); Senior Researcher, Laboratory of Archeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Для цитирования:

Лейман, И. И. «Парадная» сторона общественной жизни купечества Вологодской губернии во второй половине XIX века / И. И. Лейман // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67) – С. 58–66.

For citation:

Leyman, I. I. The «ceremonial» side of the public life of the merchants of the Vologda Province in the second half of the XIX century / I. I. Leyman // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology» . - 2024. - No. 1(67). - P. 58-66.

Дата поступления статьи: 15.01.2024

Прошла рецензирование: 19.01.2024

Принято решение о публикации: 22.01.2024

Received: 15.01.2024

Reviewed: 19.01.2024

Accepted: 22.01.2024

В. В. Верещагин и «изобретение» Севера в литературе и публицистике конца XIX–начала XX века (часть вторая)

А. В. Всеволодов

Череповецкий государственный университет,
г. Череповец
vsevolodov12@yandex.ru

Аннотация

В статье на материале книги «На Северной Двине. По деревянным церквам» автор рассматривает восприятие художником В. В. Верещагиным Севера. Показано, что оно основано на его профессионально-художественном интересе к памятникам традиционной деревянной архитектуры XVI–XVII вв. Последний художник рассматривает как своего рода классику – вершину русского искусства, олицетворение его традиции, разрушаемой или искажаемой поздними стилистическими экспериментами. Более того, он даже помещает их в общемировой культурный контекст, используя для этого весьма тенденциозные аналогии, опирающиеся на его личный опыт знакомства с Востоком. С другой стороны, Верещагин в полной мере осознает и тщательно фиксирует этнографические особенности Подвинья. Не разделяя Север на области или территории, воспринимая его как единое национально значимое пространство, художник в качестве средства различения прибегает к субъективно-эмоциональной градации: оценка им «качества» того или иного памятника, поселения, местности имеет порой спекулятивный характер, в буквальном смысле – зависит от настроения. При этом в Верещагинском тексте обнаруживаются ключевые темы и мотивы северного дискурса 1890–1910-х гг., но иначе артикулированные. Так, тезис о том, что Север миновал пик своего развития еще в позднем Средневековье раскрывается через трактовку европейских и иных заимствований в русской архитектуре. «Удаленность» и «заброшенность» региона показаны как, с одной стороны, проблема «недоуправления», невнимания к нуждам региона, а с другой – следствие слабой инфраструктурной освоенности северных губерний.

Ключевые слова:

В. В. Верещагин, Северная Двина, церкви, путешествие, Север, пространство, регион, наследие

Определяя цель своего путешествия на Двину – с присущей ему грубоватой ясностью – уже на первой странице книги («Мне давно хотелось поближе ознакомиться с деревянными церквами на севере, из года в год бесцеремонно разрушаемыми» [1, с. 1]) Верещагин явно далек от приписываемого ему историографией гражданственного

V. V. Vereshchagin and the «invention» of the North in literature and journalism of the late XIX–early XX century (part two)

A. V. Vsevolodov

Cherepovets State University,
Cherepovets
vsevolodov12@yandex.ru

Abstract

The paper, based on the book “On the Northern Dvina. Through wooden churches”, considers the artist V.V. Vereshchagin’s perception of the North. It is shown that it is based on his professional and artistic interest in the monuments of traditional wooden architecture of the XVI–XVII centuries. The artist views the latter as a kind of classic – the pinnacle of Russian art, the personification of its tradition, destroyed or distorted by later stylistic experiments. Moreover, he even places them in a global cultural context, using very tendentious analogies based on his personal experience of acquaintance with the East. On the other hand, Vereshchagin is fully aware of and carefully records the ethnographic features of the Dvina area. Without dividing the North into regions or territories, perceiving it as a single nationally significant space, the artist resorts to subjective-emotional gradation as a means of differentiation: his assessment of the “quality” of a particular monument, settlement, or area is sometimes speculative, literally depends on the mood. At the same time, the Vereshchagin text reveals key themes and motifs of the northern discourse of the 1890s–1910s, but otherwise articulated. Thus, the thesis that the North passed the peak of its development in the late Middle Ages is revealed through the interpretation of European and other borrowings in Russian architecture. The “remoteness” and “abandonment” of the region are shown as, on the one hand, the problem of “undermanagement”, inattention to the needs of the region, and on the other hand, a consequence of the weak infrastructure development of the northern provinces.

Keywords:

V. V. Vereshchagin, Northern Dvina, churches, travel, the North, space, region, heritage

видения проблемы. Его интерес – сначала интерес профессионала и таково же по природе его отношение к гибели памятников зодчества. «Гневный протест» против «бездеятельного равнодушия властей и так называемого “общества” <...> к разрушению и гибели памятников древней и прекрасной своей слитностью с природой деревянной

архитектуры», обнаруженный А. К. Лебедевым и А. В. Солодовниковым, кажется поэтическим преувеличением [2, с. 150–151]. А. Н. Тихомиров, писавший «о глубокой его (Верещагина – А. В.) любви к родине, к народному русскому творчеству», более объективен. Он указывает, что Василий Васильевич не только протестовал против равнодушия к исчезающей северной архитектуре – но и задумывался над тем, как ее спасти. В частности, Верещагин настаивал на включении в программу духовных семинарий курса истории искусства – чтобы в скором будущем священники могли с лучшим знанием дела бороться за сохранение старинных церквей в своих приходах и в меру сил просвещать крестьян [1, с. 20; 3, с. 59].

Отправляясь в плавание по Двине, Верещагин не обременял себя какой-либо строгой программой, ни туристской, ни художественно-эстетической. Он намеревался останавливаться «где Бог на душу положит – где постройки или местности окажутся почему-либо интересными» [1, с. 1]. Позиция любознательного наблюдателя, человека, смотрящего со стороны (хотя географически находящегося, конечно, внутри), позволяет ему «изобрести» Север по собственному произволу, не считаясь с мнениями предшественников или современников. Верещагин не имеет сильной эмоциональной привязанности, свойственной, например, Борису – «северянину по душе и по рождению» [4, с. 1; 5, с. 5]. Он отмечает, что его род «из Вологды», что «наша шекнинская» [6, с. 79; 1, с. 10] стерлядь оказывается вкуснее двинской, но позволить себе сказать «мой Север» он не может, а говорит – «наш Север», подразумевая, что регион является частью России и потому принадлежит всему ее народу.

«Наш Север» – это пространство памяти о Петре Великом, насыщенное разнообразными знаками его пребывания: «...здесь дом, в котором он останавливался или который построил себе; там предмет, которым он заинтересовался, холм, на котором он стоял, или камень, на котором обедал...». Домик Петра в Архангельске – ключевой элемент этого мемориального ландшафта, не только перенесен с изначального места на бульвар, но и выбелен так, что выглядит будто «старая кокетка». Позднее Верещагин добавит еще, что домик «окунули в известку» [7, с. 292]. Эти действия, совершенные в бытность архангельским губернатором князя Н. Д. Голицына, Верещагин считает «варварством» и сравнивает с тем, как английские чиновники решили выкрасить известкой старую белокаменную мечеть в крепости Дели, превращенную в склад [1, с. 106–107]. От сравнения двух казусов, «северного» и восточного», художник переходит к обобщению: с памятниками старины у нас в принципе слишком часто обращаются варварски. «Если не примут серьезных мер, скоро не только исчезнет вся деревянная Русь, но и каменные здания, не угодившие гостиницному вкусу малообразованных заправил, будут перекомсаны и разделаны, вроде той чудесной церкви древнего монастыря в Ростове Ярославском, в котором настоятель счистил фрески и покрыл их розовым стюком под мрамор – суди его Бог!» [7, с. 292].

Этот вывод – поздний, сделанный уже под влиянием двинского путешествия и в целом поездок по Северу. Видно, что география региона у Верещагина еще включа-

ет ярославскую часть, но не она играет в данном случае ведущую роль. Север создает не протяженность и сетка границ, а историко-культурная цельность, лучшим выражением которой в объеме и форме является деревянное зодчество. Это территория «старинности», собрание эталонных образцов русского искусства, не подлежащих забвению и тем более уничтожению.

Северные впечатления Верещагина, очевидно, стойкие, но биографически вторичные. Поэтому на них проецируется и в какой-то степени даже определяет их его предшествующий и гораздо более богатый визуальный и социальный опыт – восточный. Сам концепт *варварство*, когда-то примененный Верещагиным в живописи, безусловно, ориенталистский по звучанию, но здесь обращение к нему лишь подчеркивает, что описываемая с его помощью проблема имеет универсальный характер и разные региональные проявления. Север, таким образом, осмысливается в масштабе не столько отечественной, сколько всей мировой культуры.

Первичность восточных впечатлений делает их основой для чересчур смелых искусствоведческих параллелей. Деревянная колокольня в с. Заблудино напоминает Верещагину турецкий минарет, но не из-за действительного сходства, а из-за убежденности в том, что «восточный стиль имел большое влияние на наш русский». Так и храм Христа Спасителя кажется «прямым воспроизведением» Тадж-Махала и «полным заимствованием» с «восточного образца» [1, с. 77–78]. Резные колонны церкви в Пучуге, напротив, сделаны в «русском» стиле, который образовался из смешения элементов «византийского, итальянского, персидского и чисто мавританского» [там же, с. 80]. Последующие рассуждения о том, как в русской архитектуре XVIII в. взятые из Франции и Италии приемы вытеснили ее собственные, а заимствование превратилось в подражание, завершаются характерным выводом: «Только теперь снова начинают припоминать и разрабатывать свое – давно пора!» [там же, с. 81–82].

Трудно сказать, содержится ли в последних словах симпатия к перемене архитектурной стилистики при Александре III и в целом к той тенденции его царствования, которую Ричард Уортман назвал «воскрешением Московии» [8, с. 322, 334–349]. Но несомненно, что именно церкви Московской эпохи (XVI–XVII вв.) привлекали художника на Севере больше всего. Эти два столетия образуют в его сознании горизонт «старинности», древности. Все, что моложе, представлялось Верещагину не столь «интересным». Его тяга именно к эпохе расцвета Севера обусловлена не только натурными наблюдениями, выводами на месте. Она возникла до начала путешествия по Двине. Например, о «большой, старой, очень интересной» церкви в Черевкове Верещагин узнал еще в Москве – тем больше было его огорчение, когда он убедился в том, что этот «памятник старины почти погиб» из-за вычурных поновлений [1, с. 53–54]. Эту и другие потери «живого исторического материала», которым Россия и без того не богата, Верещагин рассматривает как целенаправленное посягательство на национальное искусство [там же, с. 61].

Называя церковь или колокольню «интересной», «интересной выше ожидания», не представляющей «большого

интереса» или «мало интересной», Верещагин субъективен и не раскрывает своих критериев, но бесцеремонно навязывает их изучаемому феномену (ср.: «все иконы переписаны до крайности неумелыми мастерами») [там же, с. 13]. Осуждая церковные власти или крестьян за слом ветхих церковных зданий или их переделку в современном духе, художник с той же легкостью может упрекнуть «новую избу богатого мужика» за безвкусицу, если только хозяин позволил себе добавить к ее убранству какие-нибудь «кудрявые завитки, без пользы, без смысла». Ценя северное зодчество только в одном, как ему кажется – лучшем изводе, других Верещагин не понимает и не принимает. Все архитектурное развитие региона после XVII в., за редким исключением, кажется ему упадком, искажением, отходом от традиции.

Верещагин намеренно встает на позицию путешественника-дилетанта, хотя упоминает, что в его взгляде на тот или иной памятник два аспекта – чисто художественный и «археологический» [там же, с. 76]. С этого ракурса рассматривается им и административная карта Севера. Церкви Архангельской губернии для него менее интересны, чем вологодские храмы – поскольку во время их строительства «край был еще совсем дикий <...> и местным мастерством отличаться они не могли» [там же, с. 95]. Схожие различия подмечал почти десятилетием позже И. Э. Грабарь. Для него церкви в районе Сольвычегодска были «не чета тем, что попадались на Сухоне» [9, с. 186].

Однако же Грабарь подходил к осмотру двинских древностей как ученый. Он не просто делал зарисовки или писал красками, а обмерял, фотографировал, делал выписки по истории церковей из клировых ведомостей. Верещагин «набрасывал» приглянувшиеся ему «типы, одежды и постройки» и конкретные их детали в записную книжку или альбом, работал на этюдах, если позволяла погода, но гораздо больше общался – с крестьянами, торговцами, священниками, земскими врачами и лесничими. Север открылся ему как новый огромный мир, известный в общих чертах, но знакомый и даже экзотичный в подробностях. Дефицит собственного, первоначального знания и делает его сочинение столь характерным в рамках северного дискурса, основные особенности которого он воспроизводит где-то осознанно, а где-то – интуитивно. Он изучает Подвинье широко, иногда с наивным энтузиазмом чужака-первопроходца, невольно акцентируя его отличия от прочей России (ср.: «...в этих местах большая часть общеупотребительных слов совершенно разнится от русских, средней полосы Империи») [1, с. 56]. Это для него внешний край, откуда можно двигаться только «внутрь России» [там же, с. 85].

Верещагин на Двине в первую очередь аналитик и этнограф-бытописатель (это обстоятельство отметил еще Г. П. Андреевский [10, л. 6]). Он разбирает и оценивает то, что видит, не увлекаясь пейзажем в слове, а оставляя его бумаге и холсту. Чаще всего, он избегает лишних эмоций, чем отличается от прочих писавших о Двине и Севере вообще художников. Путевые очерки Борисова – прямое отражение его живописи и методичное, привязанное к карте повторение реального маршрута. У Переплетчикова «желтая отмель» может «куриться» посреди «темно-лиловой Двины» [11, с. 21]. Грабаря «очаровывает» Сольвычегодск

и «соблазняют пути диких уток, покрывавшие черным ковром соединенное с Вычегдой озеро». Он «потрясен красотой и совершенством архитектурных форм шатровой церкви в Паниловском» [9, с. 185, 186]. Верещагин изредка обращает внимание на цвет двинской воды, скорость и силу ветра, мешающего плаванью барки, и гораздо чаще – на то, что «По всему широкому устью натыканы колья для ловли рыбы» [1, с. 42], отчего из-за песчаных наносов река мелеет. Ему интересно, чем ловят рыбу, сколько она стоит и как лучше сторговать ее на ярмарке; много ли получает земский врач, сплавщик леса, сколько раскольников в приходе и т. п. Диалоги с многочисленными собеседниками и их словесные портреты занимают в его книге гораздо больше места, чем картины природы. Возникающий из них образ Севера неизбежно полифоничен: его богатство не в яркости изображения, а в насыщенности передаваемой в нем социальной жизни. Максимум лиризма, допускаемого Василием Васильевичем – любование «чудесным закатом солнца» [там же, с. 63]. Впрочем, здесь художник оказывается прагматиком: он констатирует, а не только восхищается, равно передает свое ощущение, и качество увиденного. «Чудесной» для него может быть и деревянная резная скамеечка, найденная у церковной ограды [там же, с. 63].

Избирателен Верещагин в использовании топографических деталей. Высота и крутизна берега, характер рельефа, направление речного русла, качество дорог и передвижения по ним описываются порой с неожиданными аналогиями: «Местность оправдывает свое название "Пермогорье", т. е. продолжение Пермских гор – с большими домами, крытыми широкими крышами, она напоминает Швейцарию, в ее невысоких частях. Дорога все время идет с горы на гору, и через какие мостовые сооружения приходится переезжать – того не видевший и не поверит» [там же, с. 50]. Любопытны его емкие, точные замечания о природосообразности расселенческой структуры двинских волостей. Например, Черевковская «вытянулась полукругом на возвышенностях, вдоль левого берега реки, имея село в середине» [там же, с. 53].

Природное и социальное на Севере часто показываются у Верещагина в своеобразной синхронии. Благодаря этому, он видит Север глубже многих предшественников и невольных последователей. Наблюдая и отмечая то же, что и они, он делает это и образнее, и шире их. «Ужасная лесная дорога» открывает ему «что-то до того первобытное, запущенное, заброшенное, что вряд ли что-либо подобное есть в каком-нибудь другом царстве» [там же, с. 69]. Подобное художник находит в Сольвычегодске. Он замечает, что в XVI в., при Строгановых, «это был город», теперь же он представляет собой «такой маленький городок, что в нем почти ничего нельзя достать» [там же, с. 2–3]. А вот заштатный Красноборск, с его точки зрения, «имеет будущность», поскольку лежит близко к Великому Устюгу и Сольвычегодску, ведет бойкую торговлю и активно «обстраивается» [там же, с. 44]. Вокруг города находятся «превосходные» пастбища и даже воздух его был в день отплытия «чудный, мягкий», а «краски спокойной воды, отражавшей небо и облака, превосходили всякое описание» [там же, с. 46].

Целостность свойственна и Верещагинской критике, в которой, на поверку, оказывается гораздо больше анализа, нежели пафоса. То, что двадцати человек врачебного персонала недопустимо мало на 300–400 верст, является причиной бедственного медицинского положения северной деревни в той же степени, что и бедность ее самой [1, с. 56–60]. Отсталость северного лесного хозяйства обусловлена не одной его примитивной техникой, но и элементарной нехваткой грамотных лесничих, сторожей, объездчиков. Она является следствием банального «недоуправления» – когда «единственное начальство» (урядник) «занимается охотой, рыболовством, хлебопашеством, но не службою» [там же, с. 69–70].

Объективность Верещагина имеет, конечно, свои пределы. Тональность изложения, весь его взгляд на Север сильно зависят от настроения. Нужно учитывать, что в книге сырой, исходный материал путевого дневника монтируется с позднейшими литературно доработанными вставками, превращающими травелог в развернутый комментарий к этюдам и рисункам. Сочетание синхронной – дневниковой – оптики с ретроспективной в тексте, усложняющее жанровую идентификацию, обозначается нерегулярным указанием дат. Так, между 4 и 12 июля совсем нет датированных частей – только краткие хронологические ремарки («вечером», «на утро» и т. п.), либо, реже, данные развернуто: «С 5 июня мы стояли два дня в Березняках» [там же, с. 99; здесь в опубликованном тексте опечатка, верно: 5 июля]. Монтажность композиции показывается даже типографскими средствами, причем описание путешествия по Двине вдвойне последовательно ограничивается от рассказа о пребывании в Архангельске и поездке в Соловецкий монастырь: сначала заключающей фразой («Так кончилось наше плавание на барке-яхте...»), а затем отбивкой [там же, с. 105].

Последние страницы очерка полностью литературны: в них отсутствуют даты и четко оформленное завершение. Незаконченностью этого фрагмента подчеркивается и усиливается неприязнь Верещагина к Соловкам, в которой можно найти даже гигиенический оттенок. Монастырь для художника – «столько же молитвенная община, сколько и торговая компания» [там же, с. 118], где все за трапезой утираются одной грязной тряпкой [там же, с. 117]; иконописная школа при обители кажется «примитивной», а соловецкие церкви все «перепорчены» переделками [там же, с. 114, 116]. Если плавание на барке вышло «временами беспокойным, но в общем – приятным и довольно поучительным», то о беломорском вояже ничего хорошего Василий Васильевич сказать не хочет.

Можно сказать, что авторский метод «сборки» Севера в качестве дифференцирующего признака использует как раз субъективно-эмоциональную градацию, действие которой распространяется даже на природные ландшафты. Однако в историческом и экономическом отношении Север для него един. Он не расчленяется на отдельные зоны или области: административное или географическое деление не является в понимании Верещагина определяющим критерием конструирования региона, хотя и учитывается им как своего рода симптом, показатель хозяйственно-культурных различий. Верещагин еще не

прибегает к этнографическому маркированию: Север воспринимается им как пространство наследия – старины, памятники которой имеют общенациональное значение. В этом убеждении Верещагин оказывается гораздо ближе к писавшим о Севере публицистам, чем к своим собратьям художникам.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Верещагин, В. В. На Северной Двине. По деревянным церквам. III приложение к каталогу картин В. В. Верещагина / В. В. Верещагин. – Москва : Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1896. – 121 с.
2. Лебедев, А. К. В. В. Верещагин / А. К. Лебедев, А. В. Солодовников. – Москва : Искусство, 1988. – 205 с.
3. Тихомиров, А. Н. Верещагин / А. Н. Тихомиров. – Москва : Искусство, 1942. – 100 с.
4. Борисов, А. А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря. Путевые очерки художника Александра Алексеевича Борисова / А. А. Борисов. – Санкт-Петербург : Издание А. Ф. Девриена, 1907. – 104 с.
5. Борисов, А. А. В стране холода и смерти. Экспедиция художника А. А. Борисова / А. А. Борисов. – Санкт-Петербург : Типография И. В. Леонтьева, 1909. – 68 с.
6. Указатель выставки картин В. В. Верещагина с объяснительным текстом. 1895. Москва, Исторический музей. – Москва : Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1896. – 96 с.
7. Верещагин, В. В. Из записной книжки / В. В. Верещагин // Верещагин В. В. Повести, очерки, воспоминания / составление, вступительная статья и примечания В. А. Кошелева и А. В. Чернова. – Москва : Советская Россия, 1990. – 352 с.
8. Уортман, Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II / Р. С. Уортман; пер. с англ. И. А. Пильщикова. – Москва : ОГИ, 2004. – 796 с.
9. Грабарь, И. Э. Моя жизнь (автобиография) / И. Э. Грабарь. – Москва – Ленинград : Искусство, 1937. – 374 с.
10. Андреевский, Г. П. О литературном творчестве художника В. В. Верещагина. Авторизованная машинопись. 1987, февраль // Череповецкое музейное объединение. Ф. 38. Б. инв. 10 л.
11. Переплетчиков, В. В. Север. Очерки русской действительности / В. В. Переплетчиков. – Москва : Товарищество «Книгоиздательство писателей в Москве», 1917. – 180 с.

References

1. Vereshchagin, V. V. Na Severnoi Dvine. Po derevyannym tserkvam. III prilozhenie k katalogu kartin V. V. Vereshchagina [On the Northern Dvina. Through wooden churches. III-rd Appendix to the catalog of paintings by V. V. Vereshchagin] / V. V. Vereshchagin. – Moscow: Typolithography of the partnership I.N. Kusnerev & Co., 1896. – 121 p.
2. Lebedev, A. K. V. V. Vereshchagin / A. K. Lebedev, A. V. Solodovnikov. – Moscow: "Iskusstvo" Publ., 1988. – 205 p.

3. Tikhomirov, A. N. Vereshchagin / A. N. Tikhomirov. – Moscow: "Iskusstvo" Publ., 1942. – 100 p.
4. Borisov, A. A. U samoedov. Ot Pinegi do Karskogo morya. Putevye ocherki khudozhnika Aleksandra Alekseevicha Borisova [At Samoyeds. From Pinega to the Kara Sea. Travel sketches of the artist Alexander Alekseevich Borisov] / A. A. Borisov. – St.Petersburg: Edition of A. F. Devrien, 1907. – 104 p.
5. Borisov, A. A. V strane kholoda i smerti. Ekspeditsiya khudozhnika A. A. Borisova [In the land of cold and death. Expedition of the artist A. A. Borisov] / A. A. Borisov. – St.Petersburg: I. V. Leontyev Printing House, 1909. – 68 p.
6. Ukazatel' vystavki kartin V. V. Vereshchagina s obyasnitel'nym tekstem. 1895. Moskva, Istoricheskii muzei [Index of the exhibition of paintings by V. V. Vereshchagin with an explanatory text. 1895. Moscow, Historical Museum]. – Moscow: Typolithography of the partnership I.N. Kusnerev & Co., 1896. – 96 p.
7. Vereshchagin, V. V. Iz zapisnoi knizhki [From a notebook] / V. V. Vereshchagin // Vereshchagin V. V. Povesti, ocherki, vospominaniya / sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya V. A. Kosheleva i A. V. Chernova [Novellas, essays, memoirs / compilation, introductory article and notes by V. A. Koshelev and A.V. Chernov]. – Moscow: Soviet Russia Publ., 1990. – 352 p.
8. Wortman, R. S. Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii. V 2 t. T. 2. Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II [Scenarios of power: myths and ceremonies of the Russian monarchy. In 2 vols. Vol. 2. From Alexander II to the abdication of Nicholas II] / R. S. Wortman. – Moscow: OGI [United Humanitarian Publishing House], 2004. – 796 p.
9. Grabar', I. E. Moya zhizn' (avtomonografiya) [My life (autobiography)] / I. E. Grabar. – Moscow – Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 1937. – 374 p.
10. Andreevsky, G. P. O literaturnom tvorchestve khudozhnika V. V. Vereshchagina. Avtorizovannaya mashinopis'. 1987, fevral' [About the literary work of the artist V. V. Vereshchagin. Authorized typewriting. 1987, February] // Cherepovets Museum Association. F. 38. B. 10 l.
11. Perepletchikov, V. V. Sever. Ocherki russkoi deistvitel'nosti [The North. Essays on Russian reality] / V. V. Perepletchikov. – Moscow: Partnership "Book publishing of writers in Moscow", 1917. – 180 p.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01128, <https://rscf.ru/project/23-28-01128/>.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01128, <https://rscf.ru/project/23-28-01128/>.

Информация об авторе:

Всеволодов Антон Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329> (162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; e-mail: vsevolodov12@yandex.ru).

Author:

Anton V. Vsevolodov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy of Cherepovets State University, <https://orcid.org/0000-0002-8674-7329> (5, Lunacharsky Ave., Cherepovets 162600, Russian Federation; e-mail: vsevolodov12@yandex.ru).

Для цитирования:

Всеволодов, А. В. В. Верещагин и «изобретение» Севера в литературе и публицистике конца XIX–начала XX века (часть вторая) / А. В. Всеволодов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 67–71.

For citation:

Vsevolodov, A. V. V. Vereshchagin and the «invention» of the North in literature and journalism of the late XIX – early XX century (part two) / A. V. Vsevolodov // Proc. of the Komi Sciece Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2024. – No. 1 (67). – P. 67–71.

Дата поступления статьи: 17.01.2024

Прошла рецензирование: 19.01.2024

Принято решение о публикации: 22.01.2024

Received: 17.01.2024

Reviewed: 19.01.2024

Accepted: 22.01.2024

«Учреждение, где ведают страхом и ужасом»: Архангельское губернское жандармское управление в 1908–1915 годах

А. Д. Резанов

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск
andreydmrezanov@yandex.ru

Аннотация

Статья анализирует особенности развития политического сыска в Архангельской губернии в 1908–1915 гг., когда губернское жандармское управление возглавлял полковник, позже генерал-майор, Николай Илларионович Мочалов. Для подобной должности это был весьма длительный период руководства, который характеризовался тремя этапами: активной борьбой жандармов и полиции с революционным движением в годы «столыпинской реакции», затем некоторой стабилизацией обстановки к 1914 г., и первыми годами Первой мировой войны.

Обоснование решающего значения личности Н. И. Мочалова как опытного функционера политического сыска в достаточно эффективном снятии социального напряжения, которое росло в регионе с конца XIX в. и достигло апогея в период революции 1905–1907 гг. В военное время обострившаяся шпиономания, в совокупности с проблемами усложнившейся службы, сделали фигуру Н. И. Мочалова неудобной для жандармско-полицейского начальства. Методы борьбы с «внутренней угрозой» мирного времени оказались неактуальными в военный период в связи с необходимостью качественного повышения активности жандармов, сотрудничества с военными властями.

Ключевые слова:

политический сыск, жандармы, Архангельское губернское жандармское управление, революционное движение, Первая мировая война, контрразведка

В истории Российской империи XX в. произошло две революции, которые отражали сложные социальные процессы, вызванные проблемами устройства пореформенного русского общества. Революция 1905–1907 гг. подняла против властей большинство социальных слоев (рабочие, крестьяне, интеллигенция, мелкая и средняя буржуазия), представители каждого из которых предлагали собственный вариант государственного устройства в рамках ограничения монархии либо вовсе ее свержения. Некоторое ограничение самодержавной власти демократически-

«An institution where fear and horror are in charge»: Arkhangelsk Provincial Gendarmerie Department in 1908–1915

A. D. Rezanov

M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
Arkhangelsk
andreydmrezanov@yandex.ru

Abstract

The paper analyzes the peculiarities of the development of political investigation in the Arkhangelsk province in 1908–1915, when the Provincial Gendarmerie Department was headed by Colonel, later Major General, Nikolai Illarionovich Mochalov. For such a position, it was a very long period of leadership, which was characterized by three stages: the active struggle of the gendarmes and police against the revolutionary movement during the “Stolypin reaction”, then some stabilization of the situation by 1914, and the first years of the World War. The purpose of the paper is to substantiate the decisive importance of N.I. Mochalov's personality as an experienced functionary of political investigation, who was quite effective in relieving social tension that had been growing in the region since the end of the XIX century and reached its apogee during the Revolution of 1905–1907. During wartime the aggravated espionage, combined with the problems of the complicated service, made the figure of N.I. Mochalov inconvenient for the Gendarmerie and Police authorities. Methods of combating the “internal threat” in peacetime turned out to be irrelevant in the war period due to the need to qualitatively increase the activity of the gendarmes and cooperation with the military authorities.

Keywords:

political investigation, gendarmes, Arkhangelsk Provincial Gendarmerie Department, revolutionary movement, First World War, counterintelligence

ми институтами в итоге произошло, но уже через 10 лет, в конце февраля–начале марта 1917 г., правящий режим рухнул под новым напором массового движения.

Эти 10 лет «меж двух революций» представляли собой особенный период и по-разному оценивались в историографии. Советские авторы, всецело критикуя реакционную политику П. А. Столыпина на посту министра внутренних дел, отмечали, что период 1907–1917 гг. характеризовался дальнейшим отрывом царизма от своей социальной опоры в виде дворянства и крупной буржуазии, что определи-

ло невозможность сохранения государственности в рамках «третьеиюньской системы» [1, с. 11]. Общая позиция современной историографии акцентирует внимание на переходном характере данного этапа, когда в политической системе «причудливо сочетались элементы нового и старого», а репрессии для стабилизации обстановки сопровождались в дальнейшем попытками правящих кругов решить «наболевшие проблемы развития страны путем реформ», дабы избежать нового революционного взрыва [2, с. 374–375].

Так или иначе, после провала радикально-социалистического и «кадетского» сценариев революции в 1905–1907 гг., власть приступила к жесткой борьбе с революционным движением. В ее силах для этого имелась разветвленная полицейская система, особенной частью которой являлись органы, ведущие политический сыск. К 1907 г. это были губернские жандармские управления, жандармские полицейские управления железных дорог, охранные отделения в губерниях и районные охранные отделения (далее – РОО). Все эти структуры в своей наблюдательной и розыскной службе были подчинены Департаменту полиции МВД, а по всем внутренним вопросам функционирования – Управлению Отдельного корпуса жандармов (далее – ОКЖ), чьими чинами и комплектовались [3, с. 109].

Большинство жандармов и чинов «гражданской» полиции, которые также подключались к расследованию дел по «государственным преступлениям», было рассредоточено по губерниям. И если яркие страницы политического сыска 1907–1914 гг. в Санкт-Петербурге и других крупных городах Империи подробно описаны, то ситуация с изучением «провинциальной» борьбы против революционеров иная. История некоторых губерний в указанный период изучена скудно, и, безусловно, это относится, например, к Архангельской губернии. Малочисленные статьи по истории регионального политического сыска [4, 5] более подробно описывают местную ситуацию в революционный (1905–1907) и военный (1914–1917) периоды, но не процессы, происходившие между ними.

Данное упущение особенно заметно, так как в указанный период Архангельское губернское жандармское управление (далее – АГЖУ) возглавлял Николай Илларионович Мочалов – видный функционер политической полиции, фигура отнюдь не заурядная в силу как минимум трех обстоятельств. В первую очередь, Н. И. Мочалов возглавлял местный политический сыск более семи лет, что было достаточно долго, учитывая, что средний срок пребывания начальника АГЖУ в должности составлял 3–5 лет. Дольше Мочалова возглавлял АГЖУ только А. Н. Щетинин в 1874–1885 гг. [6, л. 4 об]. Но если в случае полковника Щетинина длительный срок службы можно связать скорее со стабильной ситуацией в губернии и необходимостью организационного становления работы АГЖУ, то Н. И. Мочалову досталось совсем другое, куда более трудное положение дел. Только эффективность действий могла позволить ему доказать свою дальнейшую необходимость губернскому политическому розыску.

Значимую роль полковника Мочалова с точки зрения начальства ОКЖ еще ярче определяет тот факт, что из всех начальников АГЖУ только он был произведен в генерал-майоры, оставшись при этом в должности. Прочие начальники, вместе с повышением до генерал-майора либо выходили в отставку, либо их переводили в другую губернию.

Наконец, в истории АГЖУ нам пока не известно ни одного начальника, помимо Н. И. Мочалова, кто имел бы опыт службы в охранным отделении. Между тем, весьма ценным фактором для дальнейшей жандармско-полицейской деятельности было то, что в апреле 1897 г. Мочалов на несколько месяцев стал помощником начальника Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге. Более того, в 1901–1902 гг. он исполнял обязанности начальника этого охранного отделения [7, с. 233].

Н. И. Мочалов родился в 1863 г. в семье потомственных дворян, получил образование в Техническом училище морского ведомства. В 1885 г. принял звание прапорщика, а в 1894 г. был произведен в ротмистры [8, л. 3]. Прежде чем возглавить АГЖУ, он успел, как и любой перспективный жандармский офицер, прослужить на многих постах и увидеть социально-политическую ситуацию в различных губерниях.

В 1887 г. Н. И. Мочалов вошел в состав ОКЖ, а уже в следующем году назначался адъютантом Архангельского губернского жандармского управления, пребывая в звании корнета. Таким образом, в жандармской карьере Мочалова знакомство с Севером произошло достаточно скоро. Служба в Архангельской губернии продолжилась: в первой половине 1889 г. Мочалов исполнял должность помощника начальника АГЖУ в Пинежском и Мезенском уездах, находящихся на северо-востоке. Затем, в сентябре 1889 г. его назначили адъютантом Казанского ГЖУ [7, с. 233].

В апреле 1900 г. МВД отмечал «особые заслуги» ротмистра Мочалова: его произвели в подполковники. В 1904 г. следует повышение до чина полковника. Затем, в 1906 г., была недолгая служба на посту начальника Енисейского ГЖУ, после – начальника Костромского ГЖУ [там же]. Наконец, 1 марта 1908 г. Н. И. Мочалова вновь назначают в Архангельскую губернию, теперь уже встать во главе «учреждения, где ведают страхом и ужасом».

Именно так главный герой исторической повести «В Девятьсот пятом» характеризует Архангельское ГЖУ, отправляясь туда на допрос [9, с. 57]. В 1905–1908 гг., до назначения Мочалова, АГЖУ возглавлял А. Ф. Соболев, на чье руководство и пришелся наиболее острый период революционного брожения, а также мощных общественных столкновений [10, л. 76–81]. Полковник Соболев действительно широко развернул оперативно-розыскную деятельность, направленную на борьбу с основным революционным элементом в губернии – политическими ссыльными. Массовые аресты и обыски 1906–1907 гг., особенно в период избирательной компании в Думу, привели к тому, что колония ссыльных в Архангельске, самая крупная в губернии, «полностью ликвидировала свои дела» [11,

с. 4]. Жандармы действовали жестко: например, пускались в ночную погоню за давно разыскиваемым рабочим и, после предупредительного выстрела, ловили и доставляли в АГЖУ [12, с. 4].

Несмотря на это, директор Департамента полиции (далее – ДП) М. И. Трусевич отмечал большие проблемы в эффективности работы АГЖУ: он констатировал, что полковник Соболев к концу 1907 г. так и не обзавелся секретными агентами, в целом не проявляет никакой активности в борьбе с революционерами [13, л. 4, 5; 8–12]. Начальник АГЖУ подробно объяснял причины затруднений (отсутствие подготовки к политическому розыску у «старых офицеров», малочисленность штата), но 1 марта 1908 г. был снят с должности и прикомандирован к Петербургскому ГЖУ.

Ознакомившись с положением дел в губернии, Н. И. Мочалов пришел к неутешительным выводам, которые в конце 1908 г. как новый начальник АГЖУ изложил в рапорте для штаба ОКЖ. Они касались в основном трех тесно связанных проблем, которые сразу были расценены как ключевые: отношений жандармов с полицией, надзора за ссыльными и работы с секретными агентами. В частности, Мочалов обозначил, что «фактического надзора за ссыльными не существует», работа городских не выдерживает критики, встречаются случаи попустительства полиции по отношению к ссыльным. Также упомянул о том, что Холмогорский уездный исправник выслал из города направленного АГЖУ агента [14, л. 18–21].

В этот период продолжались многочисленные обыски, которые жандармы вели вместе с чинами полиции. Например, в сентябре 1908 г. окончилось дознание по итогам обнаружения в книжном магазине М. Г. Шашковской «книг и брошюр преступного противоправительственного содержания» [15, л. 276–281]. Кроме того, большое количество нелегальной литературы было найдено в ходе обыска в Архангельском Союзе рабочих печатного дела [16, л. 31].

Что касается секретной агентуры, этот вопрос для всех провинциальных ГЖУ стал крайне актуальным, особенно после разоблачения Е. Ф. Азефа в 1908 г. [17, с. 91]. В условиях систематической борьбы с революционными ячейками, чинам жандармских и полицейских управлений было мало лишь выявлять нелегальную литературу, «работая по площадям». Требовалось иметь в распоряжении секретных сотрудников, способных вести внутреннее наблюдение. АГЖУ при этом получало на агентуру в пределах 1–2 тыс. руб. в год, что крайне мало относительно подавляющего большинства охранных структур [18, с. 42].

Поначалу это плохо сказывалось на наружном наблюдении. Так, в июне 1908 г. Н. И. Мочалов писал в Департамент полиции, что не имеет сведений о местной организации РСДРП из-за отсутствия секретных сотрудников, хотя и предполагает, что организация существует [19, л. 14]. Однако уже к концу года АГЖУ удалось наладить наблюдение за местными лицами, причислявшими себя к социал-демократам. Если опираться на сводки наблюдений, ежемесячно направляемые Мочаловым в ДП и РОО, в 1909 г. местная организация социал-демократов не име-

ла боевого крыла, зато жандармы располагали уже тремя секретными агентами в среде ссыльных, рабочих и интеллигентов [20, л. 19]. Несмотря на стабилизацию агентурной работы АГЖУ, сведения от секретных сотрудников были нерегулярными, что приводило к запросам ДП о том, существуют ли вообще в губернии нелегальные организации? [21, л. 4].

Если служебные отношения АГЖУ с вышестоящими инстанциями (ДП и Санкт-Петербургское РОО) не были осложнены в довоенный период, то в сотрудничестве с губернаторской властью камнем преткновения был вопрос о надлежащем надзоре за ссыльными. Поводом для беспокойства Н. И. Мочалова в 1909 г. послужили доклад помощника, который сообщал, что гласный надзор полиции исполняется «больше на бумаге чем на деле», а также собственные опасения по поводу возможных ограблений, которые могут устроить ссыльные с опытом экспроприаций [22, л. 167–178, 208]. Мочалов изложил свои соображения о необходимости охраны банка на особом совещании, что вызвало в итоге несогласие губернатора И. В. Сосновского. Тот назвал заключение АГЖУ недостаточно обоснованным, а опасения Мочалова преувеличенными [там же, л. 177]. Несмотря ни на что, в марте 1910 г. Мочалов доложил директору Департамента полиции Н. П. Зуеву, что усилил меры против ограблений, негласный надзор, и повелел унтер-офицерам города «лично знать в лицо всех ссыльных» [там же, л. 187].

Местные жандармы постепенно усиливали наблюдение за рабочим и крестьянским движениями. Например, 1 мая 1912 г. на лесозаводах района Маймакса было выявлено «скопище с целью выразить протест по поводу Ленских событий и сочувствие РСДРП». К дознанию привлекли 57 чел., хотя некоторые бежали и были объявлены в розыск [23, л. 5, 236–237].

В том же году АГЖУ должно было пресекать слухи среди крестьян о даровании «дополнительного бесплатного надела», которые могли бы вызвать восстание на почве раздела земли [22, л. 237]. Ранее Н. И. Мочалов выражал в штаб ОКЖ беспокойство за состояние крестьянских умонастроений в Шенкурском уезде, желая, чтобы в штат АГЖУ была возвращена должность помощника по данному уезду, которая была упразднена в 1902 г. Это позволило бы усилить жандармский надзор и число унтер-офицеров в Шенкурске. Однако в ответ постановили, что «за неимением свободных офицеров командирован никто быть не может» [24, л. 4]. Тогда Мочалов обратился за содействием к И. В. Сосновскому, но и это не принесло результатов [там же, л. 8].

Другими уездами, привлечшими внимание АГЖУ, стали западные: Кемский и Александровский. В 1910–1912 гг. Н. И. Мочалов пытался бороться с контрабандой из Финляндии, имея сведения о ввозимом оружии, бомбах и нелегальной литературе с корреспонденцией революционеров. Он просил усилить охрану на таможенных пунктах западных уездов, но управляющий Архангельской таможней, в свою очередь, сослался на большие расходы в случае усиления пунктов, а также на отсутствие «безусловно достоверных данных» о контрабанде [25, л. 6–7].

И если в ситуации со штатом Шенкурского уезда начальнику АГЖУ пришлось смириться, то в вопросе охраны российско-норвежской границы Н. И. Мочалов не отступил от идеи контроля перевозок. В конце 1913 г. он предложил направить жандармов в пограничное становище Печенга для помощи в полицейской проверке паспортов на судах, курсирующих в Норвегию и обратно. Проект был в итоге одобрен, и в период навигации мая-сентября 1914 г. жандармские чины (в том числе вахмистр Савчик, знавший шведский язык) вели проверку паспортов для выявления скрывающихся преступников [26, л. 12]. Итоги получились двойственными: унтер-офицеры достойно справились с возложенной миссией, но начальство ОКЖ не видело пользы в продолжении их деятельности. Вновь жандармский пункт в Печенге заработает только в условиях Первой мировой войны.

Но все же основным направлением в розыскной работе АГЖУ была на тот момент ликвидация местных ячеек РСДРП и ПСР, состоявших главным образом из ссыльных. Особенно насыщенными стали для местного политического сыска 1910–1911 гг.

В июле 1910 г. Н. И. Мочалов узнал, что в Пинеге образовалась группа социал-демократов в составе 18 ссыльных. В сентябре последовало 35 обысков, проведенных прибывшими туда из Архангельска жандармами [27, л. 102]. Это вызвало недовольство ДП, которое указало, что право производить обыски у ссыльных в установленном порядке есть лишь у общей полиции, а поскольку не было выявлено признаков государственного преступления, жандармерия не должна была самостоятельно вмешиваться [27, л. 116]. В Пинеге, по данным агента «Самарского», также возникла группа эсеров в составе 11 ссыльных. В ответ на донесение РОО сочло, что эти люди «весьма серьезны», и потому следует расследовать их деятельность глубже, после чего разогнать ссыльных по разным уездам [26, л. 88–90]. В июле, также благодаря работе «Самарского», в Пинежском уезде была выявлена группа организации «Бунд» в составе семи евреев, которую решили ликвидировать «в благоприятный момент» [27, л. 83 об].

В апреле того же года АГЖУ обратило внимание на собрание 21 члена революционных организаций в Холмогорах. Филерское наблюдение «по местным условиям» было «совершенно невозможно», но группу обязались ликвидировать в «наиболее благоприятный момент для изобличения» [28, л. 58 об]. Массовые обыски у ссыльных в Холмогорах грянули в июне, в результате чего было найдено множество писем и нелегальной литературы [29, л. 57–58].

В мае 1910 г. обыски к тому же прошли в Архангельске у группы лиц, оказывавших материальную помощь ссыльным, что привело к возбуждению через месяц переписки в порядке «Положения о мерах к охранению» 1881 г. Главным фигурантом стал врач С. А. Никонов, организовавший «Комитет красного креста партии СР» [30, л. 67–68].

К ноябрю 1910 г. Мочалов сообщал в Санкт-Петербургское РОО о Пинежской и Холмогорской группах эсеров как о «ликвидированных», выражал уверенность в местных секретных сотрудниках, но также просил «охранку» вы-

слать в Архангельск «своего сотрудника» для более подробного освящения деятельности архангельской организации эсеров [27, л. 146].

Разгром революционеров в двух уездах позволил АГЖУ вплотную заняться и другими. В частности, с лета 1911 г. агенты АГЖУ активно наблюдали за Кемской колонией ссыльных социал-демократов. 17 сентября ротмистр А. И. Говорович с отрядом унтер-офицеров в штатском был направлен на ликвидацию колонии [31, л. 88]. В ходе массовых обысков и арестов совместно с полицией колония была разогнана, обнаружилось большое количество нелегальной литературы. Однако не был найден устав организации, что затруднило возбуждение дознания. Поэтому Н. И. Мочалов предложил рассредоточить ссыльных по иным уездам [там же, л. 120]. В феврале 1911 г. вновь дала о себе знать Холмогорская группа социал-демократов. Охранная переписка велась по их делу до ноября. В ходе новых результативных обысков в Холмогорском уезде ссыльные (в их числе К. Е. Ворошилов) были арестованы [32, л. 3].

Так, к 1912 г. активная фаза ликвидации нелегальных организаций ссыльных в губернии завершилась, что совпадало с общим снижением социальной нестабильности в России. Отнюдь не все дела доходили до суда и тюремного заключения фигурантов, но партийной организации местные революционеры фактически лишились. Из последующих акций АГЖУ стоит отметить дело «архангельской группы анархистов-синдикалистов», которое было в центре внимания жандармов в течение апреля-сентября 1912 г. Позже эта группа стала именоваться в документации «анархистами-коммунистами» [33, л. 176]. Они были тесно связаны с СР и организовали в Архангельске демонстрацию 1 мая 1912 г. В ходе последовавших обысков у членов кружка нашлись красные флаги и нелегальная литература, а 12 подозреваемых помещены под стражу. В дальнейшем, при ведении дознания, число заключенных увеличилось до 17. Дело завершилось тем, что большинству анархистов-коммунистов мера пресечения была заменена на особый надзор полиции, а двое главных фигурантов внесли за себя большой залог [21, л. 390].

Наконец, в начале 1913 г. велась охранная переписка по Онежской группе социал-демократов среди рабочих лесопильных заводов. Подробные сведения от агента «Стрекаловского» позволили арестовать, а позже поместить под гласный надзор более десятка подозреваемых [34, л. 30–33].

Очевидно, что чинам АГЖУ во главе с Н. И. Мочаловым удалось качественно усилить розыскную деятельность и всего за несколько лет выстроить работу с секретными агентами. Эффективность политического сыска в этот период признается историками. М. К. Ветошкин писал, что «ко времени Февральской революции большевистские организации почти повсюду на Севере были разгромлены жандармами и полицией» [35, с. 22], а Е. И. Овсянкин отмечал, что «архангельским большевикам был нанесен весьма ощутимый удар в годы реакции» [36, с. 19]. Мы же могли убедиться, что не только большевики, но и эсеры становились предметом «ликвидации».

В деле ужесточения надзора за общим порядком и государственной безопасностью Н. И. Мочалов уделял большое внимание распределению личного состава АГЖУ по всей губернии. К 1914 г. структура ведомства приняла максимально разветвленный вид за все 50 лет своего функционирования: жандармы исполняли свои обязанности, находясь, помимо Архангельска и восьми уездных городов, также в селах, торговых посадах и на заводах (общей сложности – 20 пунктов) [37, л. 44–45]. В том же году, уже в условиях начавшейся Мировой войны, Мочалов настаивал на необходимости создания жандармского офицерского пункта в архангельском порту. С начала 1915 г. этот пункт был создан во главе с ротмистром А. Ф. Бетковским. В его подчинении находилось 12 прикомандированных унтер-офицеров, и так общий штат АГЖУ достиг более чем 40 чинов [там же]. Такого количества жандармов в губернии никогда не присутствовало, хотя, конечно, все равно его было мало для надлежащего контроля обстановки.

Однако, несмотря на усилия Мочалова с Бетковским и разработанные правила получения пропусков в военно-перегрузочные районы, сама процедура была несложной, а сторожевая служба во многом халатной. В 1914–1915 гг. архангельский порт не располагал ни серьезными заграждениями, ни сосредоточенностью на территории порта многочисленной охраны [38, с. 17]. К тому же, негативно на функции жандармского пункта в портовых районах влияла бюрократизация, когда переписки по любому вопросу могли длиться до возникновения ЧП [4, с. 14].

В целом, во время войны в губернии были не распространены социальные протесты, проявлялись только локальные выступления экономического характера [39, л. 121]. Основной проблемой АГЖУ стала уже не борьба с революционным движением, а необходимость координации действий с военными властями в контрразведывательных мероприятиях. Но это явилось для Н. И. Мочалова тем обстоятельством, которое в конечном счете привело к закату карьеры. Прежде всего, чины ОКЖ всю свою историю службы были должны выявлять внутренних врагов государственного строя и бороться с ними. Поэтому АГЖУ продолжало вести наблюдательную деятельность для обнаружения оппозиции, например в военно-промышленном и продовольственном комитетах, латышском обществе, польском обывательском комитете, среди еврейского населения.

Контрразведка, в свою очередь, предполагала выявление шпионов как внешних неприятелей, т. е. имела другую специфику работы. Поэтому жандармов обвиняли в непрофессионализме, а также в том, что они неумелыми действиями на поприще борьбы со шпионажем способствовали чрезмерному развитию в стране шпиономании [40, л. 34]. Это стало особенно характерно для Архангельска, где издавна существовала большая «немецкая» община: потомков не только (и не столько) германских, но и британских, голландских, скандинавских родов. «Немцами» именовали всех выходцев из Западной Европы.

Вполне логично, что во время войны с Германией «немецкое» население Архангельска попало под подозрение в сочувствии к врагу. Одним из ярких примеров

архангельской шпиономании стало дело заведующего Мурманской биологической станции Г. А. Ключе, которого обвинили в симпатии германскому правительству. Ключе, а также его мать 76 лет были арестованы и заключены под стражу, а затем под конвоем направлены в Петроград. В итоге мать Ключе умерла, а АГЖУ пришло к выводу, что имел место оговор ученого [41, л. 61, 125].

По мнению Л. Г. Новиковой, архангельские жандармы и военные чиновники были склонны списывать все беды на происки «внутреннего немца» [42, с. 41]. Межэтническая ситуация усугублялась тем, что многие «немцы» принадлежали к обеспеченным слоям, а особенно это касалось владельцев лесопильных заводов. Так, в 1913 г. выходцам с Запада принадлежали в Архангельской губернии девять заводов из 44, или 20 % [36, с. 17]. К «немецкой» семье относилась и Альма Яковлевна Клафтон – жена Н. И. Мочалова, которая скончалась еще в 1911 г. Она принадлежала к купеческому роду британского происхождения.

Управление ОКЖ и Департамент полиции из Петрограда не стремились вникнуть в разницу между иностранцами и местными обрусевшими «немцами». 26 июня 1915 г. Мочалов составил доклад для начальника штаба ОКЖ В. П. Никольского, стараясь снять с себя обвинения в связях с немцами и в том, что под влиянием родственников покойной жены «пассивно и равнодушно относился к поступающим сведениям по шпионажу» [43, л. 1–5]. Начальник АГЖУ объяснял, что подавляющее большинство архангельских «немцев», и в том числе Клафтоны, происходят не из Германии, но это не помогло. Приказом по ОКЖ от 25 июля 1915 г. Н. И. Мочалов был снят с должности и получил выговор. Утверждалось, что с самого начала войны он слепо полагался на данные контрразведывательных органов, а сам «не проявлял инициативы» в борьбе со шпионажем. Руководство ОКЖ настаивало, что в Архангельске «издавна замечалось немецкое засилье» [43, л. 6]. Мочалова отныне назначили начальником Пермского ГЖУ, а руководителя этого управления Е. П. Флоринского, в свою очередь, перевели на пост начальника АГЖУ.

Можно сказать, что это была ссылка. Генерал-майор счел новое назначение «незаслуженным, крайне обидным и разорительным», ходатайствовал о пересмотре решения, но оно осталось в силе [43, л. 8–9]. Мочалов был вынужден покинуть губернию, в которой без сомнения успел полностью укорениться в личном и служебном плане.

При начальниках АГЖУ Е. П. Флоринском (1915–1916) и А. Н. Кормилеве (1916–1917) борьба с германским шпионажем еще более усилилась, как и укрепилась охрана порта. Кроме того, для повышения качества контрразведки осенью 1915 г. при Флотилии Северного Ледовитого океана создавалось Беломорское контрразведывательное отделение, а в январе 1917 г. запускался контрразведывательный пункт при штабе Кольского оборонительного района [44, с. 28]. Данные структуры возглавлялись и комплектовались чинами ОКЖ, но не имели отношения к АГЖУ, никак от него не зависели.

Что касается Н. И. Мочалова, должность начальника Пермского ГЖУ стала для него последней. Уже в 1916 г. по состоянию здоровья он вышел в отставку. Его дальнейшая

судьба остается во многом неясной. Имеет смысл предположить, что Мочалов в итоге вернулся в Архангельск, возможно, к оставшимся там родственникам и незавершенным делам. Во всяком случае, он находился на территории Архангельской губернии, так как, по некоторым данным, 27 июня 1918 г. был арестован силами ЧК. Во время обыска на его квартире «было найдено много документов и рукописей важного характера», после чего Мочалова доставили в губернскую ЧК при Архангельском губисполкоме [45, с. 65]. Дальнейшие детали пока остаются неизвестными, но, учитывая самую активную деятельность генерал-майора во главе АГЖУ, едва ли ему удалось избежать кары «жандармов» нового режима.

История Н. И. Мочалова позволяет заключить, что служебная карьера и общая репутация чинов ОКЖ из числа штаб-офицеров, даже если те являлись значительными фигурами политического сыска, зависели от многих обстоятельств. Это были не только опыт и эффективность работы во главе различных ГЖУ. Важным было и умение перестраиваться под актуальные нужды времени, справляться со специфическими задачами, чувствовать потребности текущей повестки, которая могла быть обусловлена не только служебно-государственными, но и чисто политическими факторами.

Очевидно, что в 1908 г. А. Ф. Соболев был заменен на Н. И. Мочалова как на опытного функционера, способного выстроить в губернии передовые формы политического розыска, организовать агентуру и побороть революционные ячейки. Все это, как мы могли убедиться, удалось. Возможно, проблема в итоге возникла от продолжительности службы Мочалова в АГЖУ: к 1914 г. он считал выстроенный формат политического сыска предельно адекватным реальности. Но ситуация резко изменилась с началом войны, когда политическая полиция вновь стала нуждаться в серьезном обновлении, переориентации на внешние угрозы. Возможно, генерал-майор смог бы справиться с новым вызовом, но субъективный фактор в виде старых «немецких» связей, которые Мочалов не мог обречь, как и скрыть происхождение покойной жены, не позволил это сделать. Архангельской губернии при этом Н. И. Мочалов остался верен.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Дякин, В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. / В. С. Дякин. – Ленинград : Наука, 1988. – 227 с.
2. Дворниченко, А. Ю. Отечественная история (до 1917 года): учеб. пособие по дисциплине «Отечественная история» для студентов вузов / А. Ю. Дворниченко. – Москва : Гардарики, 2005. – 447 с.
3. Перегудова, З. И. Политический сыск России (1880–1917) / З. И. Перегудова. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 430 с.
4. Абрамов, Ю. П. Контрразведывательная работа Архангельского губернского жандармского управления в годы Первой мировой войны / Ю. П. Абрамов // На страже безопасности Поморского Севера. – Архангельск, 2003. – С. 9–53.
5. Трофименко, В. Г. Архангельское губернское жандармское управление в XIX–начале XX вв. / В. Г. Трофименко // История органов государственной безопасности на Севере России. – Архангельск, 2014. – С. 9–17.
6. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1323. Оп. 3. Д. 54.
7. Алексеев, И. Е. На страже Империи. Выпуск IV : Статьи и документы по истории черносотенства, русского национализма, дворянства, политического сыска и белого движения / И. Е. Алексеев. – Казань, 2011. – 314 с.
8. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5467.
9. Коницев, К. И. В Девятьсот пятом / К. И. Коницев. – Архангельск : Облгиз, 1952. – 123 с.
10. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 41.
11. Газета «Архангельск» №124. 16.06.1907.
12. Газета «Голос Севера» №220. 2.06.1907.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 13219.
14. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 505.
15. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 99.
16. ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 4. Д.12.
17. Коновалов, Ф. Я. Секретная агентура провинциальных губернских жандармских управлений в начале XX в. (на материалах Вологодского губернского жандармского управления) / Ф. Я. Коновалов // *Historia Provinciae*. – 2019. – Т. 3, № 1. – С. 86–145.
18. Щеголев, П. Е. Охранники, агенты, палачи / П. Е. Щеголев. – Москва : Просвет, 1992. – 332 с.
19. ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 110.
20. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 13.
21. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 7.
22. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1.
23. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 339.
24. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5384.
25. ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 131.
26. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 664.
27. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 11.
28. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 10.
29. ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 5. Д. 756.
30. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 9.
31. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 16.
32. ГААО. Ф. 8660. Оп. 9. Д. 51.
33. ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 18.
34. ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 178.
35. Ветошкин, М. К. Становление власти Советов на севере РСФСР / М. К. Ветошкин. – Москва : Советская Россия, 1957. – 131 с.
36. Овсянкин, Е. И. На изломе истории: события на Севере в 1917–1920 гг. : мифы и реальность / И. Е. Овсянкин. – Архангельск : Архконсалт, 2007. – 557 с.
37. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5467.
38. Толочко, А. В. «Дело удастся наладить полностью»: организация охраны Архангельского порта в 1917 году / А. В. Толочко // *Военно-исторический журнал*. – 2017. – № 2. – С. 16–22.

39. Голдин, В. И. Север России на пути к Гражданской войне / В. И. Голдин. – Архангельск : САФУ, 2018. – 623 с.
40. Иванов, А. А. «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. / А. А. Иванов. – Москва : Кучково поле, 2011. – 270 с.
41. ГАО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 413.
42. Новикова, Л. Г. Провинциальная контрреволюция. Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920 / Л. Г. Новикова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 368 с.
43. ГАО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 640.
44. Христофоров, В. С. Контрразведка ВМФ СССР, 1941–1945 / В. С. Христофоров, А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов. – Москва : Вече, 2015. – 416 с.
45. Ильин, В. Н. Архгубчека: период становления / В. Н. Ильин // На страже безопасности Поморского Севера. – Архангельск, 2003. – С. 53–84.

References

1. Dyakin, V. S. Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. [Bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911–1914] / V. S. Dyakin. – Leningrad: Nauka, 1988. – 227 p.
2. Dvornichenko, A. Yu. Otechestvennaya istoriya (do 1917 goda): ucheb. posobie po distsipline «Otechestvennaya istoriya» dlya studentov vuzov [Russian History (before 1917): textbook on the discipline “Russian History” for university students] / A. Yu. Dvornichenko. – Moscow: Gardariki Publ., 2005. – 447 p.
3. Peregudova, Z. I. Politicheskii sysk Rossii (1880–1917) [Political investigation of Russia (1880–1917)] / Z. I. Peregudova. – Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. – 430 p.
4. Abramov, Yu. P. Kontrrazvedyvatel'naya rabota Arkhangel'skogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya v gody pervoi mirovoi voiny [Counterintelligence service of the Arkhangel'sk Provincial Gendarmerie Department during the First World War] / Yu. P. Abramov // Na strazhe bezopasnosti Pomorskogo Severa [On guard of the security of the Pomor North]. – Arkhangel'sk, 2003. – P. 9–53.
5. Trofimenko, V. G. Arkhangel'skoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie v XIX – nachale XX vv. [Arkhangel'sk Provincial Gendarmerie Department in the XIX – early XX centuries] / V. G. Trofimenko // Istoriya organov gosudarstvennoi bezopasnosti na Severe Rossii [The history of state security agencies in the North of Russia]. – Arkhangel'sk, 2014. – P. 9–17.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti (GAAO) [State Archive of the Arkhangel'sk region]. F. 1323. Op. 3. D. 54.
7. Alekseev, I. E. Na strazhe Imperii. Vypusk IV: Stat'i i dokumenty po istorii chernosotenstva, russkogo natsionalizma, dvoryanstva, politicheskogo syska i belogo dvizheniya [On guard of the Empire. Issue IV: Articles and documents on the history of the Black Hundreds, Russian nationalism, nobility, political investigation and the white movement] / I. E. Alekseev. – Kazan, 2011. – 314 p.
8. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 5467.
9. Konichev, K. I. V Devyat'sot pyatom [In 1905] / K. I. Konichev. – Arkhangel'sk: Regional state publ., 1952. – 123 p.
10. GAAO. F. 1323. Op. 2. D. 41.
11. Gazeta «Arkhangel'sk» [newspaper] №124. 16.06.1907.
12. Gazeta «Golos Severa» [“Voice of the North” newspaper] №220. 2.06.1907.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Rossi'skoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 110. Op. 2. D. 13219.
14. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 505.
15. GAAO. F. 1323. Op. 2. D. 99.
16. GAAO. F. 1. Op. 4, Vol. 4. D.12.
17. Konovalov, F.Ya. Sekret'naya agentura provintsial'nykh gubernskikh zhandarmskikh upravlenii v nachale XX v. (na materialakh Vologodskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya) [Secret agents of Provincial Gendarmerie Departments at the beginning of the XX century (based on the materials of the Vologda Provincial Gendarmerie Department)] / F. Ya. Konovalov // Historia Provinciae – Zhurnal regional'noi istorii [Historia Provinciae – J. of Regional History]. – 2019. – Vol. 3. – No.1. – P. 86–145.
18. Shchegolev, P. E. Okhranniki, agenty, palachi [Guards, agents, punishers] / P. E. Shchegolev. – Moscow: Prosvet Publ., 1992. – 332 p.
19. GAAO. F. 8660. Op. 4. D. 110.
20. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 13.
21. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 7.
22. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 1.
23. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 339.
24. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 5384.
25. GAAO. F. 1. Op. 12. D. 131.
26. GAAO. F. 1323, 2, 664.
27. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 11.
28. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 10.
29. GAAO. F. 1. Op. 4, t. 5. D. 756.
30. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 9.
31. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 16.
32. GAAO. F. 8660. Op. 9. D. 51.
33. GAAO. F. 1323. Op. 7. D. 18.
34. GAAO. F. 8660. Op. 4. D. 178.
35. Vetoshkin, M. K. Stanovlenie vlasti Sovetov na severe RSFSR [Formation of Soviet power in the North of the RSFSR] / M. K. Vetoshkin. – Moscow: Soviet Russia Publ., 1957. – 131 p.
36. Ovsyankin, E. I. Na izlome istorii: sobytiya na Severe v 1917–1920 gg.: mify i real'nost' [At the Breaking point of history: events in the North in 1917–1920: myths and reality] / E. I. Ovsyankin. – Arkhangel'sk: Arkhkonsalt Publ., 2007. – 557 p.
37. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 5467.
38. Tolochko, A. V. «Delo udastsya naladit' polnost'yu»: organizatsiya okhrany Arkhangel'skogo porta v 1917 godu [“The matter will be completely established”: organisation of security of the Arkhangel'sk port in 1917] / A. V. Tolochko // Voенно-istoricheskii zhurnal [Military History J.]. – 2017. – No. 2. – P. 16–22.

39. Goldin, V. I. Sever Rossii na puti k Grazhdanskoi voine [The North of Russia on the way to Civil War] / V. I. Goldin. – Arkhangelsk: Northern Arctic Federal Univ. Publ., 2018. – 623 p.
40. Ivanov, A. A. «Severnaya strazha». Kontrrazvedka na russkom Severe v 1914–1920 gg. [“Northern Guard”. Counterintelligence in the Russian North in 1914–1920] / A. A. Ivanov. – Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2011. – 270 p.
41. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 413.
42. Novikova, L.G. Provintsial'naya kontrrevolyutsiya. Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voina na Russkom Severe, 1917–1920 [Provincial counter-revolution. The White Movement and the Civil War in the Russian North, 1917–1920] / L. G. Novikova. – Moscow: New literary review Publ., 2011. – 368 p.
43. GAAO. F. 1323. Op. 1. D. 640.
44. Khristoforov, V. S. Kontrrazvedka VMF SSSR, 1941–1945 [Counterintelligence of the USSR Navy, 1941–1945] / V. S. Khristoforov, A. P. Cherepkov, D. Yu. Khokhlov. – Moscow: Veche Publ., 2015. – 416 p.
45. Ilyin, V. N. Arkhgubcheka: period stanovleniya [Arkhangelsk provincial emergency commission: formation period] / V. N. Ilyin // Na strazhe bezopasnosti Pomorskogo Severa [On guard of the Pomor North security]. – Arkhangelsk, 2003. – P. 53–84.

Информация об авторе:

Резанов Андрей Дмитриевич – аспирант кафедры Отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17; e-mail: andreydmrezanov@yandex.ru).

Author:

Andrei D. Rezanov – postgraduate student of the Department of National History of M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk 163002; e-mail: andreydmrezanov@yandex.ru).

Для цитирования:

Резанов, А. Д. «Учреждение, где ведают страхом и ужасом»: Архангельское губернское жандармское управление в 1908–1915 годах / А. Д. Резанов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67) – С. 72–79.

For citation:

Rezanov, A. D. «An institution where fear and horror are in charge»: Arkhangelsk Provincial Gendarmerie Department in 1908–1915 / A. D. Rezanov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1(67). – P. 72–79.

Дата поступления статьи: 24.10.2023

Прошла рецензирование: 27.10.2023

Принято решение о публикации: 30.10.2023

Received: 24.10.2023

Reviewed: 27.10.2023

Accepted: 30.10.2023

Привлечение женщин в аппарат волостных исполнительных комитетов Коми автономной области в 1920-е годы

В. Н. Каракчиев

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
karakchiev.vlad@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению деятельности органов государственной власти по привлечению женщин в низовые аппараты управления в 1920-е гг., а также рассмотрению реализации этой работы на местах на примере Коми автономной области. В исследовании рассмотрены отдельные нормативно-правовые акты, касающиеся привлечения работниц и крестьянок к работе в советских органах управления. В них законодательно закреплялось гендерное равенство мужчин и женщин и предлагалось подбирать наиболее способных делегатов к деятельности в низовых органах власти. Раскрыты важнейшие аспекты функционирования волостных исполнительных комитетов, включающие описание направлений социально-экономической и культурной работы. Рассмотрены данные численности женщин в низовом советском аппарате. В целом, общественная активность женщин возросла: с 1922 по 1927 г. их численность в составе волостных комитетов увеличилась с 0,3 до 10,1 %, участниц в выборах в Советы Коми автономной области на 100 чел. с 1924 по 1927 г. – с 8 до 45 %, и членов Президиума волостного комитета с 1925 по 1927 г. – с 0,7 до 2,1 %. В 1920-е гг. были заложены предпосылки для повышения активности и постепенного увеличения численности женщин в органах власти.

Ключевые слова:

женское движение, волостной исполнительный комитет, Коми автономная область, 1920-е гг.

Практика привлечения местного населения в органы управления стала активно осуществляться после прихода к власти большевиков в 1917 г. В общественно-политическую жизнь вовлекались все члены семейств: дети вступали в октябрята и пионеры, подростки – в комсомол, женщины участвовали в женском движении. Ломалась вековая крестьянская традиция, в которой в решении общественных дел участвовал только домохозяин – глава семьи. Массовым общественным явлением 1920-х гг. стало женское движение – вовлечение в общественную жизнь

Involving women in the apparatus of the Volost Executive Committees of the Komi Autonomous Region in the 1920s

V. N. Karakchiev

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
karakchiev.vlad@yandex.ru

Abstract

The paper deals with the study of the activities of government bodies to attract women to the grassroots management apparatus in the 1920s, as well as consideration of the implementation of this work using the example of the Komi Autonomous Region. The study considers certain normative legal acts concerning the involvement of female workers and peasants to work in Soviet government bodies. They legislated gender equality between men and women and proposed to select the most capable delegates to work in the grassroots authorities. The most important aspects of the functioning of the Volost Executive Committees are revealed, including a description of the directions of socio-economic and cultural work. Data on the number of women in the grassroots Soviet apparatus are considered. In general, women's social activity increased: from 1922 to 1927 their number in the Volost Executive Committees of the country increased from 0.3% to 10.1%, participants in the elections to the Soviets of the Komi Autonomous Region per 100 people from 1924 to 1927 - from 8% to 45% and members of the Presidium of the Volost Executive Committee from 1925 to 1927 - from 0.7% to 2.1%. In the 1920s, the prerequisites were laid for increased activity and a gradual increase in the number of women in government.

Keywords:

women's movement, Volost Executive Committee, Komi Autonomous Region, 1920s.

женщин. Цель всех этих нововведений была одна: семья должна была стать опорой советской власти [1, с. 321].

В важнейших законодательных актах того времени (Конституции РСФСР 1918 г. [2] и 1925 г. [3]) впервые было отмечено гендерное равенство в праве избирать и быть избранным, а также равноправие в общественно-политической и культурной деятельности. Кроме этого, были опубликованы декреты Совета народных комиссаров («О привлечении работниц и крестьянок к работе в советских учреждениях» [4] от 11 апреля 1921 г., «О порядке привле-

чения работниц и крестьянок к работе в советских учреждениях» [5] от 27 апреля 1922 г.), касающиеся установления связи учреждений с широкими массами, в том числе способствующих вовлечению в отделы исполнительных комитетов работниц и крестьянок и подбору наиболее способных делегатов к советской работе. В 1924 г. Президиум Центрального исполнительного комитета СССР принял постановление «О предоставлении членам советов – работницам и крестьянкам возможности выполнения практических заданий по текущей деятельности сельских советов и волостных исполнительных комитетов» [6]. В документе отмечено, что увеличение численности женщин в советском строительстве является одной из задач, связанных с укреплением низового советского аппарата. В постановлении III съезда Советов СССР от 20 мая 1925 г. было обозначено, что «путь улучшения советского аппарата лежит в дальнейшем вовлечении в управление государством широких рабочих и крестьянских масс». Для этой цели следовало «признать необходимым создание более благоприятных условий в работе выборных крестьянок, усилив руководство их работой и подготовку из них активных работников Советов» [7, с. 106–108]. «Особым постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета предложено всем низовым органам (вплоть до уездных съездов и уисполкомов) обратить особое внимание на необходимость вовлечения всего местного населения, и особенно женщин (а их обычно обходят) в работу местных советов» [8, с. 8]. Благодаря в том числе указанным постановлениям численность женщин в составе волостных исполнительных комитетов с 1922 по 1927 г. по стране увеличилась с 0,3 до 10,1 % [9, с. 779].

Изучение деятельности государственных органов по привлечению женщин в общественно-политическую жизнь различных регионов (Коми автономная область, Нижнее Поволжье, Чувашия, Курская, Калужская, Тульская губернии и др.) в 1920-е гг. является актуальным направлением для исследователей в современной историографии [10–13]. По данным Н. В. Иевлева, женское движение в Советской России явилось результатом деятельности органов государственной власти, оно зародилось «сверху» и было подчинено решению государственных задач. Вовлечению женщин в общественную и политическую жизнь способствовало использование партийными, профсоюзными и государственными органами разнообразных средств, форм и методов работы [10, с. 69–70]. Н. В. Кировова пишет, что на примере создания женских организаций в партийно-государственном аппарате советского государства и их участия в делегатских собраниях обобщен первый опыт социализации женщин в «новую жизнь». Постепенное изменение стереотипов о месте женщин в обществе, повышение их социальной роли, расширение видов профессиональной деятельности позволили выдвигать наиболее активных на управленческие должности [11, с. 35].

С. Б. Харитоновна отмечает, что причинами недостаточной активности женщин в управлении на уровне местных советов было, с одной стороны, нежелание участвовать в общественной жизни самих женщин, с другой – кон-

серватизм и ряд традиционных пережитков, недоверие к женским способностям со стороны определенной части государственных и партийных работников и мужского населения в целом. Повышение общественно-практической активности, улучшение идейно-воспитательной работы партийных и общественных организаций в этот период создали предпосылки для более широкого вовлечения женщин в различные сферы государственного управления [12, с. 74]. М. Г. Шульман приходит к выводу, что, несмотря на усилия властей, реальной политизации «широких женских масс» и вовлечения их в строительство социализма добиться не удалось, но были заложены необходимые предпосылки активизации этого процесса [13, с. 64].

Волостные исполнительные комитеты (далее – волисполкомы) как низовые органы власти являлись стратегически важной составляющей всей системы управления РСФСР. Их главной целью была реализация политики вышестоящих органов власти (Всероссийский центральный исполнительный комитет (далее – ВЦИК), областной исполнительный комитет (далее – облизполком), уездный исполнительный комитет (далее – уисполком)) на местах. В каждом регионе формирование аппарата управления, создание отделов и секций, осуществление социально-экономической и культурной политики в волостях имели общие (преобладание мужчин, низкий уровень образования сотрудников, возраст от 20 до 40 лет) и отличительные (национальность, партийность и др.) особенности. Для функционирования волисполкомов центральными органами власти была утверждена правовая база (Положения 1920, 1922, 1924 гг.), а также множество других нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность местных исполкомов. Взаимодействие низовых с вышестоящими органами осуществлялось несколькими путями: при помощи письменной (почтовая переписка), телефонной, телеграфной и «живой» (инструктирование, выезды на места) связи. Волисполкомы решали задачи социально-экономического развития населенного пункта: составляли и реализовывали бюджет, осуществляли налоговую политику, развивали сельское хозяйство, образование, медицину, культуру. При активном участии местных органов власти осуществлялось проведение разъяснительных кампаний по переходу на лучшие формы землепользования, организация деятельности учебных заведений, медицинских пунктов, культурных центров (изба-читальня). При инициативе волисполкомов осуществлялась общественно-полезная работа по постройке разных волостных учреждений (учебные заведения, медицинские пункты, пожарные постройки) и дорожного полотна. Волостной исполком реализовывал пропаганду здорового образа жизни (борьба с алкоголизмом и курением), издавал обязательные постановления по профилактике эпидемий, организовывал работу медиков. Низовой орган власти регулировал деятельность изб-читален (громкое чтение газет и журналов вслух, постановка спектаклей), приглашал различных специалистов с лекциями (агрономов, ветеринаров,

врачей), содействовал радио- и кинофикации и др. В результате у жителей постепенно повышался уровень элементарных знаний, уменьшились вспышки инфекционных заболеваний, снижался уровень детской смертности и обращения к знахарям и колдунам. Определенные успехи были достигнуты в предоставлении различных льгот нуждающимся, организации выплат пенсий участникам и инвалидам войн, семьям красноармейцев. За годы функционирования волисполкомы внесли значительный вклад в социально-экономическое и культурное развитие волостей, взаимодействие с вышестоящими органами власти, организациями и населением [14, с. 110–111; 118–121].

Деятельность по привлечению женщин в органы власти активно проводилась в регионах, в том числе в Коми автономной области (далее – АО). Субъект был образован 22 августа 1921 г. декретом ВЦИК РСФСР «Об автономной области Коми (Зырян)». Значительная часть волисполкомов Усть-Сысольского и Яренского уездов была образована в марте-апреле и летом 1918 г., Печорского уезда – в 1918–1920 гг. 15 июля 1929 г. издано постановление Президиума ВЦИК «О составе округов и районов Северного края и их центрах», которое установило новое административно-территориальное деление Коми области – вместо четырех уездов, 95 волостей и 40 сельсоветов было образовано девять районов и 135 сельсоветов, волисполкомы расформированы. Высшим органом власти в 1920-е гг. в регионе являлся областной съезд Советов, на котором обсуждались и разрабатывались важнейшие вопросы советского, хозяйственного и культурного строительства в области [там же, с. 8]. В январе 1922 г. I областной съезд Советов избрал Коми обласполком – высший исполнительный орган в период между областными съездами Советов. На V (январь-февраль 1926 г.) [15, с. 13] и VII (март 1929 г.) [16, с. 7] Коми областных съездах была отмечена значимость работы по вовлечению женщин в советское строительство, в том числе выдвинуто предложение проведения двухмесячных курсов по подготовке работников (включая женщин) для сельских советов. Следует отметить, что по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Коми АО женщин насчитывалось больше (122 330 (54 %)), чем мужчин (102 599 чел. (46 %)), общая численность населения составляла 224 929 чел. [17, с. 91].

Волости Коми АО 1920-х гг. представляли собой крупные населенные пункты, большинство из которых включали в себя несколько сел, деревень, выселков, поселений (от 1 до 45 единиц). Общее количество волостей (соответственно волисполкомов) в 1922 г. в Коми АО составляло 100, впоследствии из-за сокращения в целях экономии средств их стало 95. Личный состав волисполкомов состоял из Президиума (председатель, заместитель, секретарь) и нескольких сотрудников (делопроизводитель, рассыльный, сторож и др.). На заседаниях (созывались раз в два-три дня и более) обсуждались актуальные задачи (организация сбора налога, составление бюджета, взаимодействие с населением и др.), проводилась оперативная работа в отделах исполкома.

Перевыборы состава низовых органов производились ежегодно [14, с. 37–38].

Перед вышестоящими органами власти и населением волисполкомы отчитывались ежемесячными, квартальными, полугодовыми и годовыми отчетами. В них содержались материалы о функционировании аппарата, социально-экономическом и культурном развитии волости. Кроме всего прочего, в схемах отчетов (трехмесячного, полугодового) ставилась задача описать работу женщин в органах власти, а именно: 1) сколько женщин принимало участие в практической работе волисполкома и сельсоветов; 2) какая возложена на них работа и как они с ней справлялись (примеры); 3) как смотрело мужское население на женщин, работавших в волисполкоме и сельсоветах; 4) пользовались ли они авторитетом среди женщин-крестьянок и работниц и их влияние на последних; 5) шло ли дальнейшее вовлечение женщин в советскую работу, а также в общественную; 6) система (порядок) вовлечения; 7) имелись ли тормозы по дальнейшему вовлечению, если да, то какие и почему (примеры); 8) прикреплены ли к практической работе делегатки, сколько и в какие органы; 9) как эти практикантки справлялись с работой [18, л. 21]. Данные отчетов позволяли оценить эффективность работы по вовлечению женщин в органы власти и получить «обратную связь».

По данным отчетов, распространенной формой привлечения женщин в органы власти являлось прикрепление к волисполкомам женщин-практиканток, задачей которых было принятие участия в деятельности пленума и Президиума [19, л. 51]. Сотрудники местных исполкомов приглашали женщин на делегатские собрания, а также привлекали их на различные виды работ. Некоторые практикантки вносили ценные предложения и пользовались авторитетом у населения [20, л. 1 об.]. Также в отчетах отмечены: не эффективная деятельность местных властей среди женщин, «малоактивность женской массы», отсутствие авторитета среди других женщин, отрицательное отношение мужчин к женщинам [21]. Тем не менее, если в 1922 г. доля женщин в советских органах составляла всего 1 %, то уже в 1925 г. – 32 %. В 1924–1925 гг. в Коми области работало свыше 2 тыс. делегаток. Общественная активность коми женщин возрастала из года в год [22, с. 527]. На состоявшемся в сентябре 1927 г. I съезде работниц и крестьянок Коми области заместитель председателя ОИК А. Ф. Чупров так говорил о возрастании роли коми женщин в общественно-политической жизни области: «В особенности же заметен рост активности женщин. Число участниц в выборах в Советы на 100 чел. выразилось: в 1924 г. – 8 %, в 1925 г. – 28 %, в 1927 г. – 45 %. Несмотря на то, что коми женщина ведет хозяйственную работу, следит за уходом детей и выполняет прочие функции в сельском хозяйстве, все большее внимание уделяет общественной работе и ничуть не позади женщин других губерний и областей. Кроме этого, она работает еще в низовом советском аппарате» [1, с. 321–322].

Деятельность женщин в низовых органах власти освещалась на страницах коми областной газеты «Югдыт туй»

(Светлый путь). В статьях описывались факты избрания женщин на различные должности (председатель, заместитель председателя, секретарь) в волисполком, качество выполнения возложенных задач, отношение к ним местного населения и др. Так, в марте 1923 г. женщина (гражданка М. О. Размыслова) была избрана председателем волисполкома Прокопьевской волости Усть-Вымского уезда. По отзывам, она хорошо выполняла возложенную на нее задачу и пользовалась авторитетом среди населения волости. В этой же статье звучал призыв: «Товарищи женщины, теснее сплотитесь вокруг Советов, раскрепостивших вас!» [23]. В 1925 г. в регионе насчитывалось 95 волисполкомов с 285 сотрудниками, двое из которых были женщины (один председатель, один заместитель председателя) [24]. В 1926 г. председателем волисполкома Сереговского волисполкома стала крестьянка А. П. Некучаева [25]. Чуть позже вышла статья, где отмечено, что ее коллеги (заместитель председателя и секретарь) не оказывали содействия, бойкотировали по причине ее женского пола [26]. В 1929 г. три женщины (комсомолка А. Надеева, беднячка А. Исакова и кандидат в члены ВКП (б) А. Вахнина) были избраны председателями сельсоветов [27]. Кроме того, в материалах газеты «Югид туй» второй половины 1920-х гг. зафиксированы данные, что женщины работали заместителями председателей волисполкомов и секретарями в различных волостях Ижмо-Печорского, Сысольского, Усть-Вымского и Усть-Куломского уездов [28].

Следует отметить, что с 1926 по 1928 г. численность женщин в Президиуме ВИК увеличилась с 5 до 6 (с 1,7 до 2,1 %), соответственно, количество мужчин сократилось с 98,3 до 97,9 % (таблица).

Таким образом, органами советской власти активно проводилась политика привлечения в общественно-политическую жизнь всех членов семьи как ячейки общества. Впервые женщинам были даны равные с мужчинами права избираться и быть избранным, а также возмож-

ность участия в работе советского аппарата власти. Для ознакомления и получения опыта работы женщин сначала брали в качестве практиканток, а в дальнейшем избирали в низовые органы власти (волостные исполнительные комитеты, сельсоветы) на разные должности (председатель, заместитель председателя, секретарь). Однако встречались и факты «малоактивности женской массы», а также слабая работа местных властей среди женщин и отрицательное отношение мужчин к женщинам. В целом, общественная активность женщин возрастала: с 1922 по 1927 г. их численность в составе волисполкомов по стране увеличилась с 0,3 до 10,1 %, участниц в выборах в Советы Коми автономной области – на 100 чел. с 1924 г. по 1927 г. – с 8 до 45 % и членов Президиума волисполкома с 1925 по 1927 г. – с 0,7 до 2,1 %. В 1920-е гг. были заложены предпосылки для повышения активности и постепенного увеличения численности женщин в органах власти.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Таскаев, М. В. Общественно-политические процессы в Коми АО в 1920-е годы / М. В. Таскаев, М. Б. Рогачев // История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т. II. – С. 314–341.
2. Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1918. – 20 июля. – № 51. – Ст. 582.
3. Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1925. – 1 июня. – № 30. – Ст. 30.
4. Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1921. – 2 мая. – № 35. – Ст. 186.
5. Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1922. – 12 мая. – № 31. – Ст. 371.
6. Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. – 1924. – 24 мая. – № 42. – Ст. 389.
7. Институт выборов в советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников / авт. и сост.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко; под общ. науч. ред. Ю. А. Веденеева и И. Б. Борисова. – Москва: РОИИП, 2010. – 880 с.
8. Киселев, А. С. Вопросы укрепления и улучшения работы волисполкомов и сельсоветов / А. С. Киселев // Статьи и доклады. Издание комиссии по низовому соваппарату совещания по строительству при Президиуме ЦИК СССР. – Москва, 1925. – Вып. 2. – 107 с.

Состояние низового советского аппарата власти Коми автономной области за 1926–1928-й годы [29]

The state of the grassroots Soviet government apparatus of the Komi Autonomous Region for 1926–1928 [29]

Количество ВИКов, шт.	Количество членов ВИК, чел.	Половой состав, %		Социальный состав, %			Партийность, %	
		Мужчины	Женщины	Крестьяне	Рабочие	Прочие	членов и кандидатов ВКП(б)	комсомольцев
1926 год								
95	285	280 (98)	5 (1,7)	274 (96)	1 (0,4)	10 (4)	69 (24)	24 (8,4)
1927 год								
95	919	865 (95)	51 (5,5)	826 (90)	14 (1,5)	79 (9)	206 (22)	63 (6,8)
Члены Президиума ВИК	285	281 (99)	4 (1,4)	266 (93)	5 (1,7)	14 (5)	89 (31)	18 (6,3)
1928 год								
95	923	867 (93)	56 (6)	830 (90)	13 (1,4)	80 (9)	223 (24)	62 (6,7)
Члены Президиума ВИК	285	279 (98)	6 (2,1)	265 (93)	5 (1,7)	15 (5)	100 (35)	19 (6,2)

9. Большая советская энциклопедия. Т. 12. Воден-Волховстрой. Акционерное общество «Советская энциклопедия». – Москва, 1928. – 831 с.
10. Иевлев, Н. В. Деятельность государственных органов по вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь Нижнего Поволжья в 1920–1930-х гг. / Н. В. Иевлев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 8 (52). – С. 69–73.
11. Киросова, Н. В. К вопросу об участии женщин в национально-государственном строительстве Коми автономии в 1920–1930-е годы / Н. В. Киросова // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 30–37.
12. Харитоновна, С. Б. Об участии женщин Чувашии в работе советов в 1920-е годы / С. Б. Харитоновна // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 70–75.
13. Шульман, М. Г. Политическая работа среди женщин в провинции в первые годы советской власти / М. Г. Шульман // Вестник образовательного консорциума. Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 3. – С. 62–64.
14. Каракчиев, В. Н. Деятельность волостных исполнительных комитетов Коми автономной области в 1920-е годы / В. Н. Каракчиев. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 146 с.
15. Резолюции V-го Коми Областного Съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, состоявшегося 27 января – 4 февраля 1926 г. в г. Устьсыольске. – Устьсыольск, 1926. – 47 с.
16. Постановления VII-го Коми Областного Съезда Советов, работавшего с 16 по 22 марта 1929 года. – Устьсыольск, 1929. – 34 с.
17. Безносова, Н. П. Численность населения Коми автономной области в 1926 году: проблема отсутствия единства данных в источниках и историографии / Н. П. Безносова // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2017. – №4 (32). – С. 88–94.
18. ГУРК «НА РК». Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 481. Л. 19–24.
19. ГУРК «НА РК». Ф. Р-9. Оп.1. Д. 33. Л. 51.
20. ГУРК «НА РК». Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 82. Л. 1 об.
21. ГУРК «НА РК». Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 86. Л. 1 об.; ГУРК НАРК Ф.Р-8. Оп.1. Д. 481. Л. 44; ГУРК «НА РК». Ф.Р-30. Оп. 1. Д. 11. Л. 34 об.
22. Таскаев, М. В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.) / М. В. Таскаев. – Екатеринбург, 2011. – 610 с.
23. Женщина – председатель волисполкома // «Югид туй» (Светлый путь). – 1923. – 8 марта. – № 35 (575).
24. Состав советов Коми области // «Югид туй» (Светлый путь). – 1925. – 24 июня. – № 130 (1216).
25. Женщина – пред ВИК // «Югид туй» (Светлый путь). – 1926. – 8 июля. – № 125 (1526).
26. Не помогают председателю женщине // «Югид туй» (Светлый путь). – 1926. – 29 августа. – № 161 (1570).
27. Шаньгина, В. В. Деятельность местных советов Коми автономной области по созданию основ социалистической экономики в годы первой пятилетки: дис. ... канд. ист. наук / В. В. Шаньгина. – Сыктывкар, 1975 // Научный архив ФИЦ Коми научный центр УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 213. 201 с.
28. Нывбаба – волисполкомын секретарь (Женщина – секретарь волисполкома) // «Югид туй» (Светлый путь). – 1925. – 24 сентября. – № 195 (1294); Заместитель председателя ВИК – женщина // «Югид туй» (Светлый путь). – 1927. – 16 января. – № 6 (1659); ГУРК «НА РК» Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 36. Л. 25.
29. Состояние и работа низового советского аппарата области // «Югид туй» (Светлый путь). – 1928. – 20 сентября. – № 114 (1971).

References

1. Taskaev, M. V. Obshchestvenno-politicheskiye protsessy v Komi AO v 1920-e gody [Socio-political processes in the Komi Autonomous Okrug in the 1920s] / M. V. Taskaev, M. B. Rogachev // Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do sovremennosti [History of Komi from ancient times to the present]. – Syktyvkar, 2011. – Vol. II. – P. 314–341.
2. Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki [Collection of laws and orders of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. – 1918. – July 20. – No. 51. – Article 582.
3. Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki [Collection of laws and orders of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. – 1925. – June 1. – No. 30. – Article 30.
4. Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki [Collection of laws and orders of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. – 1921. – May 2. – No. 35. – Article 186.
5. Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki [Collection of laws and orders of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. – 1922. – May 12. – No. 31. – Article 371.
6. Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki [Collection of laws and orders of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. – 1924. – May 24. – No. 42. – Article 389.
7. Institut vyborov v sovetskom gosudarstve 1918–1937 gg. v dokumentakh, materialakh i vospriyatii sovremennikov [Institute of elections in the Soviet state in 1918–1937 in documents, materials and perceptions of contemporaries] / Authors and Comp. I. B. Borisov. Yu. A. Vedeneev, I. V. Zaitsev, V. I. Lysenko / Sci. Eds. Yu. A. Vedeneev, I. B. Borisov. – Moscow: Russian Public Institute of Electoral Law, 2010. – 880 p.

8. Kiselev, A. S. Voprosy ukrepleniya i uluchsheniya raboty volispolkomov i sel'sovetov [Issues of strengthening and improving the work of Volost Executive Committees and Village Soviets] / A. S. Kiselev. Articles and reports. Publication of the Commission on the Lower Soviet Apparatus of the Conference on Soviet Construction under the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR. – Issue 2. – Moscow, 1925. – 107 p.
9. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. – Vol. 12. – Voden-Volkhovstroy. – JSC «Soviet Encyclopedia». – Moscow, 1928. – 831 p.
10. Ievlev, N. V. Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov po vovlecheniyu zhenshchin v obshchestvenno-politicheskuyu zhizn' Nizhnego Povolzh'ya v 1920-1930-kh gg. [Activities of government bodies to involve women in the socio-political life of the Lower Volga region in the 1920-1930s] / N. V. Ievlev // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [News of the Volgograd State Pedagogical Univ.]. – 2010. – No. 8 (52). – P. 69-73.
11. Kirosova, N. V. K voprosu ob uchastii zhenshchin v natsional'no-gosudarstvennom stroitel'stve Komi avtonomii v 1920-1930-ye gody [On the issue of women's participation in the national-state construction of Komi autonomy in the 1920-1930s] / N. V. Kirosova // Istoricheskii poisk [Historical search]. – 2020. – Vol 1. – No. 3. – P. 30-37.
12. Kharitonova, S. B. Ob uchastii zhenshchin Chuvashii v rabote sovetov v 1920-ye gody [On the participation of Chuvash women in the work of Soviets in the 1920s] / S. B. Kharitonova // Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bull. of Chuvash Univ.]. – 2012. – No. 1. – P. 70-75.
13. Shulman, M. G. Politicheskaya rabota sredi zhenshchin v provintsii v pervyye gody sovetskoy vlasti [Political work among women in the provinces in the first years of Soviet power] / M. G. Shulman // Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskiy universitet [Bull. of the educational consortium Central Russian Univ.]. Series: Humanities. – 2013. – No. 3. – P. 62-64.
14. Karakchiev, V. N. Deyatel'nost' volostnykh ispolnitel'nykh komitetov Komi avtonomnoy oblasti v 1920-ye gody [Activities of the Volost Executive Committees of the Komi Autonomous Region in the 1920s] / V. N. Karakchiev. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 146 p.
15. Rezolyutsii V-go Komi Oblastnogo S'yezda Sovetov Rabochikh, Krest'yanskikh i Krasnoarmeyskikh Deputatov, sostoyavshegosya 27 yanvarya – 4 fevralya 1926 g. v g. Ust'sysol'ske [Resolutions of the Vth Komi Regional Congress of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies, held January 27 – February 4, 1926 in Ust'sysolsk]. – Ust'sysolsk, 1926. – 47 p.
16. Postanovleniya VII-go Komi Oblastnogo S'yezda Sovetov, rabotavshego s 16 po 22 marta 1929 goda [Resolutions of the VIIth Komi Regional Congress of Soviets, which worked from March 16 to March 22, 1929]. – Ust-Sysolsk, 1929. – 34 p.
17. Beznosova, N. P. Chislennost' naseleniya Komi avtonomnoy oblasti v 1926 godu: problema otsutstviya yedinstva dannyykh v istochnikakh i istoriografii [Population of the Komi Autonomous Region in 1926: the problem of lack of data consistency in sources and historiography] / N. P. Beznosova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2017. – No. 4 (32). – P. 88-94.
18. State institution of the Komi Republic 'National Archives of the Komi Republic'. F. R-8. Op. 1. D. 481. L. 19-24.
19. State institution of the Komi Republic 'National Archives of the Komi Republic'. F. R-9. Op. 1. D. 33. L. 51.
20. State institution of the Komi Republic 'National Archives of the Komi Republic'. F. R-9. Op. 1. D. 82. L. 1 ob.
21. State institution of the Komi Republic 'National Archives of the Komi Republic'. F. R-9. Op. 1. D. 86. L. 1 ob.; State institution of the Komi Republic 'National Archives of the Komi Republic'. F. R-8. Op. 1. D. 481. L. 44; State institution of the Komi Republic 'National Archives of the Komi Republic'. F. R-30. Op. 1. D. 11. L. 34 ob.
22. Taskaev, M. V. Sotsial'no-politicheskiye protsessy na Evropeyskom Severo-Vostoke Rossii (1901 - pervaya polovina 1930-h gg.) [Socio-political processes in the European North-East of Russia (1901 - first half of the 1930s)] / M. V. Taskaev. – Ekaterinburg, 2011. – 610 p.
23. Zhenshchina – predsedatel' volispolkoma [A woman – Chairman of the Volost Executive Committee] // Yugyd tuy [Bright Way]. – 1923. – March 8. – No. 35 (575).
24. Sostav sovetov Komi oblasti [Composition of the Soviets of the Komi region] // Yugyd tuy [Bright Way]. – 1925. – June 24. – No. 130 (1216).
25. Zhenshchina – predsedatel' volostnogo ispolnitel'nogo komiteta [A woman – Chairman of the Volost Executive committee] // Yugyd tuy [Bright Way]. – 1926. – July 8. – No. 125 (1526).
26. Ne pomogayut predsedatelyu zhenshchine [They don't help the woman chairman] // Yugyd tuy [Bright Way]. – 1926. – August 29. – No. 161 (1570).
27. Shan'gina, V. V. Deyatel'nost' mestnykh sovetov Komi avtonomnoy oblasti po sozdaniyu osnov sotsialisticheskoy ekonomiki v gody pervoy pyatiletki [Activities of local Soviets of the Komi Autonomous Region to create the fundamentals of the socialist economy during the years of the first five-year plan]: diss...Cand. Sci. (History) / Shan'gina V. V. – Syktyvkar, 1975 // Nauchnyy arkhiv Federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Komi nauchnyy tsentr UrO RAN [Scientific archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. F. 5. Op. 2. D. 213. 201 p.
28. Nyvbaba – volispolkomyn sekretar' [A woman – secretary of the Volost Executive Committee] // Yugyd tuy [Bright Way]. – 1925. – September 24. – No. 195 (1294); Zamestitel' predsedatelya volispolkoma – zhenshchina [Deputy Chairman of the Volost Executive Committee – a woman] // Yugyd tuy [Bright Way]. – 1927. – January 16. – No. 6 (1659); State institution of the Komi Republic "National Archives of the Komi Republic". F. P-3. Op. 2. D. 36. L. 25.

29. Sostoyaniye i rabota nizovogo sovetskogo apparata oblasti [The state and work of the lower Soviet apparatus of the region] // Yugyd tuy [Bright Way]. – 1928. – September 20. – No. 114 (1971).

Информация об авторе:

Каракчиев Владислав Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, каб. 522; e-mail: karakchiev.vlad@yandex.ru).

Author:

Vladislav N. Karakchiev – Cand. Sci. (History), researcher at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: karakchiev.vlad@yandex.ru).

Для цитирования:

Каракчиев, В. Н. Привлечение женщин в аппарат волостных исполнительных комитетов Коми автономной области в 1920-е годы / В. Н. Каракчиев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 80–86.

For citation:

Karakchiev, V. N. Involving women in the apparatus of the Volost Executive Committees of the Komi Autonomous Region in the 1920s / V. N. Karakchiev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1(67). – P. 80–86.

Дата поступления статьи: 26.10.2023

Прошла рецензирование: 27.10.2023

Принято решение о публикации: 30.10.2023

Received: 26.10.2023

Reviewed: 27.10.2023

Accepted: 30.10.2023

Научная и литературная деятельность П. Г. Доронина в довоенный период

И. Л. Жеребцов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В статье рассмотрены жизненный путь и творческая деятельность видного коми писателя, литературоведа, историка, фольклориста Павла Григорьевича Доронина в период до начала Великой Отечественной войны. Охарактеризован вклад исследователя в собирании коми фольклора, показана его литературоведческая работа, формирование интереса к изучению истории, освещено литературное творчество, деятельность в области просвещения. Указывается, что П. Г. Доронин начал свой путь в науку с фольклористики, затем в круг его научных интересов вошли литературоведение и история. Подчеркнут выдающийся вклад ученого в собирание источников по истории Коми. Приведены основные сведения о биографии П. Г. Доронина. Статья приурочена к 120-летию со дня рождения ученого и писателя.

Ключевые слова:

коми литература, куратоведение, фольклор, история Коми, источниковедение, историография

2024 год – год 120-летия со дня рождения коми писателя и ученого-гуманитария Павла Григорьевича Доронина, автора ряда научных трудов и литературных произведений, собирателя фольклора и источниковеда. В нескольких публикациях рассмотрены (с различной степенью полноты) некоторые аспекты жизни П. Г. Доронина и его творческой деятельности как писателя, историка, литературоведа, фольклориста [1–7 и др.]. Задачей настоящей статьи является комплексная характеристика научно-исследовательской работы ученого, его вклада в развитие гуманитарной науки в Коми в довоенный период, а также освещение его биографии довоенного периода и литературного творчества.

Начало пути в науку и литературу. Павел Григорьевич Доронин родился 12 (25) января 1904 г. в дер. Прокопьевка (Проньдор) Палевицкой волости Яренского уезда (совр. Сыктывдинский район Республики Коми) в бедной крестьянской семье. Его отец Григорий Емельянович, который, как писал в автобиографии П. Г. Доронин, «занимался хлебопашеством и был лесорубом», «ежегодно работал

Scientific and literary activity of P. G. Doronin in the pre-war period

I. L. Zherebtsov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktvykar
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper considers the life and creative activities of the prominent Komi writer, literary critic, historian, folklorist Pavel Grigoryevich Doronin in the period before the outbreak of the Great Patriotic War. The contribution of the researcher to the collection of Komi folklore is characterized, his literary work, the formation of interest in the study of history are shown, literary creativity and activities in the field of education are highlighted. It is indicated that P. G. Doronin began his path to science with folklore studies, then his scientific interests included literary criticism and history. The scientist's outstanding contribution to collecting sources on the history of Komi is emphasized. Basic information about P. G. Doronin's biography is given. The paper is dedicated to the 120th birth anniversary of the scientist and writer.

Keywords:

Komi literature, studying the life and creative work of Kuratov, folklore, Komi history, source studies, historiography

по найму на лесозаготовительных и сплавных работах» [8, л. 5, 17], умер от чахотки, когда мальчику было два года, и Павел Доронин «рос <...> на иждивении вдовы-матери» Марфы Ивановны [там же, л. 5]. В 1909 или 1910 гг. (в разных автобиографиях П. Г. Доронин приводит разные даты [там же, л. 5, 17]) он поступил в Прокопьевское земское начальное училище, закончил его в 1914 г., в том же году поступил в Гамскую второклассную школу, «где проучился до весны 1917 г.» [там же, л. 5]. В 1917 г. П. Г. Доронин «поступил в Усть-Сысольское городское училище и проучился на втором курсе до конца 1918 г.» [там же, л. 17]. В 1918–1919 гг. он трудился на родине, в Прокопьевской волости, секретарем волостного комитета бедноты, делопроизводителем волостного военкомата и волостного земельного отдела [там же]. В 1919 г. П. Г. Доронин поступил в Палевицкое высшее начальное училище, в 3-й класс, где «проучился один год» [там же], в 1920 г. «учился в Яренске на педагогических курсах» [там же, л. 5], затем уехал в Усть-Сысольск, где завершалась подготовка к открытию первого в Коми крае высшего учебного заведения – Зырянского института народного образования.

25 декабря 1920 г. П. Г. Доронин стал студентом исторического отделения (факультета) института, торжественное открытие которого состоялось 20 января 1921 г., а занятия начались 28 января 1921 г. Первоначально вуз назывался Коми институтом просвещения имени Коммунистического Интернационала («коммунистический "Коми-Институт Просвещения" с именем Коммунистического Интернационала», как сообщала местная пресса [9]), но к маю 1921 г. был переименован в Коми институт народного образования, а в апреле 1922 г. – в Практический институт народного образования [10, с. 317, 319].

Учеба в ИНО сыграла огромную роль в дальнейшей жизни П. Г. Доронина, поскольку в институте он получил не только образование, но и возможность познакомиться с азами научной работы: среди преподавателей первого коми вуза были профессиональный ученый-гуманитарий А. Н. Грен [11; 12], ведущие местные исследователи того времени А. С. Сидоров [13], В. А. Молодцов [14], журналист и краевед А. А. Чеусов [15] и др. Создание в 1921 г. Коми автономной области резко усилило интерес наиболее активной части местного населения (к которой, несомненно, принадлежал П. Г. Доронин) к истории и культуре народа коми, к путям их исследования и популяризации. В январе 1921 г. при институте был организован «Коми клуб – Университет им. Энгельса» для проведения гуманитарных исследований «по отделениям истории и социологии, естествознания, этнографии, археологии, языка "Коми" и его литературы с музыкально-этнографической секцией» и для того, чтобы наладить «постоянные коммунистически-научные связи со всеми центрами научной работы в России» [9]. 16 мая 1922 г. было создано Общество изучения Коми края, ставшее центром научно-исследовательской деятельности в Коми автономии; его «штаб-квартира» располагалась в Институте народного образования.

В сентябре 1923 г. институт был объединен с Усть-Сысольским педагогическим техникумом и преобразован в Зырянский педагогический техникум повышенного типа, готовивший учителей семилетних и средних школ [16]. П. Г. Доронин продолжил обучение на социально-историческом факультете (отделении) этого педтехникума [8, л. 3, 5, 17]. Он вступил в Общество изучения Коми края и, как позднее писал в автобиографии, «научно-исследовательскую работу начал с 1924 года», «первоначально занимался собиранием фольклора и этнографических материалов» [там же, л. 5об.]. Свое 20-летие начинающий краевед отметил «пилотной» публикацией: в самом первом номере журнала «Коми му» («Зырянский край»), который стал издаваться в Усть-Сысольске в начале 1924 г., была опубликована небольшая работа П. Г. Доронина, посвященная «пережиткам старины в быте крестьян Прокопьевской волости» [17]. В этой вышедшей 100 лет назад заметке автор изложил некоторые фольклорные и этнографические материалы (приметы, поверья и др.), записанные им в родном Проньдоре. Аналитический уровень осмысления этих материалов был невысок, поскольку полученного в ИНО образования оказалось недостаточно для серьезной научной работы.

Вероятно, П. Г. Доронин сам почувствовал это и в течение нескольких последующих лет воздерживался от подготовки краеведческих публикаций. Часть собранных им в первой половине 1920-х гг. фольклорных материалов он передал А. Н. Грену [18]. Некоторые записи попали в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (созданной в 1925 г. на основе Румянцевского музея). Возможно, туда их передал А. Н. Грен после отъезда из Усть-Сысольска в 1925 г. Но не исключено, что доронинские записи попали туда и через А. А. Цембера, создателя Коми областного архива и одного из авторитетнейших усть-сысольских краеведов 1920-х гг. Какую-то часть своих материалов П. Г. Доронин мог отдать для сохранения и изучения А. А. Цемберу; последний в 1936 г. уехал в Пятигорск и под конец жизни вел переписку с Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина и планировал передать туда имевшиеся у него материалы [19].

Получив в педтехникуме специальность преподавателя средней школы по общественно-историческим предметам, П. Г. Доронин по окончании обучения приступил 17 января 1925 г. к работе в школе-семилетке в Глотова, где полгода преподавал обществоведение, литературу и коми язык [8, л. 3об.]. С 1 сентября 1925 г. он трудился уже в Усть-Выми учителем школы второй ступени [там же]. Решив продолжить образование, П. Г. Доронин, по его словам, «в 1926 году поступил на историко-этнологический факультет 1-го Московского университета, но со 2-го курса оставил учебу» [там же, л. 5]. По какой причине он ушел из университета, П. Г. Доронин не сообщил; возможно, это было связано с материальными затруднениями. Он вернулся в усть-вымскую школу, до середины 1930 г. преподавал там обществоведение, географию, историю, коми язык и литературу [там же, л. 3об., 5], продолжал интересоваться местными обычаями и традициями, особенностями быта, событиями прошлого.

Интерес к фольклору нашел отражение в первых литературных (поэтических) опытах П. Г. Доронина, появившихся на страницах журнала «Ордым» в 1927 и 1928 гг.: частушке «Войпукём» («Ночные посиделки») [20] и сказке «Кёр» («Олень») [21]. Первая из них была подписана псевдонимом «Буйныр». Буйныр – фольклорный персонаж, злой старик «с двухаршинной бородой, а сам ростом в аршин» из одноименной сказки, записанной П. Г. Дорониным в Проньдоре в 1923 г. [22, с. 109-111, 309]. Происхождение имени не ясно. «Ныр» в переводе с коми языка – «нос», слова «буй» в коми языке нет. О носе персонажа в сказке не упоминается. Судя по буйному поведению фольклорного персонажа, который постоянно бил и топтал других героев сказки, его имя, вероятно, связано с русским словом «буйный», «буян» [23, 24]. Почему П. Г. Доронин в качестве своего псевдонима выбрал имя столь неприятного персонажа (пусть даже и из сказки, записанной в родном селе) не понятно. (Быть может, увидел какое-то сходство характеров – своего и Буйныра?). В дальнейшем П. Г. Доронин литературными псевдонимами не пользовался.

В феврале 1930 г. в журнале «Ордым» было напечатано и первое прозаическое произведение П. Г. Доронина – рассказ «Дезертиръяс пöвсын» («Среди дезертиров») [25],

не ставший (как и упомянутые выше поэтические публикации) сколь-либо заметным явлением литературной жизни. Он уже не имел прямого отношения к фольклорно-этнографическим сюжетам, но можно отметить сделанное, так сказать, «с натуры» описание деревенского быта. Стоит отметить, что в этом рассказе проявился интерес П. Г. Доронина к историко-революционной тематике, к которой он как исследователь обратился на рубеже 1930–1940-х гг. Но, вне зависимости от художественных достоинств рассказа «Дезертиръяс пöвсын», это произведение, безусловно, стало вехой на пути становления П. Г. Доронина как писателя – с этого времени (1930) он стал постоянно заниматься литературной работой.

Учителяствуя в Усть-Выми, П. Г. Доронин сделал важнейшее источниковедческое открытие, ставшее первым и самым ярким шагом на его дальнейшем пути собирания исторических материалов о Коми крае и значительно повлиявшее на его последующую судьбу как исследователя. Священник усть-вымской Благовещенской церкви показал ему старинную рукописную книгу, содержащую копию летописи, которую вели в конце XVI–начале XVII столетий усть-вымские священнослужители Мисаил и Евтихий. Летопись представляла собой описание событий, происходивших в Коми крае с XII до первой четверти XVII в., составленное не только на основании наблюдений авторов, но и на доступных им документах предшествующей эпохи. Оригинал летописи в 1813 г. был направлен в центр епархии – Вологду. В Усть-Выми осталась копия, несколько раз менявшая своих хранителей и местонахождение, но в 1915 г. вернувшаяся в Благовещенскую церковь [26].

П. Г. Доронин скопировал летопись и копии грамот великого князя Ивана III конца XV в., находившиеся в той же книге. Он также познакомился с летописью Благовещенской церкви 1839–1917 гг. В церкви имелись и другие документы. П. Г. Доронин позднее вспоминал, в частности, что, вероятно, существовала вторая часть летописи Благовещенской церкви, с описанием событий после 1917 г., но ее ему не показали. В 1929–1930 гг. церковь закрыли и передали управлению Устьвымлага для хозяйственных нужд. Копия летописи Мисаила и Евтихия и другие документы пропали. Не найден и оригинал летописи Мисаила и Евтихия, отправленный в Вологду. Этот интереснейший исторический источник дошел до наших дней только благодаря копии, сделанной П. Г. Дорониным в конце 1920-х гг. Первооткрыватель коми летописания долгое время сомневался в подлинности летописи Мисаила и Евтихия (настолько невероятным было это открытие) и не публиковал ее. Только в 1958 г. по настоянию этнографа Л. Н. Жеребцова, готовившего тогда к изданию очередной «Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР», она была напечатана и стала известна под названием «Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись» [26; 27]. Помимо преподавания и краеведения, П. Г. Доронин занимался и общественной работой – будучи в Усть-Выми, являлся председателем ревизионной комиссии и секретарем уездного отдела профсоюза работников просвещения [8, л. 4].

С 1 сентября 1930 г. П. Г. Доронин в течение одного учебного года преподавал в школе крестьянской молодежи в с. Коквицы, а затем переехал в Сыктывкар, с 1 сентября 1931 г. полгода преподавал историю и географию в открывшемся в 1930 г. Сыктывкарском строительном техникуме [8, л. Зоб.], подготовил три хрестоматии для коми школ крестьянской молодежи [28–30]. Работа в Сыктывкарском техникуме стала последним опытом непосредственной преподавательской деятельности П. Г. Доронина, хотя и в дальнейшем он не оставил связей со сферой образования. В начале 1932 г. он перешел в Коми издательство, где редактировал учебную и детскую художественную литературу, занимался подготовкой учебников по обществоведению для школ крестьянской молодежи [31] и коми языку для начальной школы [32; 33 и др.], хрестоматий по литературе для учащихся различных возрастов [34–36], перевел на коми язык неоднократно переиздававшийся в 1930-е гг. учебник по арифметике [37 и др.]. В 1935 г. составленная им программа по истории коми литературы для средней школы подверглась резкой критике. Руководитель Коми издательства И. И. Оботуров в газете «За новый Север» заявил, что П. Г. Доронин предлагает «воспитывать коми детей на реакционных произведениях белогвардейца Жакова и прочих негодных произведениях», которые, по мнению сурового критика, «дают извращенное представление о старой коми деревне» и «должны быть бесспорно изгнаны из советской школы» [38]. После этого П. Г. Доронин отошел от работы со школой. (Замечу, что И. И. Оботуров недолгое время спустя оказался «буржуазно-националистическим контрреволюционным вредителем», спасаясь от ареста, уехал в Карелию и в конце концов покончил с собой [39]).

Литературное творчество П. Г. Доронина 1930-х гг. 1931 год стал для П. Г. Доронина не только годом прощания с преподавательской работой, но и годом, когда он более основательно заявил о себе как о литераторе: в журнале «Ударник» (заменившем «Ордым») были напечатаны его новые рассказы «Вотчина юклём» («Раздел вотчины») [40] и «Рöзөреньё» («Разорение») [41], художественный уровень которых был заметно выше, чем его первых публикаций [42, с. 251; 43, с. 140], а также стихотворения «Ветла, швучка вөр-ваті...» («Хожу с шумом по природе»), «Вильмё» («Обновляется»), «Колхоз му дорті...» («Вдоль колхозного поля»), «Олём» («Жизнь») [44–47] и очерк «Силос» [48].

В последующие два года к ним добавился рассказ «Кык патрон» («Два патрона») [49], который литературоведы оценивают как лучший из доронинских рассказов [43; 50], отмечая, в частности, талант П. Г. Доронина как «историка и бытописателя» [50]. Не случайно этот и два предыдущих рассказа, «Вотчина юклём» и «Рöзөреньё», позднее переиздавались в авторском сборнике [51]. Опубликовал П. Г. Доронин и несколько новых стихотворений («Образ жизни», «Песня сплавщиков», «Лоцман» и др.) [52–55], не вызвавших особого читательского интереса. Не удивительно, что упоминания и в обстоятельной монографии «История коми литературы» [42]. Возможно, осознав, что его поэтические произведения заметно уступают популяр-

ным тогда творениям В. Савина, П. Шеболкина, В. Латкина, П. Г. Доронин после 1933 г. перестал печатать свои стихи (за исключением переводов русских классиков).

К малому жанру художественной прозы (рассказам) писатель более не обращался, но уже по другой причине – вероятно, потому, что начал работу над романом «Парма съёлёмын» («В сердце пармы»). Это время (середина 1930-х гг.) было периодом реорганизации писательских организаций в СССР, замены в стране и регионах ассоциаций пролетарских писателей союзами советских писателей и одновременно ужесточения требовательности к идеологической составляющей литературной работы. Все большее значение придавалось созданию произведений «историко-революционной» тематики, в том числе и в национальных литературах народов СССР, особенно романов, наличие которых считалось признаком «зрелости» литературы [56]. От коми писателей требовали всемерно развивать «литературное движение» (в указанном партией направлении), создавать крупные произведения о преобразованиях жизни народа и поднимать коми литературу «на уровень теории марксизма-ленинизма» [42, с. 231]. В русле этой тенденции (или социального заказа) можно рассматривать и обращение П. Г. Доронина (как и ряда других авторов) к написанию крупного произведения историко-революционной тематики.

В романе П. Г. Доронин широко использовал свои наблюдения над обычаями повседневной жизни коми народа, различные этнографические материалы конца XIX – начала XX в., уделив немало места описанию деревенского быта, религиозным и этническим особенностям верхнепечорского крестьянства, семейным традициям (в ущерб идеологической составляющей произведения) [49; 57].

При публикации 1-й части (29 глав) «Парма съёлёмын» в журнале «Ударник» в 1936 г. [58] жанр этого произведения был определен как повесть, но позднее его стали характеризовать как незаконченный роман (первый в коми литературе) [42, с. 258; 59]. Существует мнение, что произведение было завершено, но автор сжег вторую (неопубликованную) часть, возможно, опасаясь, что в условиях усилившихся политических репрессий изложение в романе крайне противоречивых событий периода установления советской власти в Коми небезопасно [43; 50].

Собственно говоря, на этой публикации в 1936 г. художественное литературное творчество П. Г. Доронина и завершилось. Больше новых авторских художественных произведений он не публиковал, переключившись на переводы произведений русских классиков [60–62 и др.] и редактирование переводов, сделанных другими авторами [63–65 и др.]. В 1939 г. П. Г. Доронин вступил в Союз писателей [6, с. 28]. По иронии судьбы это произошло как раз тогда, когда он окончательно отошел от писательской работы, всецело переключившись на литературоведение, фольклористику и историю.

Вклад П. Г. Доронина в решение судьбы литературного наследия И. А. Куратова. К литературоведению и литературной критике П. Г. Доронин обратился в середине 1930-х гг. в статьях о творчестве коми писателя М. Н. Ле-

бедева [66] и коми литературном языке и языке переводов [67]. Довелось ему поучаствовать и в характерной для тех лет обличительной критике писателей, «отклонявшихся от линии партии», подписав посвященную писателю И. Симакову журнальную статью об «изгнании троцкистского последыша из коми литературы» [68]. Но основное внимание в своей литературоведческой работе предвоенного времени П. Г. Доронин уделил творчеству первого классика коми литературы И. А. Куратова, обостренный интерес к которому со стороны региональной политической элиты проявился во второй половине 1930-х гг.

Коми творческая интеллигенция открыла И. А. Куратова еще в середине 1920-х гг. В 1932 г. был издан том его стихов. Но со стороны органов власти Коми АО отношение к дореволюционному писателю было осторожное. В конце 1920-х гг. был взят курс на борьбу против «идеализации национальной старины», литература объявлялась «полем битвы» между «пролетарской» и «буржуазной» культурами [38]. В начале 1930-х гг. коми областная печать призывала «вытащить коми художественную литературу из болота национал-шовинизма», поскольку, дескать, «коми интеллигенция <...> все литературное наследство» дореволюционных коми писателей «без критического, марксистского анализа, целиком положила в основу новой коми культуры» и стремилась воспитывать молодежь «на жалких представителях дореволюционной коми интеллигенции» [39, 69]. «Надо развенчать всех буржуазных и мелкобуржуазных героев <...> и выбросить их в мусорный ящик истории. Под клинком марксистско-ленинского анализа сызнова пересмотреть все литературное наследство коми интеллигенции», – призывал И. И. Оботуров на страницах журнала «Ленин туйёд» («Ленинским путем») [39]. В первую очередь «клинок марксистско-ленинского анализа» обрушился на произведения хорошо известных до революции «буржуазных» писателей и ученых Г. С. Лыткина и К. Ф. Жакова. К наследию И. А. Куратова цензоры еще присматривались, решая, следует причислить его творения к «национал-шовинистическим», «мелкобуржуазным» или просто «народническим».

К счастью, в судьбу куратовского наследия вмешались торжественные памятные мероприятия по случаю 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина, исполнившегося в 1937 г. Великого русского поэта передумали «выбрасывать на свалку истории» вместе с другими «непролетарскими» дореволюционными русскими писателями, а, наоборот, решили воздать ему должное уважение, признав «основоположником», «родоначальником» современной русской литературы, оказавшим влияние на литературу народов СССР. Во всех регионах, в том числе и в Коми автономии, были созданы «пушкинские комитеты» и «кружки пушкинстов», члены которых, «при несомненной преданности и верности делу партии, читали и Пушкина, и о Пушкине» [70]. В Коми, как и везде, издавались произведения А. С. Пушкина. На коми язык сказки А. С. Пушкина перевел П. Г. Доронин [71; 72].

Логичным продолжением юбилейных пушкинских торжеств стала линия партии на то, что у каждого народа Советского Союза тоже должен быть свой национальный пи-

сатель, основоположник национальной литературы, «свой Пушкин», которого можно было бы представить (хоть в какой-то мере) как демократа, близкого народу и страдавшего в условиях самодержавной монархии – например, Т. Г. Шевченко у украинцев [73, с. 41–45].

В Коми лучшим кандидатом в основоположники являлся, несомненно, И. А. Куратов (Г. С. Лыткин и К. Ф. Жаков были уже прочно заклеены борцами с «буржуазной культурой» и в родоначальники литературы идеологически не подходили). Выдающийся коми поэт, переводивший, помимо прочего, на коми язык произведения А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко, Анакреона, Горация, Бёрнса, Гейне и др., исследователь коми языка, общавшийся с политическими ссыльными, не получивший признания при царизме – всё это полностью соответствовало лекалам, по которым строился образ А. С. Пушкина во время юбилейных торжеств («Пушкин как родоначальник новой русской литературы», «Пушкин – создатель русского литературного языка», «Пушкин и мировая литература», «Пушкин в истории русского общественного движения»). По тому же подобию был выстроен и образ И. А. Куратова. «Неудобные» моменты биографии (происхождение из духовного сословия, успешная служба военным юристом, награждение орденами и т. п.) отодвигались на задний план, а нужда, страдания, демократизм, некая оппозиционность существовавшему строю и даже антирелигиозность [74] максимально преувеличивались.

Республиканские власти (довольно быстро менявшиеся в условиях массовых политических репрессий второй половины 1930-х гг.) «дали добро» на подготовку к празднованию в 1939 г. 100-летия со дня рождения И. А. Куратова. Но без проблем не обошлось. Неожиданно против празднования резко выступил ведущий коми историк того времени В. М. Подоров (уже успевший в своих трудах заклеить Г. С. Лыткина и К. Ф. Жакова как врагов трудового коми народа [75]), который считал, что И. А. Куратов не только не является основателем коми литературного языка и основоположником коми литературы, но и представляет собой чуждый для советского человека тип царского чиновника [76].

Однако возобладали не его точка зрения, а мнение П. Г. Дорониной и других ученых и писателей, высоко оценивших наследие И. А. Куратова. В частности, П. Г. Доронин посвятил жизни и творчеству первого классика коми литературы серию статей в журнале «Ударник» [77–79] и обстоятельную брошюру на коми и русском языках, которую можно считать первой в коми литературоведении монографией [80; 81], а также предисловие к двухтомному собранию сочинений И. А. Куратова [82]. Конечно, следует отметить, что в соответствии с потребностями времени в публикациях П. Г. Дорониной основное внимание уделялось не столько исследованию поэтики и художественной методологии И. А. Куратова, сколько социально-историческому и идеологическому анализу его жизни и творчества (что было необходимо для идейного обоснования места и роли И. А. Куратова в истории коми культуры). И. А. Куратов в его представлении – «первый певец горя, страданий и лучших чаяний народа», один из лучших представите-

лей коми народа, светлый образ которого пытаются очернить «буржуазные националисты» и «великодержавные казенные историки» [80].

В. М. Подоров в 1940 г. обратился к наркому внутренних дел СССР Л. П. Берия и заявил, что в праздновании юбилея Куратова заинтересованы в первую очередь «буржуазные националисты», поскольку «И. А. Куратов работал судебным следователем», «являлся агентом царизма, его верным псом». «Рабочие и крестьяне в Коми <...> по простоте душевной думали, что празднуют столетний юбилей сына коми народа, в действительности же коми народ <...> праздновал 100-летие буржуазного поэта Коми – душиителя народной свободы народов Средней Азии» [83]. П. Г. Доронин по просьбе органов НКВД провел рецензирование материалов В. М. Подорова, отозвался о них весьма критически (назвав автора «клеветником-самозащитчиком») и дал положительный отзыв о творчестве И. А. Куратова. На этом дискуссии о ценности наследия И. А. Куратова закончились, и за выдающимся поэтом прочно закрепилось полностью заслуженное им звание первого классика коми литературы.

По аналогии с А. С. Пушкиным – основоположником русской литературы, И. А. Куратова с тех пор также стали именовать основоположником коми литературы, хотя в этом случае аналогия не вполне уместна. Если творения А. С. Пушкина были широко известны, популярны, изменили ход развития русской литературы, и в дальнейшем она действительно строилась на основе «пушкинского» языка и стиля, то наследие И. А. Куратова вошло в широкий литературный оборот с большим опозданием. Имя поэта и его произведения оставались практически неизвестными до середины 1920-х гг., а в сколь-либо широкий читательский обиход стихи И. А. Куратова вошли только в 1930-е гг., когда коми литература, формировавшаяся в 1920-е гг., уже существовала. Поэтому вряд ли можно безоговорочно утверждать, что она сложилась именно на основе произведений И. А. Куратова. Показательно, что в 1920-е гг. коми писатели, обращаясь к началам коми литературы, говорили не о творчестве И. А. Куратова, а о Г. С. Лыткине и К. Ф. Жакове (несмотря на то, что К. Ф. Жаков писал в основном на русском языке, а литературно-художественное наследие Г. С. Лыткина практически полностью было утрачено еще при его жизни). Однако это, разумеется, не умаляет величайшего общекультурного значения творческого наследия И. А. Куратова.

Отмечу, что позднее П. Г. Доронину еще раз пришлось участвовать в обсуждении антикуратовских взглядов В. М. Подорова. Последний в 1945 г., работая в Коми базе АН СССР [84], подготовил труд «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–45 гг.». Во второй главе «Чествование в январе 1940 г. столетия со дня рождения коми поэта И. А. Куратова» В. М. Подоров рассуждал о «великодержавно-шовинистическом характере <...> исторических взглядов» Куратова, его «националистических и пан-финских» воззрениях и «извращении мировоззрения Куратова его почитателями», высказывался против причисления поэта к революционерам-демократам [85]. П. Г. Доронин, также работавший в Коми базе АН СССР,

и его коллеги обсуждали работу В. М. Подорова, главу об И. А. Куратове, и подвергли ее резкой, но справедливой критике [86]. В дальнейшем П. Г. Доронин продолжал заниматься исследованием творчества И. А. Куратова и другой литературоведческой и литературно-критической работой [87-89 и др.].

П. Г. Доронин – фольклорист. П. Г. Доронин продолжал заниматься собиранием коми фольклора, несмотря на то, что в начале 1930-х гг. обстановка в стране этому не благоприятствовала. Борьба против «идеализации национальной старины» коснулась и фольклористики. В 1930 г. в журнале «Ордым» была опубликована пьеса А. И. Костромина «Льок зэв мойдны» («Очень плохо рассказывать сказки»), в которой проводилась мысль, что «старорежимные» сказки дурно влияют на подрастающее поколение [90; 91]. Ситуация изменилась к лучшему только в 1934 г., когда Максим Горький на Всесоюзном съезде советских писателей сказал о важности собирания, сохранения и публикации произведений народного творчества всех национальностей Советского Союза, о необходимости подготовки фундаментального издания «Фольклор народов СССР».

Это указание сразу начали воплощать в жизнь. Весной 1934 г. оргкомитет Союза советских писателей направил в Северный край (в состав которого входила и Коми автономная область) для участия в работах по реорганизации литературного движения и организации сбора и систематизации фольклора «бригаду писателей» – члена оргкомитета Союза советских писателей Г. В. Алексеева, А. Веселого и И. Н. Молчанова (уроженца Архангельской губернии, знавшего коми язык). Побывав в Архангельске, И. Н. Молчанов и Г. В. Алексеев отправились в Коми АО (А. Веселый – в Ненецкий округ).

В Сыктывкаре к «бригаде» присоединился П. Г. Доронин, который, собственно, и организовал непосредственную работу по сбору фольклорных материалов в Коми области. В сжатые сроки были собраны все ранее публиковавшиеся тексты и разнообразные записи коми фольклора, хранившиеся в Коми научно-исследовательском институте, Коми краеведческом музее, Коми издательстве, личном собрании П. Г. Доронина и др. (всего – более 60 п. л.) [20]. П. Г. Доронин и И. Н. Молчанов занимались переводами текстов на русский язык, Г. В. Алексеев – их литературной обработкой.

После отъезда Г. В. Алексеева и И. Н. Молчанова сбор сказок, легенд, песен под руководством П. Г. Доронина в различных селениях Коми автономии продолжался. П. Г. Доронин активнейшим образом участвовал в этой работе, записав, по оценке специалистов, немало уникальных произведений народного творчества [18]. Собранные материалы П. Г. Доронин систематизировал, некоторые готовил к изданию. Учитывая реалии того времени, он подчеркивал «классовую направленность» собиравшегося им сказочного фольклора. В 1935–1936 гг. он опубликовал в «Ударнике» несколько коми сказок [92], предварив часть публикаций своими исследовательскими предисловиями. Первая публикация носила характерное «классовое» название «Антипоповские сказки» [93], далее последовали

«Солдатские сказки» [94], «Сказки о царских судьях» [95]. Помимо сказок, П. Г. Доронин собирал также тексты народных песен и свадебных причитаний.

Возможно, собранные материалы должны были напечатать в сборнике к 15-летию юбилею Коми автономии (1936). Но в юбилейный сборник «В парме», изданный в Москве, вошла лишь небольшая часть собранных в 1934 г. текстов (в переводе И. Н. Молчанова и обработке Г. В. Алексеева) [96]. Возможно, дело в том, что пока шла подготовка издания, состав регионального руководства поменялся, и новые лидеры не сочли целесообразным выполнять обязательства своих «национал-шовинистских» предшественников. Тогда была предпринята попытка издать первый свод коми фольклора в Архангельске.

В декабре 1937 г. первый том книги «Фольклор народа коми» был сдан в печать [20]. В него вошли 89 сказок и преданий (в литературной обработке Г. В. Алексеева), многие из которых в разные годы были записаны и переведены П. Г. Дорониным. По мнению специалистов, участие в подготовке этого фундаментального издания стало наиболее крупной работой П. Г. Доронина по фольклористике [18]. В книге имеются комментарии Г. В. Алексеева и А. А. Попова (в которых немало записей типа «Записана П. Г. Дорониным, знавшим ее с детства, в г. Сыктывкаре в 1927 г.» [20, с. 299]), вступительная статья А. А. Попова «Проблемы истории народа коми в связи с его фольклором» и библиография («Литература о фольклоре, мифологии и истории народа коми»). В кратком введении Архангельское отделение Союза советских писателей информировало, что второй том, содержащий «свадебные плачи, пословицы, поговорки, загадки и фольклор послеоктябрьского периода», запланировано выпустить в 1938 г. [20, с. 3]. Однако это намерение не осуществилось, поскольку весной 1938 г. Г. В. Алексеева арестовали; на свободу он уже не вышел, и об издании книг с его участием не могло быть и речи.

В этих условиях П. Г. Доронин решил издать собранные под его руководством материалы в Сыктывкаре. Один сборник «Коми фольклор. Старинные сказки и песни» [97], включавший пять сказок и шесть песен, был выпущен как учебное пособие для школ. В издание «Фольклорный сборник. Старинные коми сказки и песни» [98] вошли в основном, сатирические сказки, «классово направленные» против «угнетателей народа» – попов, урядников, дворян, а также народные песни. Исследователи подчеркивают ценность этого сборника, отмечают значимость проведенного П. Г. Дорониным во вводной части анализа коми фольклора, его жанров, культурно-исторической и общественной значимости. Этими сборниками П. Г. Доронин зарекомендовал себя как талантливый фольклорист [18]. Свою работу над коми фольклором П. Г. Доронин продолжил в послевоенный период.

Еще одним научным направлением, к которому подступился П. Г. Доронин в предвоенные периоды, стала история Коми. Его внимание привлекли события, связанные с Гражданской войной и крестьянскими бунтами. Можно спорить о том, работа ли над «историко-революционным» романом «Парма съёлóмын» потребовала углубленного изучения этих исторических сюжетов, или же, наоборот,

познакомившись с этими событиями, он пришел к мысли о написании романа. Литературоведы считают первичной литературную работу. На наш взгляд, П. Г. Доронин всегда шел не от литературы к науке, а от науки к литературе. Так, его интерес к фольклористике, собиранию фольклора вылился в первые поэтические произведения, а интерес, с одной стороны, к этнографическому бытописанию крестьянского существования, а с другой – понятное для молодежи того времени стремление изучить и понять историческую логику стремительных, революционных изменений привычного образа жизни привели к желанию выразить эти этнографо-исторические сюжеты в художественной прозе – тем более, что в ту эпоху достигнуть желаемого результата в литературных произведениях было (или казалось) все же несколько легче, чем в научных трудах.

Специально заниматься разработкой исторических тем (с подготовкой более-менее серьезных журнальных публикаций – газетные появлялись и раньше) П. Г. Доронин смог только после того, как завершил титаническую работу над фольклорными сборниками. В 1938–1940 гг. в журнале «Ударник» были опубликованы три статьи исследователя: о выступлениях сотчемских крестьян против властей в XIX в. [99] и об Октябрьской революции и Гражданской войне в Коми крае: довольно публицистичная и апологетическая публикация «Отважная героиня» о погибшей в годы Гражданской войны коми красной разведчице Домне Каликовой [100] и «Гражданская война в Коми крае» [101]. Последнюю публикацию следует отметить особо – при всей ее неизбежной для тех лет идеологизированности это была первая обстоятельная работа, специально посвященная событиям Гражданской войны и написанная на основе вполне приличной источниковой базы, включавшей как документы, так и воспоминания участников событий (естественно, представлявших только одну из противоборствовавших сторон).

В начале 1940-х гг. у П. Г. Доронина появилась возможность плотнее сосредоточиться на научной работе. В конце 1940 г. он ушел из Коми издательства и в январе 1941 г. приступил к работе в Коми республиканском краеведческом музее, являлся научным сотрудником, заведовал историческим отделом [8, л. Зоб.]. В музее П. Г. Доронин занялся сбором документов по истории Коми края: изучал летописи, писцовые и переписные книги, ревизии и т. д., делал из них выписки, снимал копии. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала эту работу. Вернуться к научной деятельности П. Г. Доронину удалось только через пять лет [102; 103].

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что П. Г. Доронин проявил себя весьма разносторонним, талантливым и даже удачливым человеком. Удачливым – во-первых, потому, что он открыл «Вычегодско-Вымскую летопись» и стал «Колумбом коми летописания», а во-вторых, потому, что смог избежать жерновов политических репрессий, в которые попали многие его коллеги – писатели и исследователи, хотя в ряде своих исследований и литературных произведений поднимал достаточно серьезные, общественно значимые проблемы, способные вызвать

противоречивую реакцию. Разносторонность П. Г. Доронина проявилась в его занятиях наукой (фольклористикой, литературоведением, историей) и художественной литературой, а талант – в том, что во всех этих сферах в 1930-х гг. он достиг несомненного успеха.

Середина 1930-х гг. стала для П. Г. Доронина временем выбора – на чем сосредоточить главное внимание. Добившись успеха как писатель, автор первого в коми литературе романа, он оставляет литературу и полностью сосредотачивается на науке – вначале на филологии (фольклористике, к которой затем прибавилось литературоведение). А в конце рассматриваемого периода начинает постепенно выдвигаться на первый план история, окончательно утвердившаяся в качестве приоритета учебного в послевоенный период.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Ванеева, И. М. Доронин Павел Григорьевич / И. М. Ванеева // Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1997. – Т. 1. – С. 414.
2. Доронин Павел Григорьевич // Литературная летопись войны: писатели-фронтовики Сыктывдинского р-на / сост.: И. Г. Жукова, Л. Н. Муравьева. – Вильгорт : МБУК «Сыктывдинская ЦБС», 2015. – С. 5–6.
3. Жеребцов, И. Л. Коми исследователи-гуманитарии первой половины XX века / И. Л. Жеребцов. Beau Bas-sin : Lambert Academic Publishing, 2019. – 94 с.
4. Таскаев, М. Знаменитые ученые и писатели Сыктывдинской земли (первая половина XX века) / М. Таскаев // Арт. – 2015. – № 4. – С. 126–137.
5. Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН / сост. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2000. – 215 с.
6. Павел Доронин // Писатели Коми АССР / сост. Г. И. Торлопов. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961. – С. 27–28.
7. Владимиров, Е. Павел Доронин / Е. Владимиров. – Наследие для потомков // Регион. – 2024. – № 1.
8. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 19. Д. 537.
9. Удж. – 1921. – 29 янв.
10. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки) / сост. и ред.: И. Л. Жеребцов, О. И. Азаров. – Сыктывкар, 2020. – 664 с.
11. Жеребцов, И. Л. Кавказовед А. Н. Грен – исследователь Коми края / И. Л. Жеребцов, А. А. Попов // Третьи Международные Иналиповские чтения (Сухум, 4–6 октября 2016 г.). – Сухум : АБИГИ, 2017. – С. 40–52.
12. Цыпанов, Е. А. Роль А. Н. Грена в развитии лингвистики и не только / Е. А. Цыпанов, И. Л. Жеребцов, В. А. Семенов // Linguistica Uralica. LVII. – 2021. – № 2. – С. 149–153.
13. Жеребцов, И. Л. Алексей Семенович Сидоров / И. Л. Жеребцов, Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1995. – 52 с.

14. Некрасова, Г. А. В. А. Молодцов: долгий путь к признанию / Г. А. Некрасова, И. Л. Жеребцов // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2017. – С. 8–16.
15. Жеребцов, И. Л. «...Явилось стремление изучать свой край и свой народ» (А. А. Чеусов и В. П. Налимов) / И. Л. Жеребцов // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – № 3. – С. 85–96.
16. Югыд туй. – 1923. – 28 сент.
17. Доронин, П. Г. Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости Устьвымского уезда / П. Г. Доронин // Коми му. – 1924. – № 1–2. – С. 91–93.
18. Кудряшова, В. М. Павел Григорьевич Доронин / В. М. Кудряшова // Доронин П. Г. Мойд небӧг. Книга сказок. Сказки, собранные Павлом Дорониным. – Сыктывкар : Коми гиз, 2004. – С. 12–20.
19. Жеребцов, И. Л. Исследователь А. А. Цембер: от Усть-Сысольска до Пятигорска (основные вехи жизненного пути) / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев // Народы Кавказа в XVIII–XX вв.: история, политика, культура. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. – С. 51–57.
20. Фольклор народа коми / И. Н. Новиков (ред.). – Архангельск : Огиз-Архоблгиз, 1938. – Т. 1: Предания и сказки
21. Буйныр. Войпуком // Ордым. – 1927. – № 7. – С. 50–52.
22. Доронин, П. Г. Кӧр / П. Г. Доронин // Ордым. – 1928. – № 7. – С. 51–52.
23. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. 1. – С. 137–138.
24. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии / отв. ред.: В. М. Карев, М. Н. Хитров. – Москва : Бол. Российская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – 831 с.
25. Доронин, П. Г. Дезертиръяс пӧвсын / П. Г. Доронин // Ордым. – 1930. – № 3–4. – С. 3–6.
26. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1958. – С. 241–271.
27. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники пармы-89. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1989. – С. 23–34.
28. Доронин, П. Социалистическӧй выль войвыв. Литература да ас кыв велӧдан нига / П. Доронин, И. Изъюров, А. Кушманова. – Сыктывкар : Коми гиз, 1931. – 83 лб.
29. Доронин, П. Важ олӧм. Литература хрестоматия / П. Доронин. – Сыктывкар : Коми гиз, 1931. – 91 лб.
30. Доронин, П. Гражданскӧй война. Литература хрестоматия / П. Доронин, М. Титова. – Сыктывкар : Коми гиз, 1931. – 110 лб.
31. Доронин, П. Йӧзкост оланног / П. Доронин. – Сыктывкар : Коми гиз, 1932. – 274 лб.
32. Доронин, П. Г. Коми кыв: грамматика да правописание нач. школары / П. Г. Доронин. – Сыктывкар : Коми гиз, 1933. – 46 лб.
33. Доронин, П. Г. Коми кыв: грамматика да правописание начальнӧй школары: первой во велӧдчысьяслы / П. Г. Доронин, И. И. Тарабукин. – Сыктывкар : Коми гиз, 1933. – 23 лб.
34. Доронин, П. Гӧрд армия / П. Доронин, М. Титова. – Сыктывкар : Коми гиз, 1932. – 64 лб.
35. Доронин, П. Литература хрестоматия / П. Доронин. – Сыктывкар : Коми гиз, 1933. – 215 лб.
36. Доронин, П. Литература хрестоматия: неполнӧй сред. да сред. школаса 6–7-ӧд кл.: мӧд ч. – Сыктывкар : Комигиз, 1936. – 179 лб.
37. Попова, Н. С. Арифметика: начальнӧй школары / Н. С. Попова. – Сыктывкар : Коми гиз, 1933. – 74 лб.
38. Жеребцов, И. Л. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми / И. Л. Жеребцов, Е. Н. Рожкин. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – 136 с.
39. Жеребцов, И. Л. Клином марксистско-ленинского анализа / И. Л. Жеребцов // Покаяние. Мартиролог. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1998. – Т. 1. – С. 423–464
40. Доронин, П. Г. Вотчина юклӧм / П. Г. Доронин // Ударник. – 1931. – № 19–20. – Лб. 22–24.
41. Доронин, П. Г. Рӧзӧреннӧ / П. Г. Доронин // Ударник. – 1931. – № 21–22. – Лб. 11–14.
42. История коми литературы. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1980. – Т. 2. – 327 с.
43. Демин, В. Н. Павел Григорьевич Доронин / В. Н. Демин // Писатели Коми. – Сыктывкар : НБРК, 1996. – Т. 1. – С. 138–143.
44. Доронин, П. Г. Ветла, швучка вӧр-ваті... / П. Г. Доронин // Ударник. – 1931. – № 17–18. – Лб. 11.
45. Доронин, П. Г. Вильмӧ / П. Г. Доронин // Ударник. – 1931. – № 10. – Лб. 9.
46. Доронин, П. Г. Колхоз му дорті... / П. Г. Доронин // Ударник. – 1931. – № 17–18. – Лб. 12.
47. Доронин, П. Г. Олӧм / П. Г. Доронин // Ударник. – 1931. – № 11–12. – Лб. 6.
48. Доронин, П. Г. Силос / П. Г. Доронин // Ударник. – 1931. – № 14. – Лб. 13–15.
49. Доронин, П. Г. Кык патрон / П. Г. Доронин // Ударник. – 1932. – № 1. – Лб. 11–14.
50. Лимерова, В. Павел Григорьевич Доронин / В. Лимерова // Писатели Коми. – Сыктывкар : ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2017. – Т. 1. – С. 260–262.
51. Доронин, П. Парма сӧлӧмын. Вотчина юклӧм. Рӧзӧреннӧ. Кык патрон / П. Доронин // Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1968. – 212 лб.
52. Доронин, П. Оланног / П. Доронин // Ударник. – 1932. – № 3–4. – Лб. 11.
53. Доронин, П. Кылӧдчысьяслӧн сьыланкыв / П. Доронин // Ударник. – 1933. – № 5–6. – Лб. 36–37.
54. Доронин, П. Лоцман / П. Доронин // Ударник. – 1933. – № 5–6. – Лб. 36–37.
55. Доронин, П. Эжва вылын тулысын / П. Доронин // Виль войвыв. – Сыктывкар, 1933. – № 2. – Лб. 49–53.
56. Лимерова, В. А. Историко-революционный роман в коми литературе 1930–1950-х гг. как результат компромисса / В. А. Лимерова, М. А. Литовская // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3. – С. 23–32.
57. Лимерова, В. А. Своеобразие историко-революционного романа в коми литературе 1930–1950-х годов / В. А. Лимерова, М. А. Литовская // Ежегодник фин-

- но-угорских исследований. – Ижевск : Удмуртский университет, 2016. – Т. 10, Вып. 4. – С. 42–49.
58. Доронин, П. Парма сёлöмын / П. Доронин // Ударник. – 1936. – № 3. Лб. 21–41; № 4. Лб. 29–48; № 5. Лб. 5–26; № 7. Лб. 4–25; № 8. Лб. 20–40; № 9. Лб. 32–49; № 10. Лб. 20–44; № 11–12. Лб. 56–72.
 59. Остапова, Е. В. Художественный этнографизм первых коми романов: опыты перевода / Е. В. Остапова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 6. – С. 36–40.
 60. Некрасов, Н. А. Инды тэ сэтшöм места вай меным / Размышления у парадного подъезда / Н. А. Некрасов // Ударник. – 1938. – № 1. – Лб. 59.
 61. Некрасов, Н. А. Катерина / Н. А. Некрасов // Ударник. – 1938. – № 1. – Лб. 61.
 62. Некрасов, Н. А. Кöрт туй / Железная дорога / Н. А. Некрасов // Ударник. – 1938. – № 1. Лб. 62–63.
 63. Дефо, Д. Робинзон Крузолöн олöм да странной приключениеяс / Жизнь и странные приключения Робинзона Крузо / Д. Дефо. – Сыктывкар : Коми гиз, 1939. – 215 лб.
 64. Свифт, Д. Гулливер великаньяс ордын / Гулливер у великанов / Д. Свифт. – Сыктывкар : Коми гиз, 1939. – 49 лб.
 65. Андерсен, Г. Х. Мисьтöм уткапи / Гадкий утенок / Г. Х. Андерсен. – Сыктывкар : Коми гиз, 1939. – 28 лб.
 66. Доронин, П. Н. Лебедев творчество йылысь / П. Н. Доронин, И. М. Тарабукин // Ударник. – 1934. – № 11–12. – Лб. 29–34.
 67. Доронин, П. Литература кыв да переводьяс йылысь / П. Доронин // Ударник. – 1935. – № 1. – Лб. 32–37.
 68. Доронин, П. Г. Троцкистской последышöс вöтлöма коми литератураысь / П. Г. Доронин, Г. А. Федоров // Ударник. – 1936. – № 11–12. – Лб. 100–101.
 69. Оботуров, И. И. За социалистическую культуру / И. И. Оботуров // Ленин туйöд. – 1930. – № 9.
 70. Перельмутер, В. Г. «Нам целый мир чужбина...» / В. Г. Перельмутер // Пушкин в эмиграции. 1937. – Москва : Прогресс-Традиция, 1999. – С. 7–42.
 71. Пушкин, А. С. Поп да сёлöн казак Балда йылысь мойдкыв / А. С. Пушкин. – Сыктывкар : Коми гиз, 1937. – 16 лб.
 72. Пушкин, А. С. Сар Салтан йылысь мойдкыв / А. С. Пушкин. – Сыктывкар : Коми гиз, 1937. – 32 лб.
 73. Платт, Д. Б. Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт / Д. Б. Платт. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 352 с.
 74. Доронин, П. Г. Антирелигиозные взгляды И. А. Куратова / П. Г. Доронин // За новый Север. – 1939. – 2 окт.
 75. Подоров, В. М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков) / В. М. Подоров. – Сыктывкар, 1933. Т. 1, 2.
 76. Ванеев, А. Е. В поисках истины / А. Е. Ванеев. – Сыктывкар, 1989.
 77. Доронин, П. Г. Интернациональной мотивьяс И. А. Куратов творчествоын / П. Г. Доронин // Ударник. – 1939. – № 7–8. – Лб. 9–8.
 78. Доронин, П. Г. И. А. Куратовлöн удж да творчество / П. Г. Доронин // Ударник. – 1939. – № 9. – Лб. 10–35.
 79. Доронин, П. Г. Коми поэт А. И. Гугов йылысь / П. Г. Доронин // Ударник. – 1939. – № 10. – Лб. 39–43.
 80. Доронин, П. Г. Творчество И. А. Куратова / П. Г. Доронин. – Сыктывкар : Коми гиз, 1939. – 80 с.
 81. Доронин, П. Г. И. А. Куратовлöн творчество / П. Г. Доронин. – Сыктывкар : Коми гиз, 1939. – 90 лб.
 82. Куратов, И. А. Художественной произведениеяс / Ред. П. Доронин, Д. Конюхов. – Сыктывкар : Коми госиздат, 1939. – 323 лб.
 83. Полещиков, В. М. За семью печатями. Из архивов КГБ / В. М. Полещиков. – Сыктывкар, 2005. – 270 с.
 84. Жеребцов, И. Л. Материалы архива Коми НЦ УрО РАН о коми историке В.М.Подорове / И. Л. Жеребцов // Общественность и архивы: проблемы и пути сотрудничества. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1997. – С. 3–5
 85. Подоров, В. М. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–45 гг. // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.12. Д.13.
 86. Жеребцов, И. Л. Первый труд по истории Коми АССР периода Великой Отечественной войны и его автор / И. Л. Жеребцов // Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР). – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2010. – С. 110–122.
 87. Доронин, П. Г. Пушкин да коми литература : юбил. гижöд / П. Г. Доронин // Войвыв кодзув. – 1949. – № 6. – Лб. 60–63.
 88. Доронин, П. Г. И. Куратовлöн «Бöрийöм гижöдьяс» роч кыв вылын / П. Г. Доронин // Войвыв кодзув. – 1959. – № 4. – Лб. 62–64.
 89. Доронин, П. Г. Кыдзи сöвмис И. Куратовлöн мировоззрение / П. Г. Доронин // Войвыв кодзув. – 1962. – № 5. – Лб. 55–59.
 90. Костромин, А. Лёк зэв мойдны / А. Костромин // Ордым. – 1930. – № 13–14. – Лб. 39–40.
 91. Они любили край родной / Отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.
 92. Ударник. – 1935. – № 1. – Лб. 38–47; № 3. – Лб. 27–35; № 4. – Лб. 45–48; – № 10–11. – Лб. 69–74; – 1936. – № 11 12. – Лб. 88–99.
 93. Доронин, П. Антипоповской мойдкывьяс // Ударник. – 1935. – № 1. – Лб. 38.
 94. Доронин, П. Солдатской мойдкывьяс / П. Доронин // Ударник. – 1935. – № 3. – Лб. 26.
 95. Доронин, П. Царской судьяс йылысь мойдьяс / П. Доронин // Ударник. – 1935. – № 4. – Лб. 44–45.
 96. В парме. Сборник произведений коми литературы / сост. А. А. Попов. – Москва : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1936. – 92 с.
 97. Коми фольклор: важ мойдкывьяс да сьыланкывьяс / П. Г. Доронин (сост.). – Сыктывкар: Коми гиз, 1938. – 48 лб.
 98. Фольклорной сборник: важ коми мойдкывьяс да сьыланкывьяс / П. Г. Доронин (сост.). – Сыктывкар : Коми гиз, 1938. – 167 лб.

99. Доронин, П. Сотчемской обществу крестьянское выступление 1844-1845-го года / П. Доронин // Ударник. – 1940. – № 6. – Лб. 17-26.
100. Доронин, П. Повтом героиня: Каликова Домна йлысь // Ударник. – 1938. – № 10-11. – Лб. 40-43.
101. Доронин П. Гражданской война коми крайын / П. Доронин // Ударник. – 1940. – № 3. – Лб. 3-22; №4. – Лб. 21-34; № 5. – Лб. 3-20.
102. Жеребцов И. Л. Писатель и ученый П. Г. Доронин – участник Великой Отечественной войны / И. Л. Жеребцов // 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (Республика Коми в годы Отечественной войны): материалы научной конференции. – Сыктывкар, 1995. – С. 102-107.
103. Жеребцов И. Коми учёные-гуманитарии – участники Великой Отечественной войны / И. Л. Жеребцов, М. Таскаев // Арт. – 2015. – № 2. – С. 119-128.
11. Zherebtsov, I. L. Kavkazoved A. N. Gren – issledovatel' Komi kraja [Caucasian expert A. N. Gren – researcher of the Komi region] / I. L. Zherebtsov, A. A. Popov // Third International Inalipov Readings. (Sukhum, October 4-6, 2016). – Sukhum: Abkhazian Institute of Humanitarian Studies, 2017. – P. 40-52.
12. Tsypanov, E. A. Rol' A. N. Grena v razvitii lingvistiki i ne tol'ko [The role of A.N. Gren in the development of linguistics and not only that] / E. A. Tsypanov, I. L. Zherebtsov, V. A. Semenov // Linguistica Uralica. LVIII. 2021. – No. 2. – P. 149-153.
13. Zherebtsov, I. L. Aleksei Semenovich Sidorov / I. L. Zherebtsov, E. A. Tsypanov. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 1995. – 52 p.
14. Nekrasova, G. A. V. A. Molodtsov: dolgii put' k priznaniyu [V. A. Molodtsov: a long path to recognition] / G. A. Nekrasova, I. L. Zherebtsov // Permistika-16: Dialekty i istoriya permskih yazykov vo vzaimodeistvii s drugimi yazykami [Permistics-16: Dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages]. – Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State Univ. Publ., 2017. – P. 8-16.
15. Zherebtsov, I. L. ...Yavilos' stremlenie izuchat' svoi kraj i svoi narod ["...There was a desire to study our land and our people"] (A. A. Cheusov and V. P. Nalimov) / I. L. Zherebtsov // Problems of history and culture of northern countries and territories. – 2010. – No. 3. – P. 85-96
16. Yugyd tui, 1923. – September 28.
17. Doronin, P. G. Perezhitki stariny v byte krestyan Prokopyevskoi volosti Ustvymskogo uezda [Remnants of antiquity in the life of peasants of the Prokopyevskaya volost of the Ustvyim Uyezd] / P. G. Doronin // Komi mu. – 1924. – No. 1-2. – P. 91-93.
18. Kudryashova, V. M. Pavel Grigorievich Doronin / V. M. Kudryashova // Doronin P.G. Moyd nebög [Book of fairy tales. Fairy tales collected by Pavel Doronin]. – Syktyvkar: Komi Giz, 2004. – P. 12-20.
19. Zherebtsov, I. L. Issledovatel' A. A. Tsember: ot Ust-Sysolska do Pyatigorska (osnovnie vehi zhiznennogo puti [Researcher A.A. Tsember: from Ust-Sysolsk to Pyatigorsk (main milestones of life path)] / I. L. Zherebtsov, M. V. Taskaev // Peoples of the Caucasus in the XVIII-XX centuries: history, politics, culture. – Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Science Centre, RAS, 2022. – P. 51-57.
20. Folklor naroda komi [Folklore of the Komi people] / I. N. Novikov (ed.). – Arkhangelsk: Ogiz-Arkhoblgiz, 1938. – Vol. 1: Legends and fairy tales.
21. Buynyr. Voypuköm [Gatherings] // Ordym [Footpath]. – 1927. – No. 7. – P. 50-52.
22. Doronin, P. G. Kor [Deer] / P. G. Doronin // Ordym. – 1928. – No. 7. P.
23. Dal', V. I. Tolkovii slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] / V. I. Dal'. – Moscow: State Publishing House of foreign and national dictionaries, 1955. – Vol. 1. – P. 137-138.

References

1. Vaneeva I. M. Doronin Pavel Grigoryevich / I. M. Vaneeva // Respublika Komi. Enciklopediya [Komi Republic. Encyclopedia]. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1997. – Vol. 1. – P. 414.
2. Doronin Pavel Grigoryevich // Literaturnaya letopis' voiny: pisateli-frontoviki Syktyvdinskogo raiona [Literary chronicle of the war: front-line writers of the Syktyvdin region] / Comp. I. G. Zhukova, L. N. Muravyova. – Vylgort: Syktyvdin centralized library system, 2015. – P. 5-6.
3. Zherebtsov, I. L. Komi issledovately-gumanitarii pervoi poloviny XX veka [Komi humanities researchers of the first half of the XX century] / I. L. Zherebtsov. – Beau Bassin: Lambert Academic Publishing, 2019. – 94 p.
4. Taskaev, M. Znamenikie uchenie i pisateli Syktyvdinskoi zemli (pervaya polovina XX veka) [Famous scientists and writers of the Syktyvdin land (first half of the XX century)] / M. Taskaev // Art. – 2015. – No. 4. – P. 126-137.
5. Uchenie Instituta yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo centre UrO RAN [Scientists of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS] / Comp. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2000. – 215 p.
6. Pavel Doronin // Pisateli Komi ASSR [Writers of the Komi ASSR] / Comp. G. I. Torlopov. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1961. – P. 27-28.
7. Vladimirov, E. Pavel Doronin. Nasledie dlya potomkov [Heritage for descendants] / E. Vladimirov // Region. – 2024. – No. 1.
8. Nauchny arhiv FITs Komi NTs UrO RAN [Scientific archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. F. 1. Op. 19. D. 537.
9. Udzh [Labor], 1921, January 29.
10. Syktyvkar v proshlom i nastoyaschem (istoricheskie ocherki) [Syktyvkar in the past and present (historical essays)] / Comp. and Eds. I. L. Zherebtsov, O. I. Azarov. – Syktyvkar, 2020. – 664 p.

24. Enciklopedicheskii slovar' Brockhaus i Efron [Encyclopedic Dictionary Brockhaus and Efron. Biographies] / Eds. V. M. Karev, M. N. Khitrov. – Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1992. – Vol. 2. – 831 p.
25. Doronin, P. G. Desertiryas pövsyn [Among the deserters] / P. G. Doronin // Ordym [Footpath]. – 1930. – No. 3–4. – P. 3–6.
26. Dokumenty po istorii komi [Documents on the history of Komi] // Historical and philological collection. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1958. – P. 241–271.
27. Vychegodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) le-topis' [Vycheгда-Vym (Misailo-Evtikhiev) chronicle] // Rodniki permy-89 [Springs of Parma-89]. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1989. – P. 23–34.
28. Doronin, P. Socialisticheskii vyl' voyvyv. Literatura da as kyv velödan niga [New socialist North. Textbook on literature and language] / P. Doronin, I. Izyurov, A. Kushmanova. – Syktyvkar: Komi giz, 1931. – 83 p.
29. Doronin, P. Vazh olim. Literatura chrestomatiya [Previous life. Literary reader] / P. Doronin. – Syktyvkar: Komi giz, 1931. – 91 p.
30. Doronin, P. Grazhdanskoi voina. Literatura chrestomatiya [Civil war. Literary reader] / P. Doronin, M. Titova. – Syktyvkar: Komi giz, 1931. – 110 p.
31. Doronin, P. Yozkost olannog [Everyday life] / P. Doronin. – Syktyvkar: Komi giz, 1932. – 274 p.
32. Doronin, P. Komi kyv: grammatika da pravopisanike nach. Shkolaly [The Komi language: Grammar and Spelling for Primary School] / P. Doronin. – Syktyvkar: Komi giz, 1933. – 46 p.
33. Doronin, P. G. Komi kyv: grammatika da pravopisanike nach. shkolaly: pervoi vo velöchysyasly [The Komi language: Grammar and Spelling for Primary School: for first graders] / P. G. Doronin, I. I. Tarabukin. – Syktyvkar: Komi giz, 1933. – 23 p.
34. Doronin, P. Gord armiya [Red Army] / P. Doronin, M. Titova. – Syktyvkar: Komi giz, 1932. – 64 p.
35. Doronin, P. Literatura chrestomatiya [Literary reader] / P. Doronin. – Syktyvkar: Komi giz, 1933. – 215 p.
36. Doronin, P. – Syktyvkar: Komigiz, 1936. – 179 p.
37. Popova, N. S. Arifmetika: nachalnoi shkolaly [Elementary school arithmetic] / N. S. Popova. – Syktyvkar: Komi giz, 1933. – 74 p.
38. Zherebtsov, I. L. Ocherki istorii stanovleniya gumanitarnoi nauki v Komi [Essays on the history of the development of humanities in Komi] / I. L. Zherebtsov, E. N. Rozhkin. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2006. – 136 p.
39. Zherebtsov, I. L. Klinkom marksistsko-leninskogo analiza [By the blade of Marxist-Leninist analysis] / I. L. Zherebtsov // Pokayanie. Martirolog [Repentance. Martyrology]. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1998. – Vol. I. – P. 423–464.
40. Doronin, P. G. Votchina yuklöm [Division of fiefdom] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1931. – No. 19–20. – P. 22– 24.
41. Doronin, P. G. Rözörennyö [Devastation] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1931. – No. 21–22. – P. 11–14.
42. Istoriya komi literatury [History of Komi literature]. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1980. – Vol. 2. – 327 p.
43. Demin, V. N. Pavel Grigoryevich Doronin / V. N. Demin // Writers of Komi. – Syktyvkar: National Library of the Komi Republic, 1996. – Vol. 1. – P. 138–143.
44. Doronin, P. G. Vetla, shvuchka vör-vati... [I walk through loud nature] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1931. – No. 17–18. – P. 11.
45. Doronin, P. G. Vylmö [Updating] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1931. – No. 10. – P. 9.
46. Doronin, P. G. Kolhoz mu dorti... [At the collective farm field] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1931. – No. 17–18. – P. 12.
47. Doronin, P. G. Olöm [Life] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1931. – No. 11–12. – P. 6.
48. Doronin, P. G. Silos [Silage] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1931. – No. 14. – P. 13–15.
49. Doronin, P. G. Kyk patron [Two cartridges] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1932. – No. 1. – P. 11–14.
50. Limerova, V. Pavel Grigoryevich Doronin / V. Limerova // Writers of Komi. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2017. – Vol. 1. – P. 260–262.
51. Doronin, P. Parma sölömy. Votchina yuklöm. Rözörenniö. Kyk patron [The heart of Parma. Division of fiefdom. Devastation. Two cartridges] / P. Doronin. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1968. – 212 p.
52. Doronin, P. Olannog [Biography] / P. Doronin // Udarnik. – 1932. – No. 3–4. – P. 11.
53. Doronin, P. Kyldchysyaslön sylankyv [Song of the Rafters] / P. Doronin // Udarnik. – 1933. – No. 5–6. – P. 36–37.
54. Doronin, P. Lotsman [Pilot] // Udarnik. – 1933. – No. 5–6. – P. 36–37.
55. Doronin, P. Ezhva vylын tulysyn [Spring on the Vycheгда] / P. Doronin // Vyl voyvyv [New North]. – Syktyvkar, 1933. – No. 2. – P. 49–53.
56. Limerova, V. A. Istoriko-revolucionnii roman v komi literature 1930–1950-h gg. Kak rezultat kompromissa [Historical-revolutionary novel in Komi literature of the 1930–1950s as a result of a compromise] / V. A. Limerova, M. A. Litovskaya // Ural Historical Bull. – 2014. – No. 3. – P. 23–32.
57. Limerova, V. A. Svoeobrazie istoriko-revolucionnogo romana v komi literature 1930–1950-h godov [The originality of the historical-revolutionary novel in Komi literature of the 1930–1950s] / V. A. Limerova, M. A. Litovskaya // Yearbook of Finno-Ugric studies. – Izhevsk: Udmurt Univ. Publ., 2016. – Vol. 10. – Issue 4. – P. 42–49.
58. Doronin, P. Parma sölömy [In the heart of Parma] / P. Doronin // Udarnik. – 1936. – No. 3. P. 21–41; No. 4. – P. 29–48; No. 5. – P. 5–26; No. 7. – P. 4–25; No. 8. – P. 20–40; No. 9. – P. 32–49; No. 10. – P. 20–44; No. 11–12. – P. 56–72.
59. Ostapova, E. V. Hudozhestvennii etnografizm pervykh komi romanov: opyty perevoda [Artistic ethnography of the first Komi novels: translation experiences] / E. V. Ostapova // Scientific notes of Petrozavodsk State Univ. – 2018. – No. 6. – P. 36–40.

60. Nekrasov, N. A. Indy te setshöm mesta vai menym [Reflections at the front entrance] / N. A. Nekrasov // Udarnik. – 1938. – No. 1. – P. 59.
61. Nekrasov, N. A. Katerina / N. A. Nekrasov // Udarnik. – 1938. – No. 1. – P. 61.
62. Nekrasov, N. A. Kart tui [Railway] / N. A. Nekrasov // Udarnik. – 1938. – No. 1. – P. 62–63.
63. Defoe, D. Robinzon Kruzolön olöm da strannöi priklyuchenieneyas [The Life and Strange Adventures of Robinson Crusoe] / D. Defoe / – Syktyvkar: Komi giz, 1939. – 215 p.
64. Swift, D. Gulliver velikanyas ordyn [Gulliver among the giants] / D. Swift. – Syktyvkar: Komi giz, 1939. – 49 p.
65. Andersen, G. H. Mistöm utkapi [The Ugly Duckling] / G. H. Andersen. – Syktyvkar: Komi giz, 1939. – 28 p.
66. Doronin, P. M. N. Lebedev tvorchestvo yilys [About M. N. Lebedev's creative work] / P. Doronin, I. Tarabukin // Udarnik. – 1934. – No. 11–12. – P. 29–34.
67. Doronin, P. Literatura kyv da perevodyas yylys [About literary language and translations] / P. Doronin // Udarnik. – 1935. – No. 1. – P. 32–37.
68. Doronin, P. G. Trotskistskoi posledyshös vötlöma komi literaturayys' [The followers of Trotsky were expelled from Komi literature] / P. G. Doronin, G. A. Fedorov // Udarnik. – 1936. – No. 11–12. – P. 100–101.
69. Oboturov, I. I. Za socialisticheskuyu kulturu [For socialist culture] / I. I. Oboturov // Lenin Tuyod. – 1930. – No. 9.
70. Perelmuter, V. G. "Nam celii mir chuzhbina..." ["The whole world is foreign to us..."] / V. G. Perelmuter // Pushkin in exile. 1937. – Moscow: Progress-Tradition, 1999. – P. 7–42.
71. Pushkin, A.S. Pop da sylön kazak. Balda yilys moydkyv [The Tale of the Priest and his Worker Balda] / A. S. Pushkin. – Syktyvkar: Komi giz, 1937. – 16 p.
72. Pushkin, A. S. Sar Saltan yilys moydkyv [The Tale of Tsar Saltan] / A. S. Pushkin. – Syktyvkar: Komi giz, 1937. – 32 p.
73. Platt, D. B. Zdravstvui, Pushkin! Stalinskaya kulturnaya politika i russkii nacionalnii poet [Hello, Pushkin! Stalin's cultural policy and the Russian national poet] / D. B. Platt. – St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2017. – 352 p.
74. Doronin, P. G. Antireligioznie vzglyady I. A. Kuratova [Antireligious views of I. A. Kuratov] / P. G. Doronin // For the new North. – 1939. – October 2.
75. Podorov, V.M. Ocherki po istprie komi (zyryan i permyakov) [Essays on the history of the Komi (Zyryans and Permyans)] / V. M. Podorov. – Syktyvkar, 1933. Vol. 1, 2.
76. Vaneev, A. E. V poiskah istiny [In search of truth] / A. E. Vaneev. – Syktyvkar, 1989.
77. Doronin, P. G. Internacionalnoi motivyas I. A. Kuratov tvorchestvoyn [International motives in I. A. Kuratov's creativity] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1939. – No. 7–8. – P. 9–8.
78. Doronin, P. G. I. A. Kuratovlön udzh da tvorchestvo [Creativity of I.A. Kuratov] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1939. – No. 9. – P. 10–35.
79. Doronin, P. G. Komi poet A.I. Gugov yilys [About komi poet A. I. Gugov] / P. G. Doronin // Udarnik. – 1939. – No. 10. – P. 39–43.
80. Doronin, P. G. Tvorchestvo I. A. Kuratova [Creativity of I.A. Kuratov] / P. G. Doronin. – Syktyvkar: Komi Giz, 1939. – 80 p.
81. Doronin, P. G. I.A.Kuratovlen creativity [Creativity of I.A. Kuratov] / P. G. Doronin. – Syktyvkar: Komi giz, 1939. – 90 p.
82. Kuratov, I. A. Hudozhestvennoi proizvedeneyas [Works of art] / I. A. Kuratov / Eds. P. Doronin, D. Konyukhov. – Syktyvkar: Komi State Publishing House, 1939. – 323 p.
83. Poleshchikov, V. M. Za semyu p;echatyami. Iz arhivov KGB [Behind seven seals. From the State Security Committee archives] / V. M. Poleshchikov. – Syktyvkar, 2005. – 270 p.
84. Zherebtsov, I. L. Materialy archiva Komi NTs UrO RAN o komi istorike V. M. Podorove [Materials from the archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, about the Komi historian V. M. Podorov] / I. L. Zherebtsov // Society and archives: problems and ways of cooperation. – Syktyvkar: Komi Sci.Centre, Ural Branch, RAS Publ., 1997. – P. 3–5
85. Podorov, V. M. Komi ASSR v gody Velikoi Itechestvennoi voiny 1941–45 gg. [Komi ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945] / V. M. Podorov // Scientific archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F.1. Op.12. D.13.
86. Zherebtsov, I. L. Pervii trud po istprie komi ASSR perioda Velikoi Otechestvennoi voiny i ego avtor [The first work on the history of the Komi ASSR during the Great Patriotic War and its author] / I. L. Zherebtsov // Soviet rear during the Great Patriotic War (based on materials of the Komi ASSR). – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – P. 110–122.
87. Doronin, P. G. Pushkin da komi literatura: yubil. gizhod [Pushkin and Komi literature: anniversary issue] / P. G. Doronin // Voivyv kodzuv. – 1949. – No. 6. – P. 60–63.
88. Doronin, P. G. I.Kuratovlön "Böryöm gizhdyas" roch kyv vylyñ [Selected articles by I. Kuratov in Russian] / P. G. Doronin // Voivyv kodzuv. – 1959. – No. 4. – P. 62–6.
89. Doronin, P. G. Kydzi sövmis I. Kuratovlön mirovozzrenie [How I. Kuratov's worldview developed] / P. G. Doronin // Voivyv Kodzuv. – 1962. – No. 5. – P. 55–59.
90. Kostromin, A. Ljok zev moydny [It's hard to tell stories] / A. Kostromin // Ordym [Footpath]. – 1930. – No. 13–14. – P. 39–40.
91. Oni lyubili krai rodnoi [They loved their native land]. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1993.
92. Udarnik. 1935. No. 1. P. 38–47; No. 3. P. 27–35; No. 4. P. 45–48; No. 10–11. P. 69–74; 1936. No. 11–12. P. 88–99.
93. Doronin, P. Antipopovsky moydkyvyas [Fairy tales against priests] / P. Doronin // Udarnik. – 1935. – No. 1. – P. 38.
94. Doronin, P. Soldatskoi moydkyvyas [Soldier's Tales] / P. Doronin // Udarnik. – 1935. – No. 3. – P. 26.
95. Doronin, P. Tsarskoi sudyas yilys moidyas [Tales of royal courts] / P. Doronin // Udarnik. – 1935. – No. 4. – P. 44–45.
96. V parme.Sbornik proizvedenii komi literatury [In Parma. Collection of works of Komi literature] / Comp. A.A.Pop-

- ов. – Moscow: State Publishing House of fiction, 1936. – 92 p.
97. Komi folklor: vazh moydkyvyas da sylankyvyas [Old tales and songs] / P. G. Doronin (comp.). – Syktyvkar: Komi giz, 1938. – 48 p.
98. Folklornoj sbornik: vazh komi moydkyvyas da sylankyvyas [Folklore collection: Old tales and songs] / P. G. Doronin (comp.). – Syktyvkar: Komi giz, 1938. – 167 p.
99. Doronin, P. Sotchemskoi obschestvosa krestyanalon vistuplenie 1844-1845-öd voyasyn [Actions of the peasants of the Sotchem Society in 1844-1845] / P. Doronin // Udarnik. – 1940. – No. 6. – P. 17-26.
100. Doronin, P. Povtöm heroinya: Kalikova Domna yilys [Fearless heroine: about Domna Kalikova] / P. Doronin // Udarnik. – 1938. – No. 10-11. – P. 40-43.
101. Doronin, P. Grazhdanskoi voina komi kraiy [Civil war in the Komi region] / P. Doronin // Udarnik. – 1940. – No. 3. – P. 3-22; – No. 4. – P. 21-34; – No. 5. – P. 3-20.
102. Zherebtsov, I. L. Pisatel' i uchenii P. G. Doronin – uchastnik Velikoi Otechestvennoi voiny [Writer and scientist P.G. Doronin – participant in the Great Patriotic War] // 50 years of Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941-1945. (Komi Republic during the Patriotic War). Materials of sci. conf. – Syktyvkar, 1995. – P. 102-107.
103. Zherebtsov, I. Komi uchenie-gumanitarii – uchastniki Velikoi Otechestvennoi voiny [Komi humanities scientists – participants in the Great Patriotic War] / I. Zherebtsov, M. Taskaev // Art. – 2015. – No. 2. – P. 119-128.

Информация об авторе:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Научная и литературная деятельность П. Г. Доронина в довоенный период / И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 87-99.

For citation:

Zherebtsov, I. L. Scientific and literary activity of P. G. Doronin in the pre-war period / I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1(67). – P. 87-99.

Дата поступления статьи: 12.02.2024

Прошла рецензирование: 16.02.2024

Принято решение о публикации: 19.02.2024

Received: 12.02.2024

Reviewed: 16.02.2024

Accepted: 19.02.2024

Научная политика СССР в 1950-е–начале 1980-х годов в исследованиях советских и американских ученых

А. В. Самарин

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
samarin@mail.ilhkomisc.ru

Аннотация

В 1950-х гг. руководство СССР начало осознавать технологическое отставание страны от передовых западных стран. В связи с этим Советский Союз приступил к трансформации своей научной политики. Поиски оптимальных механизмов организации науки продолжались до конца советского периода. Ученые науковеды и историки науки, являясь непосредственными участниками этих событий, давали оценку происходящей трансформации. Эта оценка не всегда была объективной. В наше время, благодаря новым компьютерным технологиям, у исследователей появился доступ к документам американских специалистов, которые в 1970–1980-х гг. на государственном уровне изучали основные механизмы научной политики нашей страны.

Цель работы – сопоставление выводов советских и американских специалистов, изучавших научную политику СССР в 1970–1980-х гг., и выявление оценок основных механизмов реализации научной политики в СССР. Основными источниками работы стали отчеты американских членов рабочей группы по изучению научной политики, которые не использовались ранее в отечественной историографии. Проведя сравнительный анализ работ, автор приходит к выводу, что советская научная политика развивалась в общем мировом русле. Некоторые механизмы управления наукой, разработанные в СССР, были новаторскими; другие – не работали вовсе в условиях отсутствия конкуренции и жесткой командной системы.

Ключевые слова:

научная политика, СССР, США, история науки, Академия наук, ГКНТ, инновации, производство

Социально-экономическое развитие СССР после Великой Отечественной войны имело уникальные черты, которые повлияли на общий вектор научно-технического прогресса. Во-первых, благодаря репарациям, в СССР хлынул поток зарубежных технологий, ускоривших их развитие технологий в стране. Во-вторых, послевоенное восстановление заводов и предприятий позволяло устранить просчеты, допущенные в 1920–1930-е гг. в ходе индустри-

Scientific policy of the USSR in the 1950s–early 1980s in the research of Soviet and American scientists

A. V. Samarin

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
samarin@mail.ilhkomisc.ru

Abstract

In the 1950s the leadership of the USSR began to realize the country's technological lag behind the advanced Western countries. In this regard, the Soviet Union began to transform its scientific policy. The search for optimal mechanisms for the organization of science continued until the end of the Soviet period. Scientists and historians of science, being direct participants in these events, assessed the ongoing transformation. This assessment has not always been objective. Nowadays, thanks to new computer technologies, researchers have access to the documents of American specialists who studied the main mechanisms of our country's scientific policy at the state level in the 1970s–1980s. The purpose of the paper is to compare the conclusions of Soviet and American specialists who studied the scientific policy of the USSR in the 1970s–1980s, and to identify assessments of the main mechanisms for the implementation of scientific policy in the USSR. The main sources of the work were reports by American members of the working group on the study of scientific policy, which had not been used before in Russian historiography. After conducting a comparative analysis of the works, the author comes to the conclusion that Soviet scientific policy developed in the general global mainstream. Some of the science management mechanisms developed in the USSR were innovative. Others did not work at all in the absence of competition and a rigid command system.

Keywords:

Scientific policy, USSR, USA, history of science, Academy of Sciences, State Committee for Science and Technology, innovation, production

ализации, внедрять технологическую базу, основанную на достижениях последних лет. Тем не менее уже к середине 1950 г. руководство страны стало осознавать, что по некоторым направлениям темпы развития науки и техники в СССР отставали от западных, что производство, говоря словами Л. И. Брежнева, «шарахается от научно-технических новинок как черт от ладана» [1, с. 81]. В связи с этим в стране проводились комплексы мероприятий, направ-

ленные на актуализацию научно-технической повестки, сближение исследований и разработок к задачам экономики (промышленности), создание механизмов управления научно-исследовательской деятельностью. Однако прошедшие годы продемонстрировали, что выработанные решения в целом не привели к ожидаемым результатам и сегодня Российская Федерация, разрабатывая новые подходы к научной политике, вынуждена искать ответственные ответы на те же вопросы: почему российская промышленность в своей массе остается невосприимчивой к инновациям.

Цель статьи – сопоставление выводов советских и американских специалистов, изучавших научную политику СССР в 1970–1980-х гг., и выявление оценок основных механизмов, применявшихся для преодоления начавшегося технологического отставания СССР.

Советские работы по истории науки в СССР схожи между собой. Они хвалят советскую систему организации науки и критикуют буржуазную, подсвечивают факты и статистику, которые в выгодном свете представляют советскую систему [2, с. 27]. Поэтому для целей исследования из большого разнообразия источников и документов мы отобрали произведения ключевых авторов, писавших свои работы в 1970–1980-е гг. и изучавших вопросы развития науки через изучение трансформации научной политики. Труды Е. А. Беляева являются образчиками работ своего времени. Ученый анализирует вопросы размещения научных учреждений, прослеживает трансформацию научно-технической политики в зависимости от государственных приоритетов [2–4], показывает развитие научно-образовательного комплекса через исполнение решений партийных и советских органов [5]. Вторым знаковым автором, безусловно, является Г. А. Лахтин. Его монография «Организация советской науки: история и современность» стала настольной книгой всех исследователей, занимающихся вопросами истории развития науки в России. Эта работа имеет два неоспоримых преимущества. Во-первых, в ней скрупулезно рассмотрены становление и развитие всей системы управления наукой от первых лет советской власти до 1980-х гг. Во-вторых, изучены все основные элементы этой системы: фундаментальная, отраслевая и вузовская наука. Монография – результат многолетнего труда Г. А. Лахтина, была издана на излете советской эпохи, поэтому включает в себя ретроспективу развития советской научной политики. Написана в идеологически выдержанном ключе, но при этом исследователь допускает критические комментарии, которые свидетельствуют о расхождениях между идеальной моделью и ее реальным воплощением [6].

Оценки, сделанные в советское время, хоть и в разной степени, но подвержены идеологическому влиянию. Современная литература избавлена от идеологии, но время, отдаляющее исследователей от рассматриваемых событий, сглаживает острые углы, упрощает некоторые аспекты. Тем не менее, благодаря повсеместному развитию технологий по оцифровке архивных документов, а также интернету у нас появилась возможность познакомиться с новыми документами и независимыми оценками научной

политики СССР, сделанными современниками тех событий, ведущими специалистами в области научно образовательного комплекса США.

Речь идет об отчетах американских специалистов, участников Советско-Американской комиссии по научной политике. Начиная с 1972 г. правительства США и СССР подписали более 11 двусторонних соглашений о сотрудничестве в различных областях. Главное из них – соглашение о сотрудничестве в области науки и техники, подписанное президентом США Р. Никсоном и Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в мае 1972 г. Для выполнения этих соглашений были созданы смешанные советско-американские комиссии и рабочие группы, в задачи которых входили выработка конкретных программ сотрудничества и их реализация. Рассматриваемые документы были подготовлены Американским комитетом Объединенной советско-американской рабочей группы по научной политике.

Американские специалисты неоднократно приезжали в СССР, посещали различные научные учреждения. Советская сторона по запросу американских коллег предоставляла развернутые справки о механизмах реализации научной политики СССР. Участники рабочей группы констатировали, что сторонами собран большой объем уникальной информации, который может быть интересен широкому кругу специалистов. Основным результатом работы группы стал совместный отчет «Системы стимулирования развития фундаментальных исследований». К сожалению, нам не удалось найти текст этого отчета. Однако по имеющимся материалам американские специалисты подготовили еще несколько работ. Нам удалось найти три отчета членов рабочей группы, в которых проанализированы материалы, полученные в результате совместных действий.

Первый отчет Луван Нолтинг и Мюррей Фешбах опубликовали в статье «Занятость в НИОКР в СССР» (R&D Employment in the U.S.S.R) [7]. Вторая работа – отчет Пола Кокса для Национального совета по изучению Советского Союза и Восточной Европы «Роль партии в советской научно-технической политике» [8].

Однако наиболее значимым как по объему, так и по влиянию на последующие исследования стал двухтомник «Научная политика США / СССР» [9]. Изначально документ задумывался как вспомогательный инструмент общего назначения, суммирующий большое количество информации о советском научном руководстве, механизмах принятия решений и разработке и реализации научной политики. Стремясь к полноте, авторы включили дополнительную информацию по истории советской научной политики, о ее структуре, распределении ролей и иерархии. Однако главные вопросы отчета – какие уникальные черты имеет научная политика в СССР? И чем она отличается от научной политики в США?

Научную политику СССР в 1920–1940-х гг. мы описывали ранее [10]. Кратко отметим, что начиная с 1920-х гг. Советская Россия вложила в организацию научных институтов и подготовку научных кадров (в пересчете на ВВП) больше, чем любая другая страна мира. С 1920-х гг. сфор-

мировался принцип «сплошного фронта» – под каждую крупную научную проблему открывали институт. Количество научных институтов выросло в геометрической прогрессии. В 950-е гг. СССР занял лидирующие позиции в мире по количеству научно-исследовательских институтов, научных и инженерных работников. Однако в это же время пришло понимание того, что важнейшие научно-технические задачи не могут быть решены экстенсивными методами. Если до середины 1950-х гг. в отношениях государства и науки во главе угла стояли аспекты идеологической борьбы (академическое дело, сессия ВАСХНИЛ, Марровское учение о языке), хотя за учеными оставалась определенная гибкость при формировании исследовательских коллективов и постановке научных задач, то во второй половине 1950-х гг. власть начинает вмешиваться в управление наукой, все настойчивее требуя реформ в ее управлении. Президент АН СССР А. Н. Несмеянов в 1954 г. пытался мягко провести реформы в главной научной организации страны – Академии наук СССР. Ему удалось относительно бескровно поменять принципы управления Академией и добиться устранения наиболее существенных организационных недостатков. Была осуществлена децентрализация управления, выразившаяся в расширении административных полномочий директоров институтов и заведующих лабораториями и усилении регулирующей роли Общих собраний Академии. Была усовершенствована система планирования материального обеспечения фундаментальных исследований [11, с. 203]. Однако недовольство генерального секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева деятельностью А. Н. Несмеянова и всей Академии наук только усиливалось. А. Н. Несмеянов вспоминал: «Продолжались вызовы в Кремль на заседания Совета Министров, более частые, чем когда-либо раньше. <...> Я же, бывало, попадал изредка в такие положения, в которые лучше не попадать. Неприятные ситуации возникали все чаще. Иногда это были случайные, казалось бы, реплики со стороны Хрущева, иногда реплики-поручения вроде того, что нужно бы произвести перестройку структуры Академии, чтобы улучшить ее работу» [12, с. 263].

Высшей точкой напряжения стала реформа АН СССР 1959–1964 гг., в ходе которой часть академических институтов была передана в подчинение отраслевым министерствам с целью освобождения фундаментальной науки от прикладной тематики. Реформа затронула 92 научных учреждения и треть всех сотрудников академии, 51 институт и семь филиалов были ликвидированы либо переданы в различные министерства [3, с. 99]. В 1961 г. было упразднено отделение технических наук АН СССР, вероятно, именно его сделали главным виновником замедления темпов технологического развития страны.

Во второй половине 1960-х гг. научная политика претерпела очередные трансформации, которые с небольшими изменениями и дополнениями просуществовали до конца 1980-х гг. После упразднения совнархозов на союзные и республиканские министерства была возложена обязанность научно-технического сопровождения производства. В промышленности важную роль стали играть научно-технические советы, возглавляемые министрами

или их первыми заместителями. Основной задачей этих советов стало определение единой научно обоснованной технической политики. Отраслевая наука вошла в контур управления производством [5, с. 103]. Ожидалось, что это сократит путь технических новинок от лаборатории до производства.

В 1965 г. был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике (далее – ГКНТ) – государственный орган, определявший приоритеты и проводивший государственную политику в сфере научно-технической деятельности. Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике сравнивал развитие науки в СССР и других странах, докладывал об отставании в тех или иных областях. Затем ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимали постановление об ускоренном развитии тех или иных научных направлений и достижения передового уровня исследований. Так, например, в 1974 г. было принято постановление о мерах по развитию молекулярной биологии, а в 1981 г. – физико-химической биологии [там же, с. 92]. Безусловным условием развития новых направлений стало внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство. Для соединения науки с производством государство начало формировать научно-производственные объединения (далее – НПО). Цель НПО – на собственной экспериментальной базе, по характеристикам приближенной к производству экспериментальной базы внедрять и апробировать новейшие достижения науки, разрабатывать новые продукты и технологии. Говоря современным языком, НПО должны были проводить исследования полного инновационного цикла от фундаментальных исследований до серийного производства. Историки науки видели в этом явлении факт того, что «соединение науки с производством сочетается с научным лидерством. Впервые наука оказалась руководителем серийного производства» [6, с. 203, 204].

Таким образом сформировался территориально-отраслевой принцип управления наукой (схема). Подчинение осуществлялось как по вертикали (внутри отрасли), так и по горизонтали (местными властями). В советской историографии принято считать, что таким образом была сформирована система передачи знаний от науки в производство. Академические институты направляли научные результаты отраслевым, которые через проектные или конструкторские организации научные достижения преобразовывали в технические решения, внедряемые в производство. Параллельно вузовская наука, держа руку на пульсе, на опережение готовила специалистов под новые производства и технологии [5, с. 121, 127]. Фактически эта схема не работала. В конце 1980-х гг. это констатировал Г. А. Лахтин: «Академическая и отраслевая наука конкурировали между собой, при этом отраслевая наука выступала в качестве эксперта для результатов НИР академических учреждений. В результате институты АН СССР были вынуждены создавать дублирующие конструкторские бюро и опытные производства. В то же время производство не было заинтересовано в нововведениях, т. к. для них приоритетным было выполнение плана производства» [6, с. 40, 41].

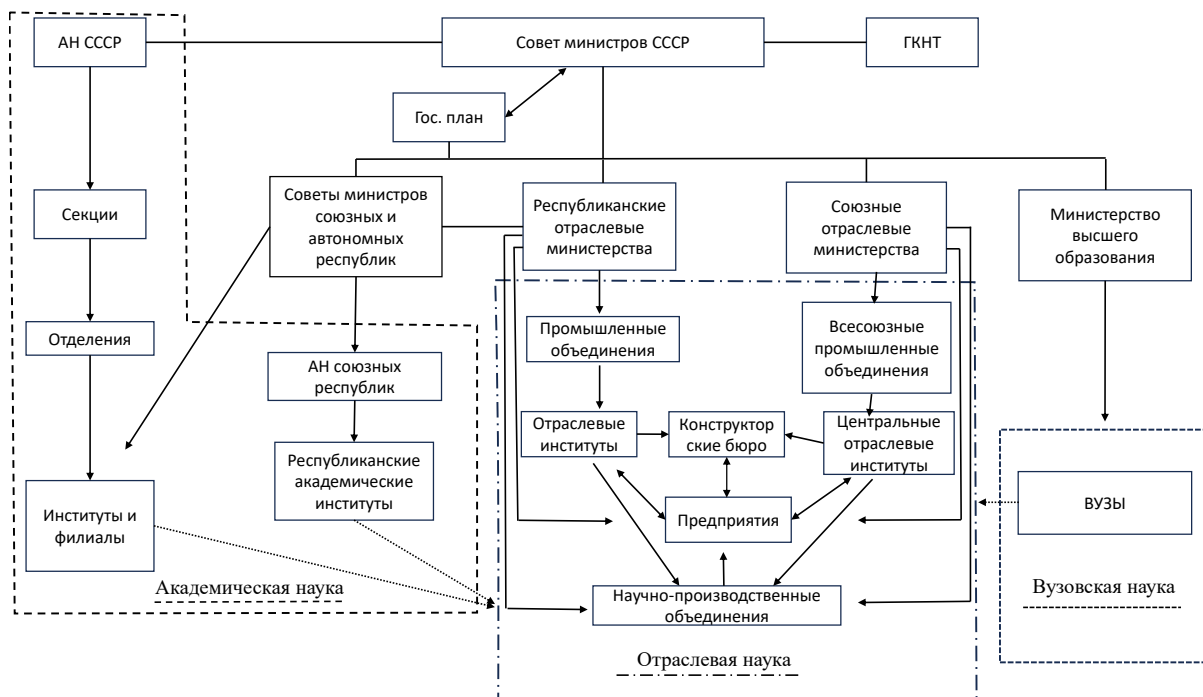

Схема. Территориально-отраслевая схема управления наукой.
Scheme. Territorial-sectoral scheme of science management.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода структура организации науки была далека от совершенства и проблема быстрого трансфера технологий в производство требовала дальнейшей проработки.

Другим направлением развития научной политики в СССР был вопрос планирования научных исследований. Советский Союз первый в мире ввел систему научного планирования. С 1928 г. научные исследования должны были проводиться строго в соответствии с пятилетними планами развития хозяйства, избегая дублирования и мелкотемья. Контроль был возложен на Госплан СССР и АН СССР. Несмотря на первоначальные протесты ученых, этот механизм прижился и продемонстрировал свою работоспособность [13, с. 98–118].

Советские ученые отмечали, что в дальнейшем это развилось в «демократический централизм», когда наверху задавали приоритеты исследований, а на местах в рамках приоритетов формировали конкретные темы НИР, увязанные как с государственными задачами, так и с региональными (отраслевыми) [5, с. 108]. Вероятно, эта система в полной мере не давала ожидаемых результатов. В середине 1950-х гг. после успешного завершения атомного проекта, ученые физики в письмах к Политбюро, выступлениях на заседаниях Президиума АН СССР начали поднимать вопрос о важности фундаментальных исследований без жесткой привязки к насущным вопросам народного хозяйства [14, с. 105–107]. Как уже упоминалось ранее, реформа АН СССР 1961 г. привела к тому, что, согласно официальной позиции, фундаментальная наука была освобождена от прикладных исследований. Все институты, занимавшиеся отраслевой тематикой, были переданы в ведение профильных министерств. При этом преемственность и передачу технологий от фундаментальной науки к производству осуществляли админи-

стративными методами. С этой целью в 1961 г. Государственный научно-технический комитет был преобразован в Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ. Его главная задача – преодоление разобщенности научных звеньев друг от друга и от производства. Однако преобразование в 1965 г. этого комитета в ГКНТ означало признание неудачи из-за неохватности тематики и отсутствия единой системы научно-технических целей. Создание ГКНТ означало перенос центра тяжести в управлении наукой на организационную сторону [6, с. 29]. Контроль государства за тематикой научно-исследовательских работ осуществляли путем выстраивания иерархической схемы согласования планов работ и включения работ конкретных учреждений в координационные планы (в рамках которых предложения снизу механически суммировались, что исключало контроль и руководство со стороны основного исполнителя). Затем, на смену координационным планам пришли комплексные научно-технические программы (далее – КНТП). Их ключевое отличие заключалось в полном финансовом и материально-техническом обеспечении всех работ в рамках одной программы. Исследования должны были доводиться до конкретных практических результатов, т. е. либо до выпуска первой серии машин, либо до разработки и освоения нового технологического процесса, а то и до создания новых материалов [5, с. 106]. Следовательно, планы конкретных научных учреждений должны были вытекать из общего. Предполагалось, что в рамках КНТП интеграция всех участников научно-производственного цикла под общие задачи должна приводить к концентрации ресурсов и лучших кадров и, как следствие, более весомым результатам, которые могли не только предложить новые технологии, но и трансформировать целые отрасли экономики. Разработка КНТП началась в 1976 г. Было

объявлено о начале 200 общесоюзных программ. Однако уже к началу следующей пятилетки стало очевидно, что каждая из разрабатываемых программ столь всеобъемлюща, а ожидаемые результаты столь значительны, что возникали сложности с выбором объектов планирования и механизмов реализации программ. При разработке программ не было альтернативности как в постановке целей, так и в механизмах их достижений. В итоге отобранные программы должны были решать различные по значимости проблемы.

Для определения приоритетов требовалось разработать прогноз долгосрочного развития научно-технического прогресса, определить возможные точки роста существующих отраслей и предвосхитить появление новых направлений. С этой целью в 1980-е гг. было предусмотрено создание долгосрочных планов развития науки, тесно увязанных с перспективами народнохозяйственного развития. Они получили название «Комплексная программа научно-технического прогресса на долгосрочную перспективу» [15]. Общесоюзная программа включала информацию из региональных комплексных программ. В течение 1980-х гг. работа над «Комплексной программой...» подразумевала разработку методик для перевода экономики на новые основы работы и функционирования. Программа включала подробные рекомендации по предполагаемому содержанию и ориентации социальной, структурно-инвестиционной и научно-технической политики. Однако печально известные события конца 1980-начала 1990-х гг. не позволили реализовать положения программы.

Таким образом, система планирования научных исследований в СССР постоянно эволюционировала. Создавались все новые механизмы, направленные на приближение НИОКР к задачам развития промышленности. Однако, как вспоминал Б. Г. Салтыков, первый министр науки и технической политики Российской Федерации, а до этого заведующий отделом Института народнохозяйственного прогнозирования АН СССР, головной организации, занимающейся разработкой социально-экономических разделов Комплексных программ научно-технического прогресса СССР: «Все знали, что в пятилетние планы записывались почти готовые результаты, а потом народ занимался тем, что было интересно. Это удобно для самой научной системы. Но с точки зрения наиболее рационального использования общественных ресурсов система была неэффективна. В ней легко "прятались" целые области второсортной, а иногда и откровенной псевдонауки» [16]. Система планирования была закрыта, непрозрачна и, как следствие – отсутствовали реальные связи между общественными потребностями и приоритетами научно-технической политики.

Что же увидели наши американские партнеры? Прежде они сравнили организацию научно-технической политики двух стран. Затем выявили сильные и слабые стороны каждой из моделей. В научной политике СССР американские специалисты выделяли две системы. Первая, базовая экономическая система, была создана и развивалась в ответ на требования быстрой индустриализации. Наука и техника не являлись ее движущей силой. Эта система имела

«антиинновационный» уклон, так как была ориентирована на расширение существующих моделей производства и технологий. С 1950-х гг. начала формироваться новая система, в которую входили новые структуры и механизмы, нацеленные на ускорение темпов технологического развития. Между основной и дополнительными системами не было координации, подчас они действовали вопреки друг другу. В частности, органами, которые должны были заниматься формированием приоритетных научных исследований, были ГКНТ, Госплан СССР и Академия наук СССР. На бумаге эти организации обладали огромными полномочиями по обеспечению соблюдения основных приоритетов и обеспечению единой политики в области науки и технологий. Однако на практике им часто не хватало ни полномочий, ни средств, необходимых для выполнения интегрирующих функций. Вместо того, чтобы регулировать развитие событий в своих запутанных отраслевых округах, они сами порой подвергались регулированию и игнорированию. Министерства не всегда принимали рекомендации этих центральных ведомств, вместо этого следуя своим приоритетам [9, р. 36].

Другая особенность советской научной политики заключалась в том, что большая часть научных исследований и разработок проводилась в учреждениях, не связанных с производственными предприятиями, которые в конечном итоге должны были использовать их результаты. Промышленные предприятия не участвовали в выборе государством НИОКР для проведения исследований, хотя сложившаяся система предполагала, что они через профильные министерства могли влиять на отраслевые НИОКР. В целом научные исследования и разработки в СССР представляли собой автономную и закрытую подсистему. Планирование НИОКР было ориентировано в основном на развитие научно-технического потенциала, т. е. на расширение самой науки и техники, а не применение существующих знаний.

Американские НИОКР, напротив, более тесно связаны с другими подсистемами общества. Наука ради науки не была целью государственной политики. Наука должна окупаться. Таким образом, научные исследования являлись компонентом общей бизнес-стратегии. Главным следствием большей изоляции науки в советском обществе является то, что темы НИР и НИОКР характеризуются стабильностью и преемственностью. Возможность поэтапного планирования «от достигнутого уровня» обеспечивает советскому научно-техническому истеблишменту гарантированный и растущий уровень финансирования, который резко контрастирует с изменчивостью американских моделей финансирования науки. Однако инерцию советских институтов трудно сломать. Научно-исследовательские учреждения и программы могли функционировать годами, не принося каких-либо существенных результатов. В то же время американская научно-техническая структура, хоть и не столь стабильна, но более гибка и динамична, она гораздо быстрее прекращает непродуктивные исследования [там же, р. 306].

В СССР интеграция – это бюрократическая функция, возложенная на иерархию специальных ведомств. Пря-

мое сотрудничество между институциональными исполнителями НИОКР практически отсутствует. Межорганизационные связи, по существу, носят административный характер. В СССР инновации по заказу заставляют исполнителей НИОКР, а также контролирующих их министерств смотреть вверх. Они ориентированы на то, чтобы угодить своему административному начальству. Американские ученые в своих исследованиях и разработках делают акцент на прямое взаимодействие и взаимозависимость между основными исполнителями. В США основные проблемы, требующие научно-технологического решения, выбираются не в рамках формальной плановой деятельности, а посредством сложного политико-экономического процесса, который недостаточно понятен и экономически неэффективен. В Советском Союзе планирование НИОКР строго структурировано по принципу «сверху вниз». Наиболее важные цели науки и технологий формально определены и выбраны. Однако централизованное планирование и анализ исполнения сильно раздроблены не только в вертикальных отраслевых министерствах, но и в многочисленных специальных функциональных агентствах [там же, р. 304].

Оценивая разработку долгосрочных программ развития науки и техники на период с 1976 по 1990 год, американские специалисты обратили внимание на то, что во всем мире до сих пор не найдена правильная политическая и аналитическая формула для установления баланса между нынешними интересами и будущими потребностями. Научная политика государства все чаще должна отражать социальные и экономические последствия технического прогресса. В частности, национальное внимание в США сосредоточено на последствиях технологических изменений для окружающей среды, здоровья и общественной безопасности. В то время как советские власти больше беспокоит ограниченность ресурсов и рациональность их использования.

Американские специалисты обратили внимание на одну черту, объединяющую две страны. В противовес советским ученым, утверждавшим, что одним из препятствий внедрения инноваций на производстве является недостаточное материальное стимулирование руководства и основных исполнителей, американские ученые выяснили, что ни в одной из стран структура вознаграждения руководителей не соответствовала темпам инноваций. И американский, и советский менеджмент работали с коротким временным горизонтом, при котором «синица в руках была дороже журавля в небе». Другими словами сегодняшняя прибыль и премия предпочтительнее большей прибыли и повышенных бонусов в случае успешного внедрения новых разработок в будущем. Это в свою очередь означало ориентацию на менее рискованные и маломасштабные инновации, снижающие затраты, а не создающие принципиально новые продукты. Свободный рынок и конкуренция делали промышленность США инновационно емкой. В СССР решение не внедрять инновации автоматически не ставило под угрозу экономическую жизнеспособность предприятия. В советских условиях новые продукты очень медленно вытесняли старые технологии,

в то время как в США проигрыш в конкурентной борьбе практически гарантировал потерю рынка сбыта и финансовые проблемы [там же, р. 326].

Еще одной особенностью организации науки в СССР, о которой отечественные исследователи знали, но оценивали недостаточно объективно – это роль коммунистической партии в НТП. В советской и постсоветской историографии этот вопрос изучался, но, скорее, с точки зрения идеологии. Американские ученые изучили роль партии с точки зрения организации управления. Они выявили, что в политике СССР существовало два контура управления наукой. Первый – официальный, через иерархическую систему подчинения, а второй – партийный, контролировавший все сферы деятельности в СССР, в том числе научную и хозяйственную. В результате КПСС выполняла те связывающие функции, которые в США исполняли свободные рыночные отношения [8, р. 64].

Таким образом, изучив работы советских и американских ученых о формировании научной политики в СССР, можно сделать вывод о том, что руководство СССР осознавало угрозу начавшегося технологического отставания страны и с середины 1950-х гг. предпринимало разноплановые меры по ускорению научно-технического прогресса в стране. Однако эффективность этих мер оказалась под вопросом. Зарубежные исследователи, наблюдая за ситуацией извне, четко обозначили проблемы, которые невозможно было увидеть изнутри, поскольку они проистекали из советского образа жизни. В СССР власти пытались подменить идеологическими механизмами рыночные. Практика показала, что замена оказалась равнозначной. В то же время советская научная политика обладала рядом преимуществ. Централизованная система планирования и строгая иерархия системы управления позволяли быстро собрать научный потенциал страны для реализации важных проектов и достижения приоритетных целей. В вопросах формирования будущих приоритетов науки СССР и США находились на одном уровне. Главная задача, которую предстояло решить, заключалась в том, чтобы найти ответ на вопрос: «Как развивать научно-технический комплекс, чтобы он соответствовал сложности проблем?»

Нельзя игнорировать прослеживающиеся параллели, при сравнении научной политики СССР и современной России. Очевидно, что при формировании научно-технической политики Россия так или иначе возвращается к методам, применяемым в Советском Союзе: это и КНТП, который является новой итерацией программ 1970-х гг., и межотраслевые объединения, или консорциумы и мн. др. В то же время сложности, на которые обратили внимание наши американские коллеги, до сих пор остаются неучтенными, хотя на данный момент Россия преодолела идеологический барьер, не позволявший вводить свободный рынок и конкуренцию. Представляется, что, развивая научную политику, Российская Федерация должна активнее разрабатывать программы, стимулирующие появление большого количества технологических предпринимателей в малом и среднем бизнесе и квалифицированных заказчиков в крупном, развивать государственную под-

держку разработчиков и производителей отечественной высокотехнологической продукции. В то же время по примеру зарубежных стран государству следует озаботиться программами, позволяющими ученым безболезненно переходить из науки в бизнес и обратно, давая возможность в случае неудачи их стартапов продолжить научные исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. КПСС. Съезд, 24-й Стенографический отчет. 30 марта – 9 апр. 1971 г. В 2-х т. Т. 1. – Москва : Политиздат, 1971. – 598 с.
2. Беляев, Е. А. География советской науки / Е. А. Беляев // Вестник АН СССР. – 1967. – № 10. – С. 27–34.
3. Беляев, Е. А. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР (исторический очерк) / Е. А. Беляев, Н. С. Пышкова. – Москва : Наука, 1979. – 246 с.
4. Беляев, Е. А. Вопросы территориального размещения науки / Е. А. Беляев // Социологические проблемы науки / под ред. В. Ж. Келле. – Москва : Наука, 1974. – С. 328–330.
5. Беляев, Е. А. КПСС и организация науки в СССР / Е. А. Беляев. – Москва : Политиздат, 1982. – 143 с.
6. Лахтин, Г. А. Организация советской науки: история и современность / Г. А. Лахтин. – Москва : Наука, 1990. – 224 с.
7. Nolting Louvan E., Feshbach Murray, R&D Employment in the USSR. // «Science», Vol. 207 (February 1, 1980), pp. 493–503. Internet Archive [website] <https://www.science.org/doi/10.1126/science.207.4430.493> Дата обращения: 20.10.2023.
8. Cocks Paul The Role of the Party in Soviet Science and Technology Policy. Internet Archive [website] URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/0000-620-4-Cocks.pdf>. Дата обращения: 25.10.2023.
9. Science Policy: USA/USSR: Volume 2 Science Policy in the Soviet Union Foundation, 1980. – 345 p.
10. Самарин, А. В. Роль Академии наук СССР в формировании научно-технической политики Советского Союза в 1920–1940-е гг. / А. В. Самарин // Вопросы истории естествознания и техники. – 2023. – Т. 44, № 2. – С. 237–253.
11. Иванов, К. В. Наука после Сталина: реформа Академии 1954–1961 гг. / К. В. Иванов // Науковедение. – 2000. – № 1. – С. 184–211.
12. Несмеянов, А. Н. На качелях XX века / А. Н. Несмеянов. – Москва, 1999. – 309 с.
13. Академия наук СССР за четыре года, 1930–1933. Речи и статьи неперменного секретаря акад. В. П. Волгина. – Ленинград : Издательство АН СССР, 1934.
14. Письмо академика П. Л. Капицы Н. С. Хрущеву по вопросам организации советской науки // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991 / 1952–1958/ отв. сост. : В. Ю. Афиани, В. Д. Есаков.

– Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 1279 с.

15. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы».
16. Салтыков, Б. Реформирование российской науки: анализ и перспективы / Б. Салтыков // интернет-портал Полит.РУ. – URL: <https://polit.ru/article/2002/11/11/475591/> (дата обращения: 01.02.2024).

References

1. KPSS. S'yezd, 24-y Stenograficheskiy otchet. 30 marta – 9 apr. 1971 g. [CPSU. Congress, 24th Verbatim Report. March 30 - April 9, 1971]. In 2 volumes. Vol. 1. – Moscow, Politizdat Publ., 1971. – 598 p.
2. Belyaev, E. A. Geografiya sovetskoy nauki [Geography of Soviet science] / E. A. Belyaev // Vestnik AN SSSR [Bull. of the USSR Academy of Sciences]. – 1967. – No. 10. – 27–34 p.
3. Belyaev, E. A. Formirovaniye i razvitiye seti nauchnykh uchrezhdeniy SSSR (istoricheskii ocherk) [Formation and development of a network of scientific institutions of the USSR (historical essays)] / E. A. Belyaev, N. S. Pyshkova. – Moscow: Nauka, 1979. – 246 p.
4. Belyaev, E. A. Voprosy territorial'nogo razmeshcheniya nauki [Issues of territorial location of science] / E. A. Belyaev // Sotsiologicheskiye problemy nauki [Sociological problems of science]. / Ed. V. Zh. Kelle. – Moscow: Nauka. – 1974. – P. 328–330.
5. Belyaev, E. A. KPSS i organizatsiya nauki v SSSR. [CPSU and the organization of science in the USSR] / E. A. Belyaev. – Moscow: Politizdat Publ., 1982. – 143 p.
6. Lakhtin, G. A. Organizatsiya sovetskoy nauki: istoriya i sovremennost' [Organization of Soviet science: history and modernity] / G. A. Lakhtin. – Moscow: Nauka, 1990. – 224 p.
7. Nolting Louvan E. R&D Employment in the USSR / Nolting Louvan E., Feshbach Murray // «Science», Vol. 207 (February 1, 1980). – P. 493–503. Internet Archive [website] <https://www.science.org/doi/10.1126/science.207.4430.493> (accessed: 20.10.2023).
8. Cocks Paul. The Role of the Party in Soviet Science and Technology Policy / Cocks Paul. – Internet Archive [website]. – URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/0000-620-4-Cocks.pdf>. (accessed: 25.10.2023).
9. Science Policy: USA/USSR: Vol. 2. Science Policy in the Soviet Union Foundation, 1980. – 345 p.
10. Samarin, A. V. Rol' Akademii nauk SSSR v formirovaniy nauchno-tekhnicheskoy politiki Sovetskogo Soyuz v 1920-1940-ye gg. [The role of the USSR Academy of Sciences in the formation of the scientific and technical policy of the Soviet Union in the 1920–1940s] / A. V. Samarin // Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki [Problems of history of science and technology]. – 2023. – Vol. 44, No. 2. – P. 237–253.

11. Ivanov, K. V. Nauka posle Stalina: Reforma Akademii 1954-1961 gg. [Science after Stalin: Reform of the Academy 1954-1961] / K. V. Ivanov // Naukovedeniye [Science studies]. – 2000. – No. 1. – P. 184–211.
12. Nesmeyanov, A. N. Na kachelyakh XX veka. [On a XX century swing] / A. N. Nesmeyanov. – Moscow, 1999. – 309 p.
13. Akademiya nauk SSSR za chetyre goda, 1930-1933. Rech'i i statyi nepremennogo sekretarya akad. V. P. Volgina [Academy of Sciences of the USSR for four years, 1930-1933. Speeches and articles by the permanent secretary, academician V. P. Volgin]. – Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1934.
14. Pis'mo akademika P. L. Kapitsy N. S. Khrushchevu po voprosam organizatsii sovetskoy nauki [Letter from Academician P. L. Kapitsa to N. S. Khrushchev on the organization of Soviet science] // Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TSK RKP(b)-VKP(b)-KPSS. 1922-1991 / 1952-1958 [Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b)-CPSU. 1922-1991 / 1952-1958] / Comps. V. Yu. Afiani, V. D. Esakov. – Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. (ROSSPEN), 2010. – 1279 p.
15. Postanovleniye Tsentral'nogo Komiteta KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 12 iyulya 1979 g. N 695 "Ob uluchshenii planirovaniya i usilenii vozdeystviya khozyaystvennogo mekhanizma na povysheniye effektivnosti proizvodstva i kachestva raboty" [Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated July 12, 1979 No. 695 "On improving planning and enhancing the impact of the economic mechanism on increasing production efficiency and quality of work"].
16. Saltykov, B. Reformirovaniye rossiyskoy nauki: analiz i perspektivy [Reforming Russian science: analysis and prospects] / B. Saltykov // Internet portal Polit.RU. Internet. – URL: <https://polit.ru/article/2002/11/11/475591/> (accessed: 01.02.2024).

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, on the topic «Transformations of society, government and economy in the regions of the European North of Russia (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторе:

Самарин Алексей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0000-0002-7528-4242 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: samarin@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Aleksei V. Samarin – Cand. Sci. (History), ORCID 0000-0002-7528-4242, Senior Researcher at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: samarin@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Самарин, А. В. Научная политика СССР в 1950-е–начале 1980-х годов в исследованиях советских и американских ученых / А. В. Самарин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 100–107.

For citation:

Samarin, A. V. Scientific policy of the USSR in the 1950s–early 1980s in the research of Soviet and American scientists / A. V. Samarin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1 (67). – P. 100–107.

Дата поступления рукописи: 02.02.2024

Прошла рецензирование: 09.02.2024

Принято решение о публикации: 12.02.2024

Received: 02.02.2024

Reviewed: 09.02.2024

Accepted: 12.02.2024

«Арктические» средние специальные учебные заведения в 1950–1960-е годы: специализация учащихся, характеристика преподавательского состава (на примере Коми АССР)

А. М. Мацук

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
almmatsuk@gmail.com

Аннотация

В представленной статье на материалах ежегодных отчетов средних специальных учебных заведений определены специализации, по которым проводилась подготовка специалистов в техникумах и училищах, действовавших на территории Коми АССР в границах современной Арктической зоны Российской Федерации. Хронологически представленное исследование охватывает 1950–1960-е гг. Кроме того, в работе приводится подробная характеристика преподавательского состава «Арктических» средних специальных учебных заведений в указанное время, в частности – численность, образовательный уровень и стаж работы преподавателей. Сделан вывод о подготовке в изучаемых учебных заведениях специалистов по обширному спектру специальностей, перечень которых значительно увеличился за очерченный период. Данный процесс был бы невозможен без солидного коллектива высококвалифицированных преподавателей.

Ключевые слова:

специалисты среднего звена, среднее специальное образование, Арктика, Арктическая зона, Коми АССР, техникумы, специальности, преподавательский состав, 1950–1960-е гг.

Во второй половине XX в. территорию Арктической зоны Европейского Севера России осваивали быстрыми темпами: действовали существующие и строили новые заводы и комбинаты, шахты по добыче полезных ископаемых и руд, активно развивали лесозаготовительную, деревообрабатывающую, газо- и нефтедобывающую отрасли [см., напр.: 1; 2]. Параллельно с развитием промышленного сектора шли процессы урбанизации данной территории и роста населения, что, в свою очередь, привело к модернизации и расширению социально-культурной сферы народного хозяйства Арктической зоны. В отмеченный период происходит развитие системы народного образо-

“Arctic” secondary specialized educational institutions in the 1950s – 1960s: specialization of students, characteristics of the teaching staff (case study of the Komi ASSR)

A. M. Matsuk

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
almmatsuk@gmail.com

Abstract

Based on the materials of the annual reports of secondary specialized educational institutions, the specializations in which specialists were trained in technical schools and colleges operating in the territory of the Komi ASSR within the borders of the modern Arctic zone of the Russian Federation are identified. The chronologically presented study covers the 1950s–1960s. Besides, the paper provides a detailed description of the teaching staff of the “Arctic” secondary specialized educational institutions at the specified time, in particular, the number, educational level and work experience of teachers. The conclusion is made about the training of specialists in the studied educational institutions in a wide range of specialties, the list of which has increased significantly over the period outlined. This process would not have been possible without a solid team of highly qualified teachers.

Keywords:

mid-level specialists, secondary specialized education, Arctic, Arctic zone, Komi ASSR, technical schools, specialties, teaching staff, 1950–1960s

вания в целом по стране, что положительно отразилось на процессе подготовки квалифицированных кадров, задействованных в различных отраслях экономики и социальной сферы изучаемой территории. Помимо притока новых специалистов из других регионов страны, непосредственно в Арктической зоне Европейского Севера РСФСР действовала разветвленная сеть учебных заведений, позволявшая непосредственно на месте готовить необходимое количество специалистов различного профиля. В своей статье, посвященной развитию системы среднего специального образования в регионах Арктической зоны в 1950–1980-х гг., нами рассмотрена эволюция этой системы

и впервые представлен реестр средних специальных учебных заведений, действовавших в те годы на указанной территории [3]. Однако многие вопросы, например, такие как специализации, по которым готовили учащихся тех или иных учебных заведений, находившихся в Арктической зоне, гендерная и возрастная характеристика, национальный состав учащихся, характеристика преподавательского персонала и пр. до сих пор не освещены или исследованы фрагментарно.

Цель данной статьи – определить конкретные специализации и их количество, по которым учащихся готовили техникумы и училища, действовавшие в Арктической зоне Европейского Севера РСФСР, а также охарактеризовать преподавательский персонал данных учебных заведений в аспекте численности, образовательного уровня и стажа работы. Информация по этим двум вопросам содержится в ежегодных статистических отчетах учебных заведений, составляемых по утвержденным формам. В представленной статье мы осветим указанные вопросы (в том числе с привлечением не использованных ранее архивных источников) на примере техникумов и училищ, действовавших в 1950–1960-е гг. на территории Коми АССР в границах современной Арктической зоны. К этой территории относятся Воркута, Инта, Усинск (городские округа) и Усть-Цилемский район Республики Коми [4]. Необходимо отметить, что частично представленный в статье материал был показан нами ранее в ряде работ, однако без выделения информации конкретно по учебным заведениям, работавшим на территории, относящейся к Арктической зоне, и в меньших масштабах демонстрируемых данных [см.: 5–8].

В указанный период на территории Коми АССР, относящейся к Арктической зоне, действовало несколько техникумов и училищ различного профиля. В 1950-е гг. здесь функционировал один техникум – Воркутинский горный, который был организован постановлениями XII Пленума обкома ВКП(б) от 11.01.1944 «О подборе и воспитании кадров в промышленности и на транспорте» и Государственного Комитета обороны от 08.02.1944 «О мерах по развитию добычи угля в Печорском угольном бассейне в 1944 г.» для подготовки специалистов по эксплуатации угольных месторождений и шахтному строительству [5, с. 22; 9; 10, с. 322]. В 1962 г., в виду потребности города в медицинских кадрах, по инициативе Горисполкома г. Воркута приказом Министерства здравоохранения Коми АССР было образовано Воркутинское медицинское училище, в чьем подчинении оно и находилось после создания [11; 12, л. 25; 13; 14].

В этом же году Совет Министров РСФСР принял предложение Коми обкома КПСС и Совета Министров Коми АССР о необходимости организации в г. Инта индустриального техникума по подготовке специалистов среднего звена для производственного объединения «Интауголь». Постановлением Совета Министров РСФСР № 5151 от 10.11.1962 и последующим приказом Минвуза СССР и Минуглепрома СССР № 14 от 17.01.1963 функционировавший с 1959 г. Интинский филиал Воркутинского горного техникума был реорганизован в самостоятельный

Интинский индустриальный техникум [5, с. 22; 13; 15; 16; 17, л. 53; 18].

Кроме указанных учебных заведений, в 1960-х гг. в г. Воркута работали филиалы нескольких средних специальных учебных заведений, действовавших в Коми АССР. Так, в 1969 г. для подготовки преподавателей детских музыкальных школ, находящихся в Воркуте и прилегающих районах, был открыт филиал Сыктывкарского музыкального училища [10, с. 328]. В этом же году действовавший в Воркуте с 1965 г. учебно-производственный комбинат был преобразован в заочный филиал Сыктывкарского техникума советской торговли [19; 20]. Кроме того, с 1964 г. в Воркуте работал учебно-консультационный пункт Ухтинского техникума железнодорожного транспорта [21, л. 43; 22, л. 76].

Как видно из приведенного списка, охват подготовки специалистов различного профиля на изучаемой территории был достаточно обширным, затрагивая сферы как промышленности, так и социальную и культурную.

С помощью информации, имеющейся в статистических отчетах указанных учебных заведений, приведем перечень и количество специализаций, по которым «Арктические» ссузы готовили специалистов среднего звена в Коми АССР.

Воркутинский горный техникум проводил обучение учащихся в период с 1951/52 по 1954/55 учебные года по семи различным специальностям на основном отделении дневного обучения. В их перечень входили: «Подземная разработка угольных месторождений» (также отмеченная в ряде статистических отчетов, как «Эксплуатационное отделение»), «Шахтное строительство», «Горная электромеханика», «Холодная обработка металла резанием», «Обогащение угля» (в ряде отчетов – «Обогатительное»), «Маркшейдерское дело» и «Планирование» на предприятиях угольной промышленности (в отчете за 1951/52 учебный год отмечено как «Планово-экономическое») [23–26]. С 1955/56 учебного года количество специальностей начинает сокращаться. Так, в упомянутом году уже не было обучения по специальности «Холодная обработка металла резанием» [27]. В 1956/57 учебном году прекратилось обучение по профилю «Планирование на предприятиях угольной промышленности» [28]. Со следующего учебного года количество специальностей сократилось до трех. В их перечне остались: «Подземная разработка угольных месторождений», «Горная электромеханика», а также «Местная и горная электромеханика», по которой обучали на основном отделении вечернего профиля обучения. Отметим, что с 1957/58 по 1959/60 учебные года на вечернем отделении действовали двух- и трехгодичные курсы мастеров по специальности «Подземная разработка угольных месторождений». Кроме того, в 1959/60 учебном году на основном отделении вечернего профиля специализация «Местная и горная электромеханика» была заменена «Подземной разработкой угольных месторождений» [17, л. 12, 51; 29; 30].

В 1960-е гг. список специальностей, по которым обучались в Воркутинском горном техникуме, также претерпел определенные изменения. За 1960/61–1963/64 учебные

годы специалистов готовили по трем специальностям: «Подземная разработка угольных месторождений», «Горная электромеханика» и «Промышленное и гражданское строительство» [12, л. 30, 57; 31; 32; 33, л. 13, 34]. В 1964/65 учебном году к этому списку добавили специальность «Строительство горных предприятий», а в 1965/66 – вновь начинается обучение по специальности «Маркшейдерское дело» [21, л. 8, 31; 34, л. 13, 29]. Наконец, с 1966/67 учебного года перечень специальностей пополняется за счет начала обучения по «Бухгалтерскому учету», а с 1969/70 – с возобновлением подготовки специалистов по специальности «Планирование на предприятиях угольной промышленности» [22, л. 47, 64; 35, л. 24, 41; 36, л. 62, 77; 37, л. 29, 45]. Тем самым, к концу 1960-х гг. в Воркутинском горном техникуме число специальностей вновь возросло до семи различных, как это было в начале изучаемого периода.

В Интинском индустриальном техникуме в первый учебный год его функционирования учащихся обучали по пяти различным направлениям: «Контрольно-измерительные и регулирующие приборы» (в ряде отчетов без указания «... и регулирующие», возможно, для экономии места), «Планирование на предприятиях горной промышленности», «Горная электромеханика», «Промышленное и гражданское строительство» и «Подземная разработка угольных месторождений» [33, л. 18, 36]. В отчетах следующего учебного года специальность «Подземная разработка угольных месторождений» не указана, однако уже с 1965/66 учебного года она вновь отмечена, наряду с новой специальностью – «Монтаж и наладка систем контроля и автоматизации» [21, л. 13, 30; 34, л. 14, 30].

В 1966/67 учебном году в списке из шести различных специальностей, по которым готовили учащихся в стенах Интинского индустриального техникума, были отмечены упомянутые ранее, за исключением того, что введенная годом ранее специальность «Монтаж и наладка систем контроля и автоматизации» была заменена на «Эксплуатацию автоматических устройств в горной промышленности» [35, л. 26, 42]. В таком виде перечень специальностей сохранялся по 1968/69 учебный год включительно, пока в 1969/70 учебном году из указанного списка не была исключена специальность «Планирование на предприятиях горной промышленности» [22, л. 48, 65; 36, л. 63, 78; 37, л. 30, 46]. Таким образом, за исследуемый период перечень направлений подготовки специалистов среднего звена в данном «Арктическом» техникуме составлял от четырех до шести различных специальностей.

Воркутинское медицинское училище начало свою работу в 1962/63 учебном году с подготовки учащихся по четырем направлениям: «Медсестринское общего профиля», «Зубоврачебное», «Фельдшерское» и «Акушерское» (причем, последние три специализации охватывали только учащихся групп ускоренной подготовки на дневной форме обучения) [12, л. 38, 53]. В 1963/64 учебном году на основном отделении дневного обучения была введена специальность «Медсестра детских учреждений», а для дневных групп ускоренной подготовки перечень направлений пополнился «Медсестринским на базе 10 классов»

и «Фельдшерско-лаборантским», тем самым общее количество различных специализаций учащихся увеличилось до семи [33, л. 23, 38]. В следующие два учебных года на основных отделениях дневной и вечерней форм обучения поэтапно вводятся специальности «Медсестры общего профиля на базе 8 классов», а в группах ускоренной подготовки – «... на базе 10 классов», заменив тем самым общий курс данной специальности в соответствии с уровнем образования учащихся [21, л. 21, 37; 34, л. 19, 34]. С 1966/67 учебного года до конца изучаемого периода указанное выше направление по подготовке медсестер в ежегодных отчетах вновь отмечается без ранжирования по уровню школьного образования. Тем самым список специальностей, по которым обучали учащихся в Воркутинском медицинском училище, содержал шесть различных специальностей, по двум из которых (а именно «Фельдшерское» и «Акушерское» направления) специалистов стали готовить еще и на основном отделении дневного обучения [22, л. 54, 70; 35, л. 34, 48; 36, л. 70, 82; 37, л. 40, 51].

Кроме подготовки специалистов указанными «Арктическими» ссузами, как упоминалось выше, на данной территории обучение осуществляли филиалы некоторых техникумов. В использованных в представленной статье ежегодных отчетах средних специальных учебных заведений данные о филиалах и учебно-консультационных пунктах сводятся, в основном, только к указанию численности учащихся. Тем не менее по информации, встречающейся в единичных отчетах, удалось определить, что учебно-консультационный пункт Ухтинского техникума железнодорожного транспорта осуществлял подготовку специалистов по шести различным направлениям: «Тепловозное хозяйство», «Механизация грузовых работ», «Эксплуатация железных дорог», «Планирование на железнодорожном транспорте», «Бухгалтерский учет», «Промышленное и гражданское строительство» [22, л. 76]. Филиал Сыктывкарского техникума советской торговли, открытый в конце изучаемого периода, готовил учащихся по следующим специализациям: «Товароведение и организация торговли промышленными товарами», «Товароведение и организация торговли продовольственными товарами», «Технология приготовления пищи», «Бухгалтерский учет в торговле» [20].

Итак, в 1950–1960-е гг. учебная деятельность «Арктических» техникумов и училищ в Коми АССР охватывала подготовкой квалифицированных специалистов не только сферу промышленности, но и здравоохранения, транспорта, и с 1969 г. – торговли и культуры. Указанные в статье учебные заведения готовили учащихся по обширному перечню специальностей, который в разные годы суммарно включал в себя от семи, в начале изучаемого периода, до 28 направлений в конце 1960-х гг.

Перейдем к рассмотрению вопроса о преподавательском составе изучаемых учебных заведений Арктической зоны Коми АССР. Статистические отчеты техникумов и училищ содержат большой массив информации о составе преподавателей, так как, согласно установленной формы, в отчетах указывали не только их количество

(с выделением находящихся в штате учебного заведения и совместителей), но и такие показатели, как образовательный уровень и педагогический стаж работы. Эта информация позволяет более глубоко охарактеризовать преподавательский состав указанных вузов, а также дать более объективную оценку качеству обучения выпускаемых учебными заведениями специалистов.

На основе данных ежегодных отчетов нами были составлены сводные таблицы, в которых отражены очерченные характеристики преподавательского состава «Арктических» вузов (табл. 1–3).

Из приведенной в табл. 1 информации наглядно видно, что в действующем еще с середины 1940-х гг. Воркутинском горном техникуме к началу изучаемого периода уже сложился «костяк» преподавательского состава, состоящий из достаточно опытных специалистов, в подавляющем количестве с высшим образованием и солидным стажем работы. По имеющимся данным можно отметить, что до середины 1950-х гг. примерно 30–40 % преподавателей являлись совместителями, однако в дальнейшем их число резко сократилось, и основную массу преподавательского состава представляли штатные работники. Также стоит отметить, что с середины 1960-х гг. наблюдается тенденция к заметному росту общей численности преподавателей, что было связано с увеличением количества групп

обучающихся на дневном и вечернем отделениях. Так, например, если в 1960 г. учащихся дневной формы обучения готовили по двум специальностям на основном отделении и в группах ускоренной подготовки (далее – ГУП) и по трем и двум на вечернем отделении в основных группах и в ГУП, соответственно, то в 1965 г. на дневном отмечено пять и четыре специальности в основных группах и в ГУП соответственно, на вечернем – по четыре специальности в основных группах и ГУП [31; 34, л. 13, 29].

Характеризуя преподавательский состав Интинского индустриального техникума, отметим, что в первые два года его работы невысокая численность преподавателей обусловлена подготовкой учащихся на основном отделении дневной формы обучения и в ГУП дневной и вечерней форм лишь по одной специальности. Большая же часть преподавательского состава была, скорее всего, сконцентрирована на работе основного отделения вечерней формы обучения, где осуществлялась подготовка учащихся по пяти в 1963/64 и четырем специальностям в 1964/65 учебных годах [21, л. 13, 30; 33, л. 18, 36]. В последующие годы реестр специальностей был расширен и на дневной форме обучения [34, л. 14, 30], что способствовало увеличению штата преподавателей уже с середины 1960-х гг. Также отметим, что, в отличие от Воркутинского горного техникума, в Интинском индустриальном

Преподавательский состав Воркутинского горного техникума в 1950–1960-е годы

Таблица 1

Table 1

The teaching staff of the Vorkuta Mining College in the 1950s–1960s

Учебные годы	Число преподавателей			С образованием			Педагогический стаж работы			
	Всего	В том числе		высшим	незаконченным высшим	средним	менее 5 лет	от 5 до 10 лет	от 10 до 25 лет	25 лет и более
		Штатные	Совместители							
1951/52	37	23	14	35	2	-	13*	4*	5*	-*
1952/53	46	27	19	44	-	2	15	12	18	1
1953/54	42	30	12	38	2	2	11	14	16	1
1954/55	36	29	7	33	-	3	20	9	6	1
1955/56	36	23	13	36	-	-	16	12	8	-
1956/57	35	33	2	34	-	1	11	11	13	-
1957/58	35	33	2	35	-	-	9	10	13	3
1958/59	33	32	1	33	-	-	9	9	14	1
1959/60	35	33	2	35	-	-	5	11	16	3
1960/61	34	34	-	33	1	-	10	10	11	3
1961/62	38	33	5	37	-	1	9	11	14	4
1962/63	47	44	3	44	3	-	17	19	8	3
1963/64	34	33	1	34	-	-	12	9	11	2
1964/65	38	36	2	38	-	-	15	4	14	5
1965/66	57	50	7	56	-	1	21	16	14	6
1966/67	60	58	2	59	-	1	21	11	22	6
1967/68	58	55	3	56	1	1	14	16	23	5
1968/69	74	63	11	57*	н.с.	н.с.	18*	12*	28*	5*
1969/70	61	55	6	59	1	1	11	18	29	3

Примечание. Здесь и в табл. 2, 3 * данные, представленные только по штатным преподавателям.

Источники: ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 26 об.; Д. 4255. Л. 63 об.; Д. 4263. Л. 41 об.; Д. 4268. Л. 21 об.; Д. 5193. Л. 19 об.; Д. 5194. Л. 21 об.; Д. 5197. Л. 17 об.; Д. 5206. Л. 12 об.; Д. 5209. Л. 12; Д. 5916. Л. 6; Д. 5927. Л. 17 об.; Д. 5938. Л. 30 об.; Д. 6927. Л. 13 об.; Д. 6955. Л. 8 об.; Д. 6976. Л. 13 об.; Д. 8418. Л. 24 об.; Д. 8424. Л. 47 об.; Д. 8429. Л. 99; Д. 8435. Л. 29.

Note. Here and in Tables 2, 3. * data presented only for full-time teachers.

Sources: National Archives of the Komi Republic. F. P-140. Op. 2. D. 4251. L. 26 ob.; D. 4255. L. 63 ob.; D. 4263. L. 41 ob.; D. 4268. L. 21 ob.; D. 5193. L. 19 ob.; D. 5194. L. 21 ob.; D. 5197. L. 17 ob.; D. 5206. L. 12 ob.; D. 5209. L. 12; D. 5916. L. 6; D. 5927. L. 17 ob.; D. 5938. L. 30 ob.; D. 6927. L. 13 ob.; D. 6955. L. 8 ob.; D. 6976. L. 13 ob.; D. 8418. L. 24 ob.; D. 8424. L. 47 ob.; D. 8429. L. 99; D. 8435. L. 29.

Преподавательский состав Интинского индустриального техникума в 1960-е годы

Table 2

The teaching staff of the Inta Industrial College in the 1960s

Учебные годы	Число преподавателей			С образованием			Педагогический стаж работы			
	Всего	В том числе		высшим	незаконченным высшим	средним	менее 5 лет	от 5 до 10 лет	от 10 до 25 лет	25 лет и более
		Штатные	Совместители							
1963/64	22	16	6	21	1	-	11	8	3	-
1964/65	22	18	4	20	1	1	13	4	5	-
1965/66	37	22	15	33	1	3	15	12	10	-
1966/67	52	28	24	50	2	-	20	21	11	-
1967/68	32	26	6	30	2	-	6	13	12	1
1968/69	39	28	11	25*	н.с.	н.с.	6*	10*	12*	-*
1969/70	46	33	13	44	2	-	8	18	19	1

Источники: ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 6927. Л. 18 об.; Д. 6955. Л. 13 об.; Д. 6976. Л. 14 об.; Д. 8418. Л. 26 об.; Д. 8424. Л. 48 об.; Д. 8429. Л. 100; Д. 8435. Л. 30.

Sources: National Archives of the Komi Republic. F. P-140. Op. 2. D. 6927. L. 18 ob.; D. 6955. L. 13 ob.; D. 6976. L. 14 ob.; D. 8418. L. 26 ob.; D. 8424. L. 48 ob.; D. 8429. L. 100; D. 8435. L. 30.

Таблица 3

Преподавательский состав Воркутинского медицинского училища в 1960-е годы

Table 3

The teaching staff of the Vorkuta Medical School in the 1960s

Учебные годы	Число преподавателей			С образованием			Педагогический стаж работы			
	Всего	В том числе		высшим	незаконченным высшим	средним	менее 5 лет	от 5 до 10 лет	от 10 до 25 лет	25 лет и более
		Штатные	Совместители							
1962/63	18	5	13	18	-	-	3	6	8	1
1963/64	17	17	-	16	-	1	10	2	5	-
1964/65	60	24	36	58	1	1	29	16	14	1
1965/66	73	33	40	66	1	6	26	24	21	2
1966/67	80	40	40	75	-	5	21	16	40	3
1967/68	85	43	42	82	-	3	21	18	41	5
1968/69	93	37	56	35*	н.с.	н.с.	9*	9*	19*	-*
1969/70	90	35	55	86	-	4	22	25	41	2

Источники: ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5938. Л. 38 об.; Д. 6927. Л. 23 об.; Д. 6955. Л. 21 об.; Д. 6976. Л. 19 об.; Д. 8418. Л. 34 об.; Д. 8424. Л. 54 об.; Д. 8429. Л. 108; Д. 8435. Л. 40.

Sources: National Archives of the Komi Republic. F. P-140. Op. 2. D. 5938. L. 38 ob.; D. 6927. L. 23 ob.; D. 6955. L. 21 ob.; D. 6976. L. 19 ob.; D. 8418. L. 34 ob.; D. 8424. L. 54 ob.; D. 8429. L. 108; D. 8435. L. 40.

техникуме не прослеживается тенденция к существенно-му снижению числа совместителей в преподавательском составе, хоть значительную часть (от 50 до 80 % в разное время) и составляли штатные работники. Педагогический стаж работы большинства преподавателей к концу изучаемого периода имел заметный уклон к увеличению, как и в Воркутинском горном техникуме (более 80 % преподавателей имели педагогический стаж работы от 5 лет и более в конце 1960-х гг.).

В Воркутинском медицинском училище ситуация с численностью преподавательского состава имеет схожие с предыдущими учебными заведениями черты. В первые годы его работы небольшой коллектив учителей справлялся с подготовкой учащихся по одной-двум специальностям на большинстве отделений [12, л. 38, 53; 33, л. 23, 38]. Однако в дальнейшем, в связи с заметным увеличением числа учащихся (с 349 чел. в 1962/63 учебном году до 1 тыс. уже в 1964/65) и количества групп на дневном отделении [12, л. 38, 53; 21, л. 21, 37; 35, л. 34, 48], отмечается резкий рост преподавательского состава. Кроме того, в отличие от предыдущих двух техникумов, здесь про-

слеживается тенденция не к сокращению использования совместителей, а, наоборот, к увеличению этой категории преподавателей, которая к концу 1960-х гг. составляла уже более 60 % от всей массы учителей. Что касается динамики по стажу работы, здесь отмечено направление к его увеличению (до 75 % преподавателей имели стаж от 5 лет и более к концу изучаемого периода), как и в других учебных заведениях.

Таким образом, в период 1950–1960-х гг. на территории Коми АССР, относящейся к современной Арктической зоне Европейского Севера России, действовал ряд средних специальных учебных заведений и филиалов техникумов, готовивших специалистов широкой сферы специальностей, охватывая такие направления, как промышленность, здравоохранение, транспорт, торговля и культура. В рассмотренных учебных заведениях удалось выявить динамику изменения перечня специализаций, определив, что за исследуемый период общее число направлений подготовки увеличилось в четыре раза. Основной вклад в деле ежегодной подготовки сотен квалифицированных специалистов внесли преподаватели изучаемых учебных заве-

дений, характеристика состава которых позволяет высоко оценить степень их профессионализма как с точки зрения их собственного образовательного уровня, так и с учетом педагогического стажа работы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти. Статистический сборник. – Мурманск : Мурманское книжное издательство, 1967. – С. 10–11.
2. Коми АССР в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1986. – С. 38, 39.
3. Мацук, А. М. Развитие системы среднего специального образования в регионах Арктической зоны Европейского Севера России в 1950–1980-х гг. / А. М. Мацук // Вопросы истории. – 2023. – № 2-1. – С. 52–59. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202301Statyi52
4. Указы Президента РФ от 02.05.2014 № 296, от 27.06.2017 № 287, от 13.05.2019 № 220, от 05.03.2020 № 164, Федеральный закон от 13.07.2020 № 193.
5. Мацук, А. М. Развитие угольной, нефтяной и газовой промышленности в Коми АССР и подготовка технических кадров в 1950–1980-е гг. / А. М. Мацук // Вестник института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2014. – № 4 (232). – С. 20–24.
6. Мацук, А. М. Народное хозяйство Коми АССР и специализация учреждений среднего специального образования в 1950-х–1980-х гг. (на примере средних специальных учебных заведений сферы промышленности и транспорта) / А. М. Мацук // Социокультурные аспекты развития Северных территорий (Республика Коми. История и современность): сб. статей. – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. – С. 114–118.
7. Мацук, А. М. Развитие системы среднего специального образования в Коми АССР (середина 1950–конец 1980-х гг.) / А. М. Мацук // Историко-культурные аспекты изучения северных территорий России (исследования, источники, историография): сб. ст. – Сыктывкар : ГОУ КРАГСиУ, 2017. – С. 234–247.
8. Мацук, А. М. Преподавательский состав средних специальных учебных заведений Коми АССР в 1950–1980-е гг.: характеристика, динамика численности / А. М. Мацук // Финно-угорский мир. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 325–341. DOI 10.15507/2076-2577.011.2019.03.325-341.
9. Гурк «Национальный архив Республики Коми» (далее – Гурк НАРК). Ф. Р-1814. Оп. 1. Предисловие. – Л. 2.
10. Республика Коми : Энциклопедия / ред. М. П. Рощевский. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1997. – Т. 1. – 469 с.
11. Гурк НАРК. Ф. Р-2090. Оп. 1. Предисловие. Л. 3.
12. Гурк НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5938.
13. Безносиков, Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР / Я. Н. Безносиков. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1973. – С. 150.

14. Коми АССР за 50 лет. Статистический сборник. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1971. – С. 151.
15. Уголь и торф Урала. Уральская горная энциклопедия / ред. И. В. Дементьев. – Екатеринбург : Издательство УГГУ, 2007. – Т. 5. – С. 603.
16. Гурк НАРК. Ф. Р-1958. Оп. 1. Предисловие. Л. 6.
17. Гурк НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5209.
18. Республика Коми: Энциклопедия / ред. М. П. Рощевский. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1999. – Т. 2. – С. 35.
19. Гурк НАРК. Ф. р-1637. Оп. 1. Предисловие. Л. 3.
20. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 9921. Л. 80.
21. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 6955.
22. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 8424.
23. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 26.
24. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 4255. Л. 63.
25. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 4263. Л. 10, 41.
26. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 4268. Л. 21.
27. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 5193. Л. 19.
28. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 5194. Л. 21.
29. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 5197. Л. 17, 82.
30. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 5206. Л. 12.
31. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 5916. Л. 6, 26.
32. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 5927. Л. 17, 38.
33. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 6927.
34. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 6976.
35. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 8418.
36. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 8429.
37. Гурк НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 8435.

References

1. Narodnoe khoziaistvo Murmanskoi oblasti za 50 let Sovetskoi vlasti. Statisticheskii sbornik [The national economy of the Murmansk region over 50 years of Soviet power. Statistical collection]. – Murmansk: Murmansk Book Publ. House, 1967. – P. 10–11.
2. Komi ASSR v odinnadtsatoi piatiletke. Statisticheskii sbornik [Komi ASSR in the eleventh five-year plan. Statistical collection]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1986. – P. 38, 39.
3. Matsuk, A.M. Razvitie sistemy srednego spetsial'nogo obrazovaniia v regionakh Arkticheskoi zony Evropeiskogo Severa Rossii v 1950-kh – 1980-kh gg. [Development of the system of secondary specialized education in the regions of the Arctic zone of the European North of Russia in the 1950s - 1980s.] / A.M. Matsuk // Voprosy istorii [Questions of history]. – 2023. – № 2-1. – P. 52–59. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202301Statyi52
4. Ukazy Prezidenta RF [Decrees of the President of the Russian Federation dated 02.05.2014 № 296, dated 27.06.2017 № 287, dated 13.05.2019 № 220, dated 05.03.2020 № 164, Federal Law dated 13.07.2020 № 193.
5. Matsuk, A.M. Razvitie ugol'noi, neftiano i gazovoi promyshlennosti v Komi ASSR i podgotovka tekhnicheskikh kadrov v 1950–1980-e gg. [Development of the coal, oil and gas industries in the Komi ASSR and the training of technical personnel in the 1950–1980s.] / A.M. Mat-

- suk // Vestnik instituta geologii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniia RAN [Bull. of the Inst. of Geology, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. – 2014. – № 4 (232). – P. 20–24.
6. Matsuk, A.M. Narodnoe khoziaistvo Komi ASSR i spetsializatsiia uchrezhdenii srednego spetsial'nogo obrazovaniia v 1950–kh – 1980–kh gg. (na primere srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedenii sfery promyshlennosti i transporta) [The national economy of the Komi ASSR and the specialization of secondary specialized education institutions in the 1950s - 1980s (on the example of secondary specialized educational institutions in the field of industry and transport)] / A.M. Matsuk // Sotsiokul'turnye aspekty razvitiia Severnykh territorii (Respublika Komi. Istorii i sovremennost'): sb. statei [Sociocultural aspects of the development of the Northern territories (Komi Republic. History and modernity)]: collection of papers. – Syktyvkar: Komi Republican Academy of Civil Service and Management, 2015. – P. 114–118.
 7. Matsuk, A.M. Razvitie sistemy srednego spetsial'nogo obrazovaniia v Komi ASSR (seredina 1950–kh – konets 1980–kh gg.) [Development of the system of secondary specialized education in the Komi ASSR (mid-1950s - late 1980s)] / A.M. Matsuk // Istoriko-kul'turnye aspekty izuchenii severnykh territorii Rossii (issledovaniia, istochniki, istoriografiia) [Historical and cultural aspects of studying the northern territories of Russia (research, sources, historiography)]: collection of papers. – Syktyvkar: Komi Republican Academy of Civil Service and Management, 2017. – P. 234–247.
 8. Matsuk, A.M. Prepodavatel'skii sostav srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedenii Komi ASSR v 1950–1980–e gg.: kharakteristika, dinamika chislennosti [Teaching staff of secondary specialized educational institutions of the Komi ASSR in the 1950–1980s: characteristics, population dynamics] / A.M. Matsuk // Finno-ugorskii mir [Finno-Ugric world]. – 2019. – Vol. 11, №3. – P. 325–341. DOI 10.15507/2076-2577.011.2019.03.325-341.
 9. GURK «Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi» [“National Archive of the Komi Republic” (hereinafter GURK NARK)]. F.P-1814. Op. 1. Preface. L. 2.
 10. Respublika Komi: Entsiklopediia [The Komi Republic: Encyclopedia] / Ed. M.P. Roshchevsky. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1997. – Vol. 1. – 469 p.
 11. GURK NARK. F. P-2090. Op. 1. Preface. L. 3.
 12. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5938.
 13. Beznosikov, Ya.N. Razvitie narodnogo obrazovaniia v Komi ASSR [Development of public education in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1973. – P. 150.
 14. Komi ASSR za 50 let. Statisticheskii sbornik [Komi ASSR for 50 years. Statistical collection]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1971. – P. 151.
 15. Ugol' i torf Urala. Ural'skaia gornaia entsiklopediia [Coal and peat of the Urals. Ural Mining Encyclopedia] / Ed. I. V. Dement'ev. – Ekaterinburg: Ural State Mining Univ. Publ., 2007. – Vol. 5. – P. 603.
 16. GURK NARK. F. P-1958. Op. 1. Preface. L. 6.
 17. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5209.
 18. Respublika Komi: Entsiklopediia [The Komi Republic: Encyclopedia] / Ed. M.P. Roshchevsky. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1999. – Vol. 2. – P. 35.
 19. GURK NARK. F. P-1637. Op. 1. Preface. L. 3.
 20. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 9921. L. 80.
 21. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 6955.
 22. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 8424.
 23. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 4251. L. 26.
 24. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 4255. L. 63.
 25. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 4263. L. 10, 41.
 26. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 4268. L. 21.
 27. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5193. L. 19.
 28. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5194. L. 21.
 29. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5197. L. 17, 82.
 30. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5206. L. 12.
 31. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5916. L. 6, 26.
 32. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5927. L. 17, 38.
 33. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 6927.
 34. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 6976.
 35. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 8418.
 36. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 8429.
 37. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 8435.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task)

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Мацук Александр Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Author:

Aleksandr M. Matsuk - Cand. Sci. (History), Head of the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation. e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Для цитирования:

Мацук, А. М. «Арктические» средние специальные учебные заведения в 1950–1960-е годы: специализация учащихся, характеристика преподавательского состава (на примере Коми АССР) / А. М. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 108–115.

For citation:

Matsuk, A. M. «Arctic» secondary specialized educational institutions in the 1950s-1960s: specialization of students, characteristics of the teaching staff (case study of the Komi ASSR) / A. M. Matsuk // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1(67). – P. 108-115.

Дата поступления рукописи: 08.02.2024

Прошла рецензирование: 16.02.2024

Принято решение о публикации: 19.02.2024

Received: 08.02.2024

Reviewed: 16.02.2024

Accepted: 19.02.2024

Старообрядческие мотивы в творчестве поэта Николая Клюева и вехи его биографии

В. А. Бердинских

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

bva.prof@mail.ru

Аннотация

В статье автор исследует старообрядческие корни творчества известного русского поэта XIX в. Николая Клюева, особое внимание уделяя архаичным и фольклорным элементам в поэтической речи Клюева. Большой интерес представляют выводы о гуманистической основе последних стихов и поэм поэта, связанных с его неприятием коллективизации и разорения русского крестьянства.

Ключевые слова:

русская поэзия и крестьянство, старообрядцы, архаика и фольклор в поэзии, вехи биографии Николая Клюева

Николай Алексеевич Клюев родился 10 (22) октября 1884 г. в глухой деревне Коштуге Андомской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии (на Русском Севере, ныне Вологодская область) в крестьянской семье.

Отец – сиделец в винной лавке. Дед и мать – старообрядцы: первый – из «самосожженцев», вторая – сказительница, «былинница» и «вопленица». Именно от матери Н. Клюев унаследовал любовь к фольклору: песням, духовным стихам, сказам, преданиям. «Грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости обязан своей матерью», – говорил впоследствии сын-поэт [1].

В 1893–1895 гг. – учеба в церковно-приходской школе, затем – в 2-классном городском училище в Вытегре. Год учился в Петрозаводской фельдшерской школе, откуда ушел «по болезни». Крестьянским трудом не занимался никогда...

Многое в биографии Клюева известно только с его слов: это – часть его литературного образа. Некоторые эпизоды его ранней молодости просто апокрифичны и не поддаются проверке, отдельные события малодостоверны, но есть и несомненные факты, к примеру – странствия по Северу: паломничество на Соловки, пребывание в раскольничьем «Корабле»...

Стилизация – по старообрядческим книгам и канонам живой староверческой культуры – стала отличительной чертой Клюева: его речи и внешнего облика, образного

Old Believer motives in the work of the poet Nikolai Klyuev and milestones in his biography

V. A. Berdinskikh

Institute of Language, Literature and History, Federal Research

Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,

Syktывkar

bva.prof@mail.ru

Abstract

The paper considers the Old Believer roots of the work of the famous Russian poet of the XX century Nikolai Klyuev. The author pays special attention to archaic and folklore elements in Klyuev's poetic speech. Of great interest are the author's conclusions about the humanistic basis of this poet's last verses and poems associated with his rejection of collectivization and the ruin of the Russian peasantry.

Keywords:

Russian poetry and the peasantry, Old Believers, archaics and folklore in poetry, milestones in the biography of Nikolai Klyuev

мышления и литературного творчества, душевного склада и духовосприимчивости, мировоззрения и мироосмысления.

Эта стилизация проявляется даже в своеобразной самоаттестации: «Я – мужик, но особой породы: кость у меня тонкая, кожа белая, и волос мягкий. Ростом я два аршина и восемь вершков, в грудях двадцать четыре, а в головной обойме пятнадцать с половиной. Голос у меня чистый и слово мерное, без слюны и без лая, глазом же я зорек и сиз; нерпячий глаз у меня, неузнанный. Не пьяница я и не табакокур, но к сиропному пристрастен... В обиходе я тих и опрятен. Горница у меня завсегда, как серебряная гривна, сияет и лоснится. Лавка древесная песком да берестой натерта – моржовому зубу белей не быти...» [2].

В 1905–1906 гг. Н. Клюев участвовал в «социальных брожениях» (вел агитацию среди крестьян): на старообрядцев как многомиллионную (и, как правило, оппозиционную властям) силу тогда возлагали немалые надежды радикалы разных политических мастей (в том числе и прежде всего – социал-демократы и эсеры), а Клюев считал себя истовым старообрядцем. Сочинял «революционные» стихи. В январе 1905 г. за «распространение антиправительственных прокламаций» арестован, получил шестимесячное тюремное заключение (отбывал его в Вытегре и Петрозаводске), затем находился «под негласным надзором».

В одном из писем к А. Блоку (1909) он заявлял: «Я не считаю себя православным, да и никем не считаю, ненавижу казенного бога, пещь Ваалову Церковь, идолопоклонство «слепых», людоедство верующих...». Актерство его с сильной примесью юродства – старинного русского средства самозащиты личности в экстриме для нее – черта всей его творческой жизни.

Следует отметить, что переписка с А. Блоком (1907–1912) – это вообще важнейшая часть биографии Клюева как поэта. Именно А. Блоку он посвятил и первый сборник своих стихов (с предисловием В. Брюсова) – «Сосен перезвон» (Москва, 1912. – 90 с.).

К этому времени он (кроме того, что обошел множество старообрядческих скитов на Севере) побывал также у сектантов-«хлыстов» в Рязанской губернии (1911), откуда, по его же словам, вынес «Братские песни» – свой второй поэтический сборник (Москва, 1912. – 72 с.). В этом сборнике проявляются уже не только поэтический талант, но и некое «идущее от Лукавого» кощунство сектанта – человека, который с Богом накоротке...

Свои литературное реноме и имидж среди столичной и московской публики (светской и богемной) он выстраивал системно и целенаправленно – в образе «поэта от сохи».

Жена московского писателя С. Гарина, на квартире у которого Клюев нередко останавливался в 1913–1916 гг., вспоминала впоследствии об этом «неординарном» визитере: «Коренастый. Ниже среднего роста. Бесцветный. С лицом, ничего не выражающим, я бы сказала даже тупым. Длинной, назад зачесанной, примазанной шевелюрой. Речь медленной и бесконечно переплетаемой буквой "о" <...> Зимой – в стареньком полушубке. Меховой, потертой шапке. Несмазанных сапогах. Летом – в несмазанном, также сильно потертом армяке и таких же несмазанных сапогах. Но все четыре времени года также неизменно сам он весь обросший и заросший, как дремучий его олонецкий лес...» [3].

Свои стихи Клюев читал весьма своеобразно – нараспев, как бы мелодекламируя – и с большим успехом. По свидетельству той же Н. Гариной, поэт был человеком «очень земным», «очень неглупым, но себе на уме». Он играл роль то «блаженного», то «крестьянского пророка», то «простачка-мужичка». Склонность и способности к актерству передались ему, очевидно, от деда, водившего в свое время по окрестным селам дрессированного медведя и устраивавшего с ним представления – на потеху деревенской публике.

Проявлялась у Клюева и тяга к бытующему на Руси с древности юродству: «загадочность речей», скоморошья «шутки-прибаутки» – словом, «театр одного актера», в котором, между прочим, основной и единственный исполнитель, внешне подыгрывая «господам-зрителям», на деле и «в грош их не ставит».

Со времени первых клюевских публикаций до выхода первого сборника его стихов прошло около семи лет. Он приобрел репутацию «крестьянского поэта». И хотя религиозная образность, диалектизмы сочетаются в его сти-

хах (как зорко подметил Вольфганг Казак) с некоторыми приемами символизма, все же он создает свою, глубоко оригинальную и самостоятельную поэтику. Она вполне независима от минорной лирики А. Кольцова, И. Никитина, И. Сурикова и зиждется сугубо (или в большей степени) на первозданной народной песне.

Стихи Клюева, выдержанные в стиле народных плачей, духовных песнопений, ярко орнаментальны. Их театрально-обрядовая, музыкально-напевная сторона до сих пор остается не вполне осознанной отечественным литературоведением. Они густо населены миром крестьянских вещей в их мифологическом преломлении и святыми угодниками из древнерусской жизни: Медост и Микола Мокрый, Егорий на коне и Власий со скотом... Старообрядческие формы русской крестьянской культуры – главная ценность в мире для автора. Идеи мученичества страстотерпцев, умерщвления плоти как средства преодоления природной греховности (идеи скопчества); аскетизма, связанного вверигами и постничеством, поиски легендарного Беловодья – все это и многое другое нашло отражение в стихах Клюева (особенно до 1918 г.).

Нельзя не уловить в них и тональность обличительного пафоса, идущего от протопопы Аввакума – лучшего русского писателя XVII в.

Когда сложу свою вязанку
Сосновых слов, медвежьих дум?
«К костру готовьтесь спозаранку», –
Гремел мой прадед Аввакум.
(Из стихотворения «Где рай финифтяный и Сири...»).

Значительная часть клюевских стихов этнографична – в лучшем смысле этого слова. В них – живая суть сельского быта, лишённая внешней экзотики, но наделяющая своим голосом все предметы крестьянского обихода. Таковы его лучшие поэмы «Мать – Суббота» и «Заозерье», значительная часть его лирики.

Как поэт Клюев совершенно самобытен, и в зрелый период своего творчества он – в своих поисках новых путей русской поэзии – уже не только не эпигонствует, но и противостоит и символистам, и акмеистам. Любимые его поэты – француз П. Верлен, австриец Р. М. Рильке, древнееврейский царь Давид.

Клюевский стих удивительно многообразен: он то архаично-стилизован, то изыскан, то просторечно-озорноват, то лирически-символичен... Русь в нем – осознанно вневещная: это – сказочная «Белая Индия», утопический мужицко-крестьянский «Рай».

Горыныч, Сири, Царь Кашей, –
Всё явь родимая, простая,
И в онемелости вещей
Гнездится птица золотая.

Даже пытаясь приспособиться к советской власти в своем цикле стихов «Ленин», Клюев идет от старообрядческого пафоса неприятия старой власти.

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».

Пытаясь отстоять жизнь крестьянской культуры, поэт неизбежно попадал под топор большевистской диктатуры.

Не хочу Коммуны без лежанки,
Без хрустальной песенки углей!
В стихотворной тягостной вязанке
Думный хворост, буреломник дней.

(Цикл «Красный рык» из второй книги «Песнослава»).

В 1916 г. Клюев пытается организационно объединить и возглавить «новокрестьянских» поэтов (С. Клычков, П. Орешин, В. Ширяевец и др.). Попытка заканчивается, в общем-то, неудачей...

На какое-то время тесно связан с С. Есениным – отношениями своеобразной «дружбы-вражды». Широко (и скандально) известно их совместное участие в «литературных играх-посиделках» при императрице Александре Федоровне...

После 1917 г. в творчество Клюева вмешивается мощная политизированная, злободневно-публицистическая струя. В 1918–1920 гг. он состоит членом РКП(б), откуда, правда, его исключили «за религиозность». Сближается, как и С. Есенин (которого, кстати, в детстве воспитывал дед-старообрядец), с левыми эсерами, хотя, в сущности, остается радикально левым народником, «переодетым» под крестьянина... Впрочем, сотрудничество с левозеровской литературной группой «Скифы» приносит для поэта и определенные практические результаты: в берлинском издательстве последней в 1920–1922 гг. выходят сразу три сборника его стихов.

А в Петрограде в 1919 г. издается самое полное (в двух книгах) собрание стихов Клюева – «Песнослов» (Пг., 1919. – 10.000 экз.; Кн. 1 – 320 с.; Кн. 2 – 256 с.). Несмотря на некоторую политизированность, творческие итоги 1918–1919 гг. представляют собой вершину поэтической жизни Клюева.

Но отношение властей к нему уже в начале 1920-х гг. резко меняется. И главная причина этого кроется, несомненно, в отчетливом переходе поэта на позиции твердой защиты разрушаемых большевистским режимом устоев крестьянской жизни.

Поразительное творческое достижение Клюева – поэма «Мать-Суббота», в которой одухотворение всех вещей в крестьянской избе перерастает в проповедь высокого гуманизма обычной жизни («лада») русского крестьянина:

Ангел простых человеческих дел
В избу мою жаворонком влетел,
Заулыбалися печь и скамья,
Булькнула звонко гусыня-бадьа,
Муха впотымах забубнила коту:
«За ухом, дяденька, смой черноту!»

1922

Языческое, старообрядческое и просто христианское переплавлены в его поэзии в межвременное искусство – это тайное предчувствие гибели русской крестьянской культуры. Отсюда и духовная мощь поэта в лучших своих творениях.

Советская официальная критика по отношению к поэту приобретает все более жесткие (и даже жестокие) формы. Не исправила положения и книжка стихов «Ленин», вы-

шедшая в 1924 г. тремя изданиями. Игра Клюева с властью заранее обречена на поражение. Изымается цензурой его «Плач о Есенине» (1926). Расхожим применительно к нему становится ярлык «кулацкий поэт». После публикации поэмы «Деревня» (1927) и выхода сборника «Изба и поле» (Ленинград, 1928. – 108 с. – 3 тыс. экз.) этот ярлык приклеивается к нему намертво, а издание его стихов в СССР полностью прекращается почти на полвека...

В 1923–1932 гг. поэт живет в Ленинграде. Писатель Геннадий Гор так сюрреалистически вспоминает облик его городской квартиры конца 1920-х гг.: «Но вот дверь открылась, и вместе с ней открылось нечто, не поддающееся реалистическим мотивировкам. Перед нами была изба, по бревнышку перенесенная из Олонецкой губернии и собранная заново, разместившаяся в петербургской квартире.

Между бревен торчал мох. Из щелей выполз таракан. Под дощатым потолком были полати. Большая русская печь занимала половину избы. Перед печью стояла квашня. За простым дощатым столом сидел человек с большим бабьим лицом. Борода казалась приклеенной. В углу висел портрет Богородицы кисти Симона Ушакова – одновременно икона и историческая реликвия. Клюев, сложив совсем по-бабьи на животе руки, заговорил, окая и причитая, о погоде, почему-то о льне, гумне и деревенском густом сусле».

Конечно, все это – существенные элементы жизнетворчества Клюева. Многие здесь отмечено и «гендерными перверсиями». Но если такого рода «девиации» у М. Кузьмина – это нечто от нравов «империи времен упадка» (позднеримских терм и т. п.), то в поэзии Клюева они – от какого-то доморощенного сектантства, в частности – от «хлыстовского радения». Христос для поэта – «невеста и жених одновременно». Во всяком случае, именно в этом ключе выдержаны его стихи о «скопчестве»:

О скопчество – страна, где бурый колчедан
Буравит ливней клюв, сквозь хмару и туман,
Где дятел-Маята долбит народов ствол
И Оспа с Колтуном наостривают кол...

Сам же Клюев вершиной своего творчества считал поэму «Погорельщина» (написана в 1927 г., впервые опубликована лишь в 1991 г.).

На рубеже 1920–1930-х гг. поэт вместе со своим молодым другом – художником Анатолием Кравченко, проводит три лета подряд в вятской деревне Потрепухино (близ г. Кукарки, ныне – Советска). Дружба с красивым художником носила, по словам одного из современников, «не-стандартный характер».

В 1929 г. они жили здесь в августе–сентябре (Клюев пишет поэму «Каин»), в 1930 г. также в августе–сентябре (пишет поэму «Последняя Русь» – первоначальное название «Песни о Великой Матери»), в 1931 г. – жили в июле–сентябре (пишет вторую и третью части «Песни о Великой Матери» – так и осталась незаконченной). Судя по всему, здесь, в Потрепухине, ему удивительно легко работалось. И это немудрено – полноводная Вятка, сосновый бор и луга – все рядом. Отличный воздух и доброжелательные

вятские крестьяне, а также дешевые продукты питания, по сравнению со столицами, – все это способствовало творческой работе.

По просьбе известного вятского писателя-краеведа Е. Д. Петряева журналист районной газеты в г. Советск (Кукарке) Н. Позмогов в 1975 г. опросил хозяина дома, где жил Клюев, Ивана Филипповича Куликова (к тому времени ему было уже около 80 лет). По его словам, в деревне Клюева звали Львом Николаевичем (как Толстого – В. Б.) – за бороду и длинную белую рубашку из холста. Приезжал поэт иногда не только с Анатолием Кравченко, но и с его братом Борисом. Отец хозяина позировал художнику для портрета. Клюев вставал, по словам Куликова, рано; уходил в поле, в лес, к реке и постоянно про себя «бунчал» (бормотал). Затем, возвращаясь домой, просил хозяев не разговаривать и диктовал стихи Борису. Тот их записывал.

«Приезжал Клюев с двумя художниками, – говорит И. Ф. Куликов. – Одного звали Борис, другого Анатолий. <...> Иногда что-то целый день "бунчал". Это он вроде про себя песни пел. Возвращаясь, говорил тятя: "Ни слова. Чтоб тишина!" В это время Борис (скорее, все же Анатолий – В. Б.) садился за стол напротив Клюева и записывал все, что ему диктовал поэт. <...> Анатолий посадит, бывало, моего тятю, наденет на него шляпу, голубую рубашку с белыми горошками и рисует с него портрет. Так продолжалось часами. <...> Да, а как-то построили баню из сосновых бревен. Клюев туда и перебрался. Писал в ней днями. Там для него сделали столик, вместо койки поставили топчаны. Баня-то вон и сейчас стоит». Этот обычный крестьянский дом в три окошка на улицу в конце деревни с тесовыми воротами, лавочкой для сиделок и баней в огороде еще сохранился. Около дома яблони, калина, вишня. Вид отсюда прекрасный – на покатый берег к р. Вятке, поросший лесом и кустами. На другой стороне реки чудные заливные луга со свежей зеленью. Напоследок Иван Филиппович рассказал журналисту, что в 1920-е гг. повадились сюда артисты, художники, писатели из Ленинграда. Сначала их, видимо, подталкивало трудное голодное время; а затем стали ездить просто на отдых [4].

В 1932 г. поэт перебирается из Ленинграда в Москву. Средств к существованию – практически никаких. Советская печать для него закрыта. Критика свирепствует. Посвященная Клеуеву статья в «Литературной энциклопедии» (1931) напоминает, скорее, политический приговор: «...Поэмы "Деревня" и "Плач по Есенину" (1927) – совершенно откровенные антисоветские декларации озверелого кулака. Клеуев открыто проклинает революцию <...> и предрекает, что "мужик сметет бородою" новое татарское иго...» [5].

Чтобы хоть как-то «пробиться», поэт пытается внешне мимикрировать, пишет, в частности, слабый и конъюнктурный цикл «Стихи из колхоза» (1932–1933). Все оказывается тщетным...

Да и по сути своей его поэзия («Песни Гамаюна», цикл «Разруха» и др.) остается неприкрыто антибольшевистской. Он не приемлет ни индустриализацию, ни – тем бо-

лее! – коллективизацию, которая уничтожила российское крестьянство:

То Беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фёкла.
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи...

Рукописи своих стихов поэт предоставляет для ознакомления другим литераторам, сам декламирует в чужих гостиных и дружеских компаниях... И беда не заставила себя ждать: сочувствовавший и помогавший ранее Клеуеву в жизненных трудностях И. Гронский (тогда – главный редактор журнала «Новый мир»), возмущившись «антисоветчиной» клеуевских стихов, «растлевающих» литературную молодежь, «сигнализировал» об этих «возмутительных фактах» руководству «органов». После его телефонного звонка исполняющему обязанности председателя ОГПУ Г. Ягоде и с «высочайшей» санкции И. Сталина 2 февраля 1934 г. Н. Клеуев был арестован.

На допросах поэт показал: «Я считаю, что политика индустриализации разрушает основу и красоту русской народной жизни, причем это разрушение сопровождается страданиями и гибелью миллионов русских людей <...> Я воспринимаю коллективизацию с мистическим ужасом, как бесовское наваждение. Такое восприятие выражено в стихотворении, в котором я говорю:

Скрипит иудина осина
И плещет вороном зобатым,
Доволен лакомством богатым
О ржавый череп чистя нос,
Он трубит в темь: колхоз,
Колхоз...

Вопрос: Кому вы читали и кому давали на прочтение цитируемые здесь ваши произведения?

Ответ: Поэму "Погорельщина" я читал главным образом литераторам, артистам, художникам. Обычно это бывало на квартирах моих знакомых, в кругу приглашенных ими гостей. Так, читал я "Погорельщину" у Софьи Андреевны Толстой, у писателя Сергея Клычкова, у писателя Всеволода Иванова, у писательницы Елены Тагер, группе писателей, отдыхавших в Сочи, у художника Нестерова...» [6].

Решением Особого совещания при ОГПУ от 5 марта 1934 г. Клеуев, обвиненный по статье 58-10 Уголовного кодекса («контрреволюционная агитация», а также «создание монархической и церковной организации писателей»), был подвергнут 5-летней ссылке и отправлен в поселок Колпашево Нарымского края (ныне – город Колпашево Томской области).

Сохранились письма поэта из ссылки. Они вопиют о том, что условиями голодного быта он был поставлен там на грань жизни и смерти. По ходатайствам некоторых знакомых и неравнодушных к нему людей он осенью 1934 г. переводится в Томск. Но и здесь творчески работать из-за нужды почти невозможно.

Здоровье поэта разрушено. В марте 1936 г. его разбивает паралич, после которого он долго не мог восстановиться... Ну а пережить «большой террор» ему было не суждено «по определению»: областное УНКВД просто не могло миновать его в поисках подходящей фигуры при своих фабриках «дел» о надуманных «контрреволюционных организациях» – Ключев подходил для этого, как никто другой.

5 марта 1937 г. он вновь арестован, в июне тройкой при УНКВД как участник вымышленной «монархо-кадетской организации "Союз спасения Родины"» и за «контрреволюционную повстанческую деятельность» признан подлежащим «высшей мере наказания» и осенью (предположительно 23 или 25 октября) того же года расстрелян в Томской тюрьме... [там же].

Первая его посмертная (и послереабилитационная) книга увидела свет лишь в 1977 г.

Как поэт Ключев занимает в отечественной литературе достойное место – ничуть не ниже С. Есенина. А в наши дни ценность его редкого поэтического дарования, питавшегося жизнелюбием и духовной мощью русского крестьянства, еще более возросла. Крестьянство в России XX в. уничтожено полностью, но голос, цвет, вкус и запах того утраченного мира ныне востребованы как один из источников исторической самоидентификации народа.

Конечно, в своем литературном творчестве Ключев удивительно разнороден и даже противоречив: поэт из деревни – но не крестьянин по сути свой; религиозный старообрядец – но по всем формально-церковным канонам богохульник; «неонародник» – и мистик; враг «машинного города» – но при этом проведший значительную часть своей жизни (и желавший жить) именно там; самостоятельный и оригинальный поэт – и одновременно изощренный стилизатор фольклорного и архаичного пластов русской речи...

Но ведь как раз на сопряжениях всех этих противоречий и расцветал его самобытный (и посему – одинокий) поэтический талант. Нелишне также помнить: это единственный крупный русский поэт XX в., поднявший свой голос против сталинской коллективизации – гуманитарной катастрофы, уничтожившей миллионы крестьян [7].

Нам вести душу обожгли,

Что больше нет родной земли.

Может быть, это и есть реальное проявление подлинного гуманизма.

Информация об авторе:

Бердинских Виктор Аркадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: bva.prof@mail.ru).

Author:

Viktor A. Berdinskikh – Dr. Sci. (History), Chief Researcher at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: bva.prof@mail.ru).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Серебряный век русской поэзии / под ред. Н. В. Банникова. – Москва, 1993. – С. 419.
2. Подробнее см.: Бердинских, В. А. История русской поэзии. Модернизм и Авангард / В. А. Бердинских. – Москва, 2013. – С. 414.
3. <http://www.booksite.ru/klyuev/>.
4. Позмогов, Н. Д. Друг Есенина / Н. Д. Позмогов // Ленинское знамя (Советский район Кировской области). 1975. 22 ноября.
5. Литературная энциклопедия. – Москва, 1931. – Т. 5. – С. 326.
6. <http://www.vcisch2.narod.ru/KLYUEV/Klyuev.htm>
7. Подробнее см.: Азадовский, К. М. Николай Ключев. Путь поэта / К. М. Азадовский. – Ленинград, 1990; Шенталинский, В. А. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ / В. А. Шенталинский. – Москва, 1995.

References

1. Serebryannii vek russkoi poezii [Silver age of Russian poetry]. – Moscow, 1993. – P.419.
2. Podrobnее sm.: Berdinskikh V. A. Istpriya russkoi poezii. Modernizm i Avangard [For more details see: Berdinskikh V. A. History of Russian poetry. Modernism and Avant-Garde]. – Moscow, 2013. – P. 414.
3. <http://www.booksite.ru/klyuev/>. (дата обращения: 15.10.2023).
4. Pozmogov, N. D. Drug Esenina [Esenin's friend] / N. D. Pozmogov // // Leninskoe znamya (Sovetskii raion Kirovskoi oblasti [Lenin's Banner (Soviet district of the Kirov region)]. – 1975. – November 22.
5. Literaturnaya enciklopediya [Literary encyclopedia]. – Moscow, 1931. – Vol.5. – P. 326.
6. <http://www.vcisch2.narod.ru/KLYUEV/Klyuev.htm> (дата обращения: 15.10.2023).
7. Podrobnее sm. [For more details see]: Azadovsky K. M. Nikolai Klyuev. Put' poeta [The poet's path]. – Leningrad, 1990; Shentalinsky V. A. Raby svobody. V literaturnih arhivah KGB [Slaves of freedom: In the literary archives of the State Security Committee]. – Moscow, 1995.

Для цитирования:

Бердинских, В. А. Старообрядческие мотивы в творчестве поэта Николая Клюева и вехи его биографии / В. А. Бердинских // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67) – С. 116–121.

For citation:

Berdinskikh, V. A. Old Believer motives in the work of the poet Nikolai Klyuev and milestones in his biography / V. A. Berdinskikh // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1(67). – P. 116–121.

Дата поступления статьи: 31.10.2023

Прошла рецензирование: 03.11.2023

Принято решение о публикации: 06.11.2023

Received: 31.10.2023

Reviewed: 03.11.2023

Accepted: 06.11.2023

Егорова С. Л. «Схватить ниточку». Опыт историко-биографического исследования об Альберте Ванееве. – Сыктывкар : ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023. – 208 с.: илл.

Egorova S. L. "Grab the thread". Experience of historical and biographical research about Albert Vaneev. – Syktyvkar : FRC Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2023. – 208 p.: ill.

Происходящие в последние годы в России изменения затронули практически все сферы жизни. Внесли они существенные перемены и в положение самых различных социальных слоев общества. Важно так же заметить, что особое внимание ученых привлекают вопросы, связанные с жизнью и деятельностью интеллигенции, ведь она оказывала и оказывает немалое влияние на векторы развития российского общества. Именно в рамках этого исследовательского проекта актуализировались историко-биографические изыскания, направленные на реконструкцию, анализ и описание обстоятельств жизни определенного человека.

В связи с этим монография С. Л. Егоровой, изучающая творческое наследие известного коми поэта и ученого-филолога А. Е. Ванеева, представляет немалый интерес.

Прежде всего хотелось бы отметить научную новизну и оригинальность работы С. Л. Егоровой. Здесь мы видим одну из первых, если вообще пока не единственную, попытку изучить жизненный путь А. Е. Ванеева. Ведь трудов биографического характера об Альберте Егоровиче, которые по объему и задачам выходили бы за рамки справочных изданий, практически нет. Исключение составляют пособие для учителей словесности и студентов Е. Ф. Гановой [1] и небольшая работа И. М. Ванеевой и А. Ф. Сметанина, где представлена научная, научно-организационная и общественная деятельность А. Е. Ванеева [2].

Между тем, А. Е. Ванеев принадлежит к поколению людей, на долю которых выпали тяжелейшие испытания и великие свершения, к поколению, которое росло вместе со своей страной. Детство и юность этих людей пришлось на военное лихолетье, когда страна напрягала все силы для достижения победы. А в послевоенный период именно они сумели поднять советское общество на новую ступень, успешно решая задачи, поставленные перед ним временем.

Таким образом, А. Е. Ванеев является свидетелем интересных и судьбоносных для страны и республики событий.

Поэтому если читатель обычно ищет в биографических изданиях подробности жизни известных людей, живые детали, позволяющие воссоздать образ времени, то в книге об А. Е. Ванееве он найдет не только это. Она несколько иная. Автор не столько описывает историю жизни поэта и ученого, сколько пишет о том, что можно назвать биографией его дела. Поэтому изучив исследование, получаешь возможность не просто узнать итог, но проследить процесс. И это придает книге С. Л. Егоровой редкую динамичность.

В монографии справедливо подчеркивается, что биографический жанр «позволяет рассмотреть историю раз-

вития страны как бы изнутри, через опыт отдельных людей, судьбы которых не только типичны, но и по-своему уникальны» (см.: С. 15). И автору удается это осуществить, именно поэтому текст сочно передает колорит эпохи, помогает воссоздать социокультурную атмосферу того времени.

Во многом этого удалось достичь благодаря весьма обширной источниковой базе исследования.

Можно согласиться с С. Л. Егоровой в том, что «происходившее в частной и творческой жизни А. Е. Ванеева вполне раскрывают документы его персональных архивных фондов, хранящихся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН и Национальном архиве Республики Коми: научные и литературные труды, документы к биографии, личная и деловая переписка, фотографии – все то, что стало источниковой основой рецензируемой монографии и позволило представить авторский опыт историко-биографического исследования об Альберте Ванееве, осветить место поэта и ученого в социокультурном процессе в стране и республике второй половины XX века» (см. С. 201–202).

Необходимо отметить, что именно благодаря введению в научный оборот значительного количества новых источников, автору удалось восполнить целый ряд пробелов, имевшихся в описании жизненного пути коми поэта. К ним следует отнести анализ взаимоотношений А. Е. Ванеева с братьями по писательскому труду, штрихи личной жизни писателя и т. д.

Особенно любопытна, на наш взгляд, глава четвертая монографии «А жизнь рождает новые планы и ставит новые задачи», в которой описываются и анализируются взаимоотношения А. Е. Ванеева с коллегами по творческому цеху – поэтами, писателями, переводчиками. Среди них: словацкий литературовед Р. Бртань, отечественный литературовед, специалист по романской филологии В. Мультатули, поэты и переводчики А. Хийри (Мишин), Г. Пагирев, А. Смольников, В. В. Дементьев, С. А. Баруздин и др. В рамках общения с ними содержательно обсуждались не только проблемы (личные, литературоведческие), но и делались наброски исторического и социокультурного контекста эпистолярного взаимодействия и т. д.

Явным достоинством издания является и доступный, живой язык, что делает ее чтение не только полезным, но и интересным.

Важно отметить и тщательный подбор иллюстративного материала (фотографий).

Однако хотелось бы высказать автору интересного исследования и ряд пожеланий. Прежде всего, надо отметить излишнюю, на наш взгляд, подробность некоторых

сюжетов. Например, вряд ли было необходимо столь тщательно, со стенографической подробностью, рассказывать о процессе работы над так и не состоявшимся проектом издания «Куратовской энциклопедии» (см.: С. 84–89). Возможно, имело смысл уделить большее внимание работе А. Е. Ванеева над фундаментальной энциклопедией «Республика Коми». Этому сюжету отведено буквально несколько абзацев (см.: С. 82–84). Между тем, именно в реализации данного проекта ярко отразился талант Ванеева-организатора, Ванеева-ученого [3].

Однако, несмотря на все замеченные (и, возможно, пропущенные) погрешности, текст рецензируемой книги очень ценен. Ценен, потому что все меньше остается людей, которые были не только свидетелями, но и непосредственными участниками значительных событий в истории нашей страны, республики: послевоенного становления автономии, бурного социально-экономического развития региона в 1960–1990-е гг., зрелости коми литературы.

А ведь интерес, внимание людей к этому легендарному времени будет возрастать. Это объяснимо – ведь нельзя двигаться вперед, не поняв ошибок прошлого, не взяв все полезное и хорошее, что было в жизни и истории нашей страны.

Действительно, многие сейчас мучаются вопросами: каким было наше прошлое? Что были за люди, которые жили в то время? Какие мысли и надежды они вкладывали в свои дела?

Эти вопросы требуют обстоятельного и правдивого ответа, прежде всего для самих нас. И многие ответы на волнующие нас проблемы мы можем найти, изучая жизненный путь живших в то время людей. Именно в этом и значительность исследования С. Л. Егоровой.

Литература

1. Ганова, Е. Ф. «Я родился под Северной звездой...»: творческий портрет народного поэта Республики Коми А. Ванеева: пособие для учителей словесности и студентов / Е. Ф. Ганова. – Сыктывкар, 2003. – 144 с.
2. Ванеева, И. М. Альберт Егорович Ванеев: материалы к совместному заседанию Президиума Коми НЦ УрО РАН и Ученого совета Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН 3 октября 2008 г. / И. М. Ванеева, А. Ф. Сметанин. – Сыктывкар, 2008. – 68 с.
3. Республика Коми: энциклопедия. В 3-х т. / главный редактор М. П. Рощевский. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, Т. 1. – 1997. – 469 с.; Т. 2. – 1999. – 573 с.; Т. 3. – 2000. – 423 с.

*О. В. Золотарев,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и методики обучения
общественно-правовым дисциплинам
Института истории и права
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»*

Юбилей

Юрий Яковлевич Чукреев

1 января 2024 г. 70-летний юбилей отметил **Юрий Яковлевич ЧУКРЕЕВ**, директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, доктор технических наук, известный исследователь в области разработки методов обеспечения балансовой надежности в электроэнергетике, почетный работник науки и техники Российской Федерации, заслуженный работник Республики Коми, лауреат стипендии Президента Российской Федерации в области науки и образования.

Юрия Яковлевича, в отличие от большинства детей, принес не аист, а Дед Мороз – 1 января в качестве новогоднего подарка родителям. Отец Юрия был военным, поэтому семья часто переезжала. Раннее детство Юрий Яковлевич провел на Алтае, среди гор широко известной сегодня Белокурихи, а школьные годы прошли в Алма-Ате. В 1971 г. после окончания школы он, по примеру старших братьев, решил стать энергетиком и поступил в Алма-Атинский энергетический институт.

Склонность к научно-исследовательской работе проявилась у Ю. Я. Чукреева еще в студенческие годы, поэтому в 1976 г., сразу после завершения с отличием электротехнического факультета по специальности «Электрические сети и системы», Ю. Я. Чукреева пригласили работать в родной институт на кафедру электрических сетей. Вскоре талантливый молодой сотрудник, посвятивший свои исследования проблемам повышения надежности электроэнергетических систем, был направлен на обучение в аспирантуру Московского энергетического института, где в 1983 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. 15 мая 1998 г. после успешной защиты докторской диссертации в Институте систем энергетики СО РАН в Иркутске Ю. Я. Чукрееву была присуждена ученая степень доктора технических наук.

Anniversaries

Yury Ya. Chukreev

В феврале 1982 г. Юрий Яковлевич был приглашен на работу в Отдел энергетики Коми филиала АН СССР. С тех пор уже более 40 лет трудовая и научная биография юбиляра неразрывно связана с Коми научным центром, в котором он прошел путь от старшего инженера до ученого секретаря Отдела энергетики, заведующего лабораторией энергетических систем (2004), заместителя директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем Севера (2006), директора Института (2010).

Все творческие силы и способности Юрий Яковлевич отдает электроэнергетике России и Республики Коми. Основной его научный интерес лежит в области разработки методов обеспечения надежности в электроэнергетике, технико-экономического обоснования средств обеспечения надежности при планировании развития электроэнергетических систем (далее – ЭЭС) и оперативного управления режимами их функционирования, в том числе в условиях реального времени. Здесь он является одним из наиболее крупных и известных специалистов как в России, так и за рубежом. Важным вкладом в фундаментальную науку являются разработанные Ю. Я. Чукреевым методологии оценки показателей балансовой надежности и средств резервирования, позволяющие выявлять «слабые» в аспекте надежности территориальные зоны и соединяющие их системообразующие связи.

Большой заслугой юбиляра явилось его руководство и самое активное участие в проведении исследований по применению новых информационных технологий (экспертных систем, искусственных нейронных сетей и генетических алгоритмов) для решения задач оперативного, в реальном времени, управления режимами функционирования региональной ЭЭС на примере Коми ЭЭС, выполненных на рубеже веков впервые в России. С позиций системного подхода Юрий Яковлевич сформулировал и обобщил задачи обоснования решений по обеспечению надежности сложных ЭЭС, в том числе и ЭЭС России. Особенно важно, что результаты этих исследований нашли практическое применение в организациях, ответственных за развитие электроэнергетики страны – АО «Системный оператор ЭЭС» и проектных институтах – и нашли свое отражение в Национальном стандарте РФ по вопросам обоснования надежности энергосистем и методических указаниях по проектированию их развития в Российской Федерации. Программные продукты на базе предложенных Ю. Я. Чукреевым методических разработок внедрены в региональное диспетчерское управление Коми ЭЭС. Они позволили более взвешенно подходить к коррекции параметров режима и снизить стрессовые ситуации обслуживающего персонала.

Более 25 лет Юрий Яковлевич совмещает научную деятельность с педагогической. В целях подготовки высококвалифицированных специалистов-электриков для

предприятий Республики Коми в ноябре 2000 г. на базе Сыктывкарского лесного института им была организована кафедра по направлению электротехнического профиля, которую он возглавляет в настоящее время. Ю. Я. Чукреев является председателем ГАК в Ухтинском государственном техническом университете у бакалавров и магистров специальности «Электротехника и электроэнергетика». Благодаря усилиям Юрия Яковлевича и сотрудников лаборатории энергетических систем в 2022 г. в Сыктывкарском лесном институте была открыта новая специальность «Электроэнергетика и электротехника» для подготовки бакалавров и магистров.

Ю. Я. Чукреев – член Объединенного ученого совета по междисциплинарным проблемам УрО РАН, Объединенного ученого совета по экономическим наукам УрО РАН, Объединенного ученого совета ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, председатель Ученого совета ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Он является членом секции научно-технического совета ЕЭС России «Активные системы распределения электроэнергии и распределенные энергетические ресурсы», Совета по улучшению инвестиционного климата и развитию экспорта в Республике Коми, Общественно-экспертного совета при Главе Республики Коми по стратегическому развитию и проектам. На протяжении многих лет Ю. Я. Чукреев является членом редколлегии журналов «Безопасность критических инфраструктур» (г. Екатеринбург), «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (г. Вологда), «Известия Коми научного центра УрО РАН», членом оргбюро постоянно действующего Всероссийского семинара «Методические вопросы исследования надежности больших систем энергетики». Ю. Я. Чукреев – эксперт РАН, эксперт-аналитик Федерального реестра экспертов научно-технической сферы.

По материалам исследований Ю. Я. Чукреевым опубликовано более 220 научных работ, в том числе девять монографий и 20 учебных пособий. Он участник более чем 80 научных конференций, симпозиумов и семинаров, в том числе международных.

Талантливый ученый Ю. Я. Чукреев неоднократно и заслуженно удостоивался государственных наград и званий. За многолетнюю научную деятельность и плодотворную работу в области науки и образования в 1994 г. он был награжден Почетной грамотой Верховного Совета Республики Коми, в 2002 г. – Грамотой Уральского отделения РАН, в 2009 г. – Почетной грамотой Российской академии наук и Профсоюза работников РАН. В период с 2000 по 2003 г. Ю. Я. Чукреев являлся лауреатом стипендии Президента Российской Федерации в области науки и образования. В 2004 г. Юрию Яковлевичу было присвоено почетное звание «Заслуженный работник Республики Коми». В 2014 г. он был отмечен знаком «Почетный работник науки и техники Российской Федерации» и Благодарностью Государственного совета Республики Коми. В 2022 г. Ю. Я. Чукреев был удостоен Благодарности Президента Российской Федерации.

От всей души поздравляем известного ученого, опытного руководителя, замечательного семьянина и прекрасного человека Юрия Яковлевича Чукреева с юбилеем и желаем ему счастливой, долгой, плодотворной и творческой жизни!

Коллектив Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ

Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

**Серия «История и филология»
№ 1 (67)**

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И. Л. Жеребцов

Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д. В. Милохин

Выпускающий редактор – И. В. Курляк

Редактор – О. А. Гросу

Переводчик – Т. А. Исакова

Оригинал-макет – Е. Н. Старцева

Дизайн обложки – Я. С. Куликова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.

Подписано в печать 29.03.2024. Дата выхода в свет 04.04.2024.

Уч.-изд.л. 19,0. Усл.-печ.л. 15,0. Тираж 300. Заказ № 10.

Формат 60x84¹/₈. Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН».
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.